

№ 2

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ПРОМЕТЕЙ

АВГУСТ

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

СОДЕР
ЖКА

НИ

Е

От редакции.....	стр. 4
Международный обзор: июль 2026	стр. 5-18
Марксистский анализ текущего мирового кризиса – от Давоса и войны за Ормузский пролив до тарифных войн и гонки ИИ – через призму падения нормы прибыли и сопоставления с канунами 1914 и 1939 годов.	
<i>Анатомия гниения</i>	
От математики кризиса к мировой войне.....	стр. 19-31
Разбор полемики Люксембург, Ленина, Бухарина и Гроссмана о причинах капиталистических кризисов и обоснование того, что у системы нет мирного выхода из тупика перенакопления.	
Избыток капитала при избытке населения (К. Маркс)	стр. 32-38
Публикация классического фрагмента III тома “Капитала” об абсолютном перенакоплении капитала с редакционным предисловием.	
<i>Анатомия глобального отчуждения</i>	
Политэкономия структурного кризиса и миф постиндустриализма.....	стр. 38-49
Критика буржуазных мифов о “деиндустриализации” и “экономике знаний” через анализ переноса производства, деквалификации труда и падающей доли труда в доходе.	
<i>Классовая борьба в мире</i>	
Трансформация рабочего движения после 1968 года	стр. 49-56
Обзор мирового рабочего движения от кризиса фордизма до современных стачек в Азии, США и Европе, с приложением о статистических манипуляциях, скрывающих его реальный масштаб.	
Иллюзия социализма и реальность капитала в СССР	стр. 57-74
Доказательство того, что за фасадом “общенародной собственности” в СССР скрывался обычный капитализм с наёмным трудом и государственной буржуазией.	
<i>Уроки поражения</i>	
Объективные причины изоляции и контрреволюции	стр. 74-79
Начало цикла о революции и контрреволюции: анализ социально-экономического коллапса 1917-1921 годов как материальной почвы контрреволюции.	
Зеркало для героя	стр. 80-81
Архивный программный текст с призывом к коммунистам взять организационную ответственность на себя вместо ожидания стихийного “созревания” масс.	
Подход к вопросу о партии	стр. 82-99
Полемка о роли революционной партии на материале забастовки британских шахтёров 1984-1985 годов.	

Развитие современных производительных сил предоставляет новые технические инструменты для марксистской печати. Иллюстративный материал данного номера создан с применением технологий искусственного интеллекта (генеративных нейросетей Gemini 3 Flash Image и DALL-E 3). ИИ выступил здесь исключительно в роли средства производства, тогда как идейная концепция, постановка задач и финальная обработка образов являются результатом живого человеческого труда коллектива нашей редакции.

Печатный орган группы “Коммунистический Прометей”.
email: komunistprometey@ik.me
Тираж: менее 1000 экз. Печать собственная.

ОТ РЕДАКЦИИ

Перед вами второй номер журнала “Коммунистический Прометей”.

Как уже подчёркивалось во вступительной статье к нашему первому выпуску, это издание создаётся не для пассивного ознакомления и не для абстрактных академических размышлений. Мы предлагаем этот журнал не просто для чтения, а как строгий рабочий инструмент для ведения теоретической дискуссии и обеспечения условий для практической, организационной координации сил.

В текстах этого номера мы продолжаем последовательное марксистское препарирование капиталистической действительности: от математики падающей нормы прибыли и анатомии глобального отчуждения до развенчания мифов о “социалистической” природе СССР и анализа исторических поражений рабочего движения. Все эти материалы подчинены одной цели – кристаллизации ясного политического понимания задач, стоящих перед классом сегодня.

В данном выпуске отсутствует рубрика “Переписка с товарищем”. Однако это отнюдь не означает, что диалог с нашими сторонниками и сочувствующими прерван. Напротив, мы получили и внимательно изучили множество ваших писем, вопросов и критических замечаний. Мы приняли решение дать развёрнутый ответ на большинство из них не в формате отдельной рубрики, а непосредственно в статьях этого номера.

Капиталистическая система всё глубже погружается в структурный кризис, предлагая человечеству лишь выбор между варварской сверхэксплуатацией и новой мировой бойней. Выход из этого тупика не появится стихийно. Поэтому мы вновь обращаемся к нашим читателям: если вы разделяете изложенные здесь политические позиции, не оставайтесь сторонними наблюдателями.

Мы призываем вас присоединиться к работе над изданием, помогать в его распространении и, что самое главное, активно включаться в процесс формирования мировой коммунистической партии, без которой победа над диктатурой капитала невозможна.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОБЗОР: ИЮЛЬ 2026

Мир 2026 года балансирует на грани полномасштабной катастрофы. Пока буржуазные аналитики, экспертные центры и либеральная пресса списывают каскад региональных войн, развал логистических цепочек и суверенные дефолты на случайные “геополитические риски” или ошибки отдельных правительств, реальная механика кризиса остаётся скрытой за фасадом биржевых сводок. Предлагаемый вашему вниманию международный обзор – это попытка сорвать эту идеологическую завесу. Этот текст необходим каждому, кто устал от информационной дезориентации и хочет понять не поверхностные симптомы, а фундаментальные, материальные причины происходящего безумия, в котором триллионные пузыри искусственного интеллекта органично соседствуют с руинами разбомбленных городов.

Опираясь на строгий категориальный аппарат марксистской политэкономии, мы проводим беспощадное препарирование современного империализма. Статья шаг за шагом демонстрирует структурный тупик системы: от неумолимого падения нормы прибыли и стягивания глобальной долговой петли до отчаянных попыток капитала найти спасение в милитаризации космоса и тотальном алгоритмическом диктате. Вы увидите, как объективные законы накопления и перепроизводства, описанные Марксом и Лениным, работают сегодня – в эпоху дата-центров, цифровых валют (CBDC) и программируемой реальности.

Однако этот текст – не фаталистическое пророчество о конце света, а политическое руководство к действию. Читатель найдёт здесь не только диагноз издыхающей государственно-монополистической системы, но и ясный ответ на вопрос “Что делать?”. В эпоху, когда оппортунисты призывают рабочий класс выбирать “меньшее зло” среди империалистических хищников, этот обзор возвращает рабочее движение к его главной исторической задаче – необходимости выковать революционную партию своего авангарда, способную разбить буржуазную государственную машину и остановить надвигающееся варварство.

Давос, январь 2026 года. В зале свидетелем становятся Альпы под аплодисменты собравшихся учреждается “Совет мира” – закрытый клуб инвесторов с входным билетом, который, по слухам, стоит миллиард долларов. За одним столом – представители израильского капитала и монархий Персидского залива, ещё вчера пребывавшие в состоянии войны или на её грани, сегодня единодушно склонившиеся над картой средневосточных руин с одной-единственной заботой: кто получит подряд на их восстановление. В соседнем окне – биржевой тикер, на котором капитализация Nvidia только что перевалила за пять триллионов долларов, а строкой ниже безмолвно ползёт котировка нефти, всё ещё не успокоившаяся после ракетных ударов по нефтегазовой инфраструктуре в районе Ормузского пролива. Никто в зале не находит в этом соседстве ничего противоестественного. Ни единого сбоя пульса, ни тени неловкости – оценщики руин работают с той же деловой методичностью, с какой ещё вчера рассчитывали логистику самих ударов. Хулио Хуренито, этот великий учитель и провокатор, несомненно, оценил бы сей “Совет мира” по достоинству: здесь не просто цинизм, здесь – метафизика чистого капитала, для которого не существует “мертвецов”, а существуют лишь “объекты реконструкции” и рынки сбыта.

Как здесь не вспомнить язвительное замечание Т. Дж. Даннинга, процитированное Карлом Марксом, о природе капитала, который ради 300 % прибыли *«рискует бы, хотя бы под страхом виселицы»*¹, пойти на любое преступление. Давосские старцы превзошли этот афоризм: они сами создают повод для преступления, чтобы затем с прибылью в 300 % профинансировать его ликвидацию. Это нагляднейшая иллюстрация того, как империализм – загнивающий и паразитический капитализм – превращает саму смерть в прибыльное предприятие для финансовой олигархии.

Вот она, вся анатомия системы в одном кадре, будто бы говорящем сам за себя, – но эта немота как раз и требует расшифровки, потому что именно в мнимой самоочевидности и состоит фокус буржуазного здравого смысла: заставить зрителя принять эту сцену за естественный по-

рядок вещей, а не за то, чем она в действительности является, – за перенакопленный капитал, ищущий спасения в разрушении, чтобы затем с прибылью восстановить им же созданные руины. Разрушение и восстановление здесь не сменяющие друг друга фазы – они одновременны, они – один и тот же акт, рассматриваемый с двух сторон одного и того же баланса. Порох и бетон, ракета и облигация выходят из одного и того же перенакопленного избытка стоимости, не находящего себе применения в мирном производстве, и именно поэтому не удивляет соседство котировки чипа для распознавания образов и котировки барреля нефти, добытого под дулом оружия. Понять эту сцену – значит понять три четверти нижеследующего анализа; всё остальное – лишь развёртывание этой картины в систему категорий марксистской политэкономии.

Анализ структурного кризиса мирового капитализма требует переноса фокуса с абстрактных показателей фондового рынка на материальный базис системы – производственные цепочки и движение ссудного капитала. Мировая экономика так и не вышла из “Долгой депрессии”, начавшейся после рецессии 2008–2009 годов: нынешняя фрагментация мировой торговли и всплеск конфликтов – не внешняя случайность, а закономерный результат длительной стагнации производительности труда и низких темпов накопления производительного капитала.

Господствующая буржуазия вынуждена констатировать крушение прежней модели глобализации, но интерпретирует его в собственных идеологических категориях “геополитического риска” и “фрагментации”, а не как проявление внутренних противоречий накопления. Буржуазная политическая экономия сегодня напоминает врача, который добросовестно измеряет пациенту температуру, пульс и давление, составляет пространные отчёты о симптомах, но упорно отказывается признать, что болезнь коренится не в дурном климате и не в кознях соседей по палате, а в самом организме. Это не невежество: это профессиональная необходимость апологета, обязанного объяснить кризис системы чем угодно, кроме самой системы. Эти, выражаясь языком Ленина, *«учёные приказчики класса капиталистов»*² с их ребяческим

1 - Капитал. Том первый. Книга I: Процесс производства капитала // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 23. С. 770.

2 - Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 18. С. 364.

идеализмом пытаются затушевать коренной факт: обострение противоречий между державами – это не аномалия и не следствие “ошибочной политики”, а закономерное выражение неравномерности развития капитализма. В своей гениальной работе “Империализм, как высшая стадия капитализма” Ленин математически точно доказал: рост одних национальных капиталов и относительный упадок других неизбежно взрывает прежнее равновесие сфер влияния и вынуждает монополии – всегда и неизбежно *силой* – осуществлять передел уже поделённого мира. Задача марксистского анализа – вскрыть само противоречие в процессе производства стоимости, которое и порождает эту неравномерность, и на этой основе объяснить конкретные политические события текущего момента. Развернём эту цепь категорий последовательно – от простейшего противоречия к его конкретно-историческим формам.

ПАДЕНИЕ НОРМЫ ПРИБЫЛИ КАК ИСХОДНОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ

Капитал вынужден непрерывно наращивать производительность труда через механизацию и автоматизацию, но именно живой труд остаётся единственным источником прибавочной стоимости. По мере того, как доля машин, сырья и технологий в капитале растёт, а относительная масса живого труда сокращается, действует объективная тенденция нормы прибыли к понижению. Здесь капитал повторяет судьбу гётевского чародея, вызвавшего духов, которых сам же не в силах утихомирить: производительные силы, созданные им для собственного увеличения, при своём безудержном росте методично подтачивают самую основу его существования. Машины, сколь бы “интеллектуальными” они ни казались, остаются лишь мёртвым трудом. Они не создают новой стоимости, а лишь переносят свою собственную стоимость на продукт. Чем больше мёртвого труда довлеет над живым, тем стремительнее усыхает сам источник самовозрастания капитала.

Расчёты по базе данных Penn World Tables для стран G20 дают этому закону эмпирическое подтверждение: с конца 1960-х годов глобальная норма прибыли снизилась, по разным оценкам, на 15–25 %. Неолиберальный подъём последних десятилетий XX века был лишь временной флуктуацией перед вступлением в затяжную депрес-

сию нынешнего столетия, где норма прибыли колеблется у исторических минимумов.

Впрочем, буржуазные профессора, подобно средневековым схоластам, радостно потирают руки, указывая на периоды неолиберального подъёма как на “опровержение” Маркса. И здесь мы обязаны дать им бой на поле самой марксистской теории. Способен ли капитал отменить тенденцию к снижению нормы прибыли? Нет. Но может ли он её притормозить? Безусловно. В XIV главе третьего тома “Капитала” Маркс скрупулёзно разбирает противодействующие влияния (контртенденции), которые превращают этот закон именно в *тенденцию*. Разберём, как капитал отчаянно цепляется за эти соломинки сегодня, в 2026 году.

Во-первых, *повышение степени эксплуатации труда*. Сегодня это принимает форму тотального алгоритмического контроля. Миллионы платформенных рабочих, операторов складов Amazon и разметчиков данных для ИИ лишены даже тех жалких прав, что имел фабричный пролетариат XIX века. Нейросети сами по себе не создают ни грамма стоимости, но служат орудием беспрецедентного выжимания относительной и абсолютной прибавочной стоимости из рабочих, хронометрируя и уплотняя каждую секунду их труда.

Во-вторых, *понижение заработной платы ниже её стоимости*. Инфляционный грабёж последних лет, когда цены растут несопоставимо быстрее номинальных зарплат, вкупе с использованием труда бесправных мигрантов, физически не позволяет пролетариату воспроизводить свою рабочую силу.

В-третьих, *удешевление элементов постоянного капитала*. Бурный рост мощностей микроэлектроники и удешевление передачи данных снижают стоимость постоянного капитала (машин и инфраструктуры), временно компенсируя его физическое разрастание.

В-четвёртых, *внешняя торговля и империалистический вывоз капитала*. Перенос производств в страны с более низким органическим строением капитала, где норма прибавочной стоимости чудовищно высока из-за полурабских условий труда, позволяет финансовой олигархии более развитых в экономическом плане империалистических держав безвозмездно присваивать колоссальную массу созданной там стоимости и дешёвого сырья через механизм неэквивалентного обмена и монопольной сверхприбыли.

Способны ли эти контртенденции переломить саму тенденцию к падению нормы прибыли? Ответим словами самого Маркса из III тома «Капитала»:

*«Если принять во внимание чрезвычайное, сравнительно со всеми предыдущими периодами, развитие производительных сил общественного труда даже только за последние 30 лет, в особенности если принять во внимание, что не только собственнo машины, а вся огромная масса основного капитала входит в совокупность общественного процесса производства, то вместо затруднения, которое до сих пор занимало экономистов, именно затруднения, как объяснить понижение нормы прибыли, возникает другое, противоположное затруднение, именно, как объяснить, почему такое падение не было более значительным или более быстрым. Это заставляет предполагать противодействующие влияния, которые ослабляют и парализуют действие общего закона и придают ему характер лишь тенденции, почему мы и назвали понижение общей нормы прибыли только тенденцией к понижению».*³

Контртенденции отнюдь не упраздняют самого противоречия, они лишь паллиатив, форма его временного, лихорадочного разрешения. Они выступают не как непреодолимое препятствие на пути неумолимого закона, а как его собственный пульс, как имманентные факторы его исторического движения. Но чудотворная алхимия капитала не всесильна.

Выжимая из рабочего последние соки, эта вампирическая жажда прибавочного труда наталкивается не на какую-то застывшую метафизическую константу, а на сопротивление нервов, мышц и крови – на физиологический предел человеческого организма, который пролетариат упрямо отстаивает в повседневной классовой борьбе. С другой стороны, хищническое удешевление постоянного капитала разбивается об истощение самой земли; капитал, привыкший, словно расточительный наследник, безвозмездно присваивать живые силы природы как даровой подарок, в конечном счёте оставляет после себя лишь бесплодную пустыню.

Когда же эти резервы – истощённая природа и надорванный рабочий – иссякают, противоречие между общественным характером производства и частным присвоением сбрасывает с себя

ветхую маску «свободного обмена». Не находя более тихой экономической гавани, капитал обнажает клыки: конфликт неизбежно переносится на арену прямого, неприкрытого политического насилия буржуазии над трудом.

Однако было бы пошлым фатализмом видеть в этом лишь слепой автоматизм экономической шестерни. Закон лишь возводит подмости и очерчивает границы возможного, но историю творят живые люди. На это лукавый буржуазный апологет – или прекраснoдушный реформист – непременно возразит: разве колоссальный скачок производительности труда не порождает сегодня гигантскую, немыслимую прежде массу прибавочной стоимости? Разве эта невиданная гора богатств не позволяет капиталу откупаться от пролетариата щедрыми подачками, социальным обеспечением и новомодными прожеками «безусловного базового дохода», в точности повторяя старый трюк с подкупом «рабочей аристократии» за счёт грабежа в эпоху расцвета колониальных империй?

Материально, физически – безусловно, позволяет! Технологический базис сегодня таков, что произведённого продукта с избытком хватило бы на то, чтобы навсегда покончить с нуждой. Но в том-то и кроется неразрешимое противоречие капиталистического способа производства: эта колоссальная масса прибавочной стоимости не свободна. Она намертво прикована необходимостью оплодотворять разбухшую до небес гору постоянного (с) и фиктивного капитала, чтобы хоть как-то удержать от окончательного обрушения норму прибыли. Львиная доля этого выросшего богатства с неизбежностью пожирается спекулятивными пузырями, обслуживанием астрономических долгов и милитаризмом.

Поэтому историческое пространство для *прогрессивных* социальных реформ – для реального подъёма уровня образования, медицины и социальной мобильности, как это было во времена послевоенного компромисса, действительно закрылось. Те же подачки, пособия и проекты «базового дохода», которые монополии вынуждены бросать со своего стола, не имеют ничего общего с социальным прогрессом. Это лишь издержки на содержание колоссальной резервной армии труда, которую технический прогресс вышвырнул за ворота фабрик. Это не реформизм,

3 - Маркс К. Капитал. Том третий. Книга III: Процесс капиталистического производства, взятый в целом // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 25. Ч. I. С. 254.

а тюремная пайка, полицейская благотворительность, цель которой – лишь удержать лишённые будущего массы от немедленного голодного бунта и подкормить верхнюю прослойку рабочей аристократии для раскола пролетарских рядов; в то же самое время буржуазия содержит и укрепляет аппарат открытой диктатуры и террора.

Удастся ли капиталу усыпить и сковать общество этими подачками и железными цепями реакции, или же вооружённый ясным пониманием своей исторической задачи пролетариат сокрушит саму диктатуру капитала – это решится не на страницах пыльных бухгалтерских grossбухов, а в горниле живой, бескомпромиссной классовой борьбы.

ОБОРОТ КАПИТАЛА, “УНИЧТОЖЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА ВРЕМЕНИ” И ТОРГОВЫЕ ВОЙНЫ

Столкнувшись с этим давлением, капитал стремится компенсировать снижение нормы прибыли увеличением её массы – то есть сокращением времени оборота. Ещё в “Экономических рукописях 1857–1859 годов” Маркс сформулировал эту *необходимость* капитала: *«Капитал по своей природе стремится выйти за всякие пространственные границы. Поэтому создание физических условий обмена – средств связи и транспорта – становится для капитала необходимостью в совершенно ином масштабе: уничтожение пространства посредством времени»*.⁴

Отсюда – объективная потребность в постоянной технологической революции транспорта и связи, а любое препятствие на этом пути капитал стремится устранить любыми доступными ему средствами, включая прямое государственное вмешательство.

Фридрих Энгельс в своих поздних письмах и в “Анти-Дюринге” блестяще показал, как протекционизм и гонка вооружений вырастают не из чьей-то злой воли, а из самой логики задыхающегося в собственных рамках национального капитала. Именно эту логику вскрывает нынешняя тарифная лихорадка американского империализма. После того как Верховный суд США в феврале 2026 года признал незаконными пошлины, введённые администрацией Трампа по чрезвычайному экономическому законодательству,

Белый дом в тот же день ввёл новые пошлины уже по разделу 122 закона о торговле 1974 года – с жёстким сроком действия в 150 дней, отсчёт которого истекает как раз в эти недели, требуя нового согласия конгресса на продление. Спектакль этот стоит любой комедии положений в духе мольеровского Тартюфа: судейская коллегия чинно указывает исполнительной власти на превышение полномочий, а та с олимпийским спокойствием переиздаёт тот же указ под новой вывеской, ссылаясь на другую статью того же свода законов. Так разыгрывается на наших глазах старый фарс буржуазной легальности, где право – не что иное, как форма, в которую монополия облекает свою волю. Неслучайно параллельно с тарифным нажимом на Южную Корею Евросоюз, также находясь под давлением, наконец подписал в январе 2026 года соглашение с южноамериканским блоком Меркосур, которое готовилось четверть века: страх потерять доступ к американскому рынку заставляет капитал форсированно перестраивать торговые маршруты, замыкая их в границах новых лояльных блоков.

Десятилетиями система поставок “точно в срок” обеспечивала монополиям сверхприбыли за счёт минимизации складских запасов. Сегодня этот механизм даёт двойной сбой – тарифный и военный. Милитаризация Ормузского пролива в ходе войны Израиля и США против Ирана весной 2026 года взвинтила нефтяные цены выше 110 долларов за баррель, а рамочное перемирие, подписанное 17 июня, хотя и позволило открыть пролив, не отменило самого факта: контроль над узкими логистическими горлышками стал прямым военно-политическим инструментом. Именно в этом ключе следует рассматривать и затяжной кризис судоходства в Красном море и Суэцком канале, вынудивший глобальный логистический капитал перенаправить львиную долю грузопотока из Азии в Европу в обход Африки. В политэкономическом измерении это означает колоссальное и насильственное удлинение времени оборота капитала. Издержки на фрахт взлетели кратно, а поскольку капитал никогда добровольно не смирится с падением своей маржи, он неизбежно перекладывает стоимость этого удлинённого логистического плеча на рабочий класс через удорожание конечных товаров.

4 - Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов (Первоначальный вариант “Капитала”) // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 46. Ч. II. С. 15.

Но этот инфляционный удар – лишь тактическая реакция, за которой скрывается стратегический развал всей прежней глобальной архитектуры. Не имея больше возможности обеспечивать бесперебойную работу мировых артерий, монополии, по сути, хоронят иллюзии “свободной торговли” и приступают к целенаправленному расчленению единого рынка на обособленные, ошестившиеся штыками и таможенными барьерами макрорегионы. Буржуазные аналитики уже скрупулезно калькулируют издержки этого великого раскола: фрагментация мировой торговли на конкурирующие блоки, по оценке МВФ, обойдется мировому хозяйству в 7 % совокупного продукта.

Замедление оборота капитала неизбежно бьет по норме прибыли, а компенсировать эти потери монополии могут единственным доступным им способом – усилением эксплуатации живого труда. Скачок инфляционных ожиданий в США после начала войны с Ираном (Федеральная резервная система в июне 2026 года резко повысила прогноз по инфляции на этот год до 3,6 % против 2,7 % ранее) вызван не заработными платами рабочих, а стремлением монополий защитить абсолютную массу прибыли, перекладывая издержки логистического и военного кризиса на рабочий класс через рост цен.

Стремление капитала к монополизации средств связи и транспорта сегодня вырывается за пределы земной атмосферы. Околоземное пространство превратилось в новую арену ожесточенной империалистической конкуренции. Развёртывание частных спутниковых группировок (подобных Starlink) означает, что транснациональные монополии приватизируют стратегическую военную и информационную логистику, ранее находившуюся в исключительном ведении государств. Однако эта приватизация – лишь переходная форма: по мере того как контроль над орбитальной инфраструктурой становится вопросом военного и экономического выживания самого национального капитала, государства неизбежно вынуждены восстанавливать над ней прямой или опосредованный контроль – через регулирование, субсидирование, национализацию критических узлов или прямое военное подчинение частных операторов (как уже происходит с интеграцией Starlink в военную логи-

стику НАТО). Космос становится полигоном, где подтверждается тезис Маркса: для монополии не существует физических границ – есть лишь границы извлечения прибыли, которые она преодолевает технологическим рывком, – и одновременно демонстрируется то, о чём писал Энгельс: концентрация производства в руках всё более узкого круга монополий с необходимостью подталкивает капитализм к прямому государственному или квазигосударственному обобществлению инфраструктуры, тем самым против собственной воли подготавливая материальные предпосылки своей будущей экспроприации.

КРЕДИТ, ФИКТИВНЫЙ КАПИТАЛ И ДОЛГОВАЯ ПЕТЛЯ

Кредит выступает смазочным материалом системы. При этом Маркс в XXVII главе III тома “Капитала” не останавливался на этом, а диалектически указывал на *двойственный характер* кредита:

*«Присущий кредитной системе двойственный характер: с одной стороны, развивать движущую силу капиталистического производства, обогащение на эксплуатации чужого труда, в систему чистейшего и колоссальнейшего азарта и мошенничества и всё более сокращать число тех немногих, которые эксплуатируют общественное богатство; а с другой – составлять переходную форму к новому способу производства; эта двойственность и придаёт главным провозвестникам кредита [...] свойственный им приятный характер помеси мошенника и пророка».*⁵

Сегодня по мере обострения кризиса рентбельности эта смазка превращается в горючее, раздувающее пузыри фиктивного капитала.

Совокупный мировой долг, по данным Института международных финансов, достиг к 2026 году рекордных 348 трлн долларов. В условиях высоких ставок обслуживание этого долга превращается в насос по выкачиванию стоимости из стран с более низким органическим строением капитала. Показателен и случай Японии: десятилетиями Токио сознательно добивался ослабления иены, путём поддержания крайне низкой и даже отрицательной ключевой ставки, как инструмента борьбы с дефляцией и поддержки экспорта. Но к 2026 году это управляемое ослабление переросло в неконтро-

5 - Там же. С. 485.

лируемое – иена обвалилась до сорокалетнего минимума, несмотря на валютные интервенции на десятки миллиардов долларов и повышение базовой ставки Банком Японии до 31-летнего максимума. Показательно, что даже эти меры не остановили падение: правительство теперь вынуждено обороняться от того самого механизма, который прежде сознательно использовало. Это наглядно демонстрирует общий закон: в эпоху доминирования фиктивного капитала над реальным накоплением ни одно национальное государство – включая некогда образцовых экспортёров – не может по своей воле управлять курсом валюты, если за ним не стоит достаточная масса прибавочной стоимости; курс превращается из инструмента политики в симптом накопленного долгового бремени.

Долговая петля затягивается и в самом центре мировой системы капитала. Резкий рост политического давления на ФРС – в январе 2026 года министерство юстиции США инициировало уголовное преследование прежнего главы ФРС, а сменивший его в мае новый председатель уже в июне отказался от традиционных прогнозов по ставке – есть прямое проявление того, что монетарная власть больше не может служить нейтральным арбитром между фракциями капитала. Легенда о независимом, стоящем над схваткой центральном банке всегда была именно легендой – удобной фикцией эпохи относительной устойчивости; когда почва начинает уходить из-под ног, жрецы денежного культа быстро обнаруживают, что их храм принадлежит вполне земному, вполне корыстному собственнику. То, что ставка четыре заседания подряд удерживается на уровне 3,5–3,75 % при одновременном повышении прогноза по инфляции, – точный симптом тупика: снижать ставку в условиях военного инфляционного шока значит окончательно обесценить долг, а удерживать её – значит душить и без того стагнирующий реальный сектор.

Эта же долговая петля служит орудием прямой экспроприации стран с более низким органическим строением капитала. Политика высоких процентных ставок в старых империалистических метрополиях спровоцировала в 2024–2026 годах каскад суверенных дефолтов в ряде стран Африки и Азии. Финансовые институты империализма (МВФ и Всемирный банк) используют этот кризис для диктата: в обмен на реструктуризацию долгов навязывается тотальная

приватизация портов, водоканалов, электросетей. Это форма принудительной централизации капитала, при которой транснациональные монополии за бесценок скупают материальные производительные силы целых наций, опутанных сетями ссудного капитала.

Параллельно с этим государственно-монополистический капитализм готовит революцию в самой природе денег. Внедрение цифровых валют центральных банков (CBDC) – это не просто технологическое усовершенствование обращения, а переход к тотальному контролю над потреблением переменного капитала. Программируемые деньги дают буржуазному государству беспрецедентный инструмент классовой диктатуры: возможность по щелчку алгоритма подавлять любое классовое сопротивление. Деньги окончательно превращаются из универсального эквивалента в прямой электронный ошейник для пролетариата, знаменуя полное, технически завершённое слияние финансового капитала с репрессивной машиной государства.

Наиболее ярко отрыв фиктивного капитала от материального накопления виден в буме искусственного интеллекта. Рыночная капитализация одной лишь Nvidia к концу 2025 года превысила 5 трлн долларов, а параллельно биткоин к середине 2026 года пережил худший обвал за четыре года, потеряв около трети стоимости с начала года. Эта поляризация показывает, куда именно перетекает избыточный капитал в поисках хотя бы формальной привязки к реальному процессу производства. Но было бы ошибкой считать этот пузырь простой галлюцинацией инвесторов. Спекулятивный капитал ИИ-сектора функционирует как гигантский насос, который через монопольные цены, патенты и платформенную ренту выкачивает реальную прибавочную стоимость, производимую миллионами наёмных рабочих по всему миру. При этом исследование MIT показало: 95 % организаций не получают никакой измеримой отдачи от многомиллиардных вложений в генеративный ИИ – перед нами классический кризис реализации. Здесь уместно вспомнить старую сказку о голом короле, однако современный биржевой аналитик гораздо циничнее героев Андерсена – он прекрасно видит пустоту балансовых отчётов, но обязан воспевать их величие под страхом немедленного изгнания со своего “рабочего места”. Иллюзия “капитала, рождаю-

щего капитал без участия труда”, достигла здесь своего апогея.

ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ КАПИТАЛА И ГОСУДАРСТВЕННО- МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЙ ДИРИЖИЗМ

Конкуренция за ускользящую прибыль закономерно завершается монополией. Инфраструктура искусственного интеллекта стала к 2026 году именно такой сферой сверхцентрализации: триллионные вложения в дата-центры, энергетику и полупроводники резко повышают органическое строение капитала и одновременно закрепляют контроль над этими мощностями за узким кругом корпораций.

Показательно, как правящий класс реагирует на любое сопротивление этой централизации. Когда против строительства дата-центров искусственного интеллекта совокупной стоимостью 23,6 млрд долларов в США развернулась локальная общественная кампания, буржуазная пресса и следственные органы предпочли не разбирать материальные претензии протестующих, а связали организаторов с фигурой предполагаемого иностранного спонсора, немедленно переведя конфликт в плоскость “национальной безопасности”. Приём этот стар как сам классовый конфликт: всякий раз, когда обездоленный протестует против отнятой у него воды или земли, находится услужливый публицист, готовый объявить его иностранным агентом, лишь бы не признавать, что протест этот – плоть от плоти внутренних, отечественных, вполне доморощенных противоречий капитала.

Государство защищает централизованный капитал не только репрессивно-идеологическими средствами внутри страны – оно организует его позиционирование и на мировой арене, закрепляя за национальным капиталом те сегменты технологической цепочки, где он способен удерживать монопольное преимущество. По обе стороны Тихого океана рыночная конкуренция всё более тесно переплетается с государственным вмешательством, определяющим само поле этой конкуренции. Патентная статистика фиксирует результат этого вмешательства – жёсткое разделение труда между национальными блоками монополистического капитала: американский капитал концентрируется на генеративных моделях с наивысшей добавленной стоимостью, тогда как китайский государственно-монополи-

стический капитал захватывает лидерство там, где речь идёт о физическом контроле – робототехнике, биометрии, компьютерном зрении.

Та же логика передела уже поделённого мира между блоками финансового капитала проявляется не только в разделении сфер приложения технологий – верхних переделов (генеративные модели) для американского капитала и нижних переделов, связанных с физическим контролем (робототехника, биометрия, компьютерное зрение), для китайского государственно-монополистического капитала, – но и в конкуренции за контроль над переделом рынков сырья. Показательно в этом смысле финансирование Европейским банком создания в Казахстане предприятия по переработке упорных золотых руд, не поддающихся обогащению традиционными методами: речь идёт не о захвате новой сырьевой базы как таковой – казахстанское месторождение давно разрабатывается национальным капиталом, – а именно о встраивании европейского финансового капитала в звено передела, ранее остававшееся вне его контроля. Тем самым закрепляется классическая для эпохи империализма форма экспансии финансового капитала – не через прямой захват источника сырья, а через контроль над технологическим переделом уже добываемого продукта.

Вмешательство государства здесь достигает своего предела. Оно выступает уже не просто как арбитр, а как совокупный национальный капиталист, берущий на себя инфраструктурные издержки монополий – от американского закона о поддержке производства чипов до южнокорейского кластера полупроводников. Возвращение к агрессивной промышленной политике окончательно хоронит эпоху свободной торговли и обнажает то, что классический империализм долго маскировал рыночной риторикой. Как предвидел Энгельс, капиталистическое обобществление производства через тресты и государственную собственность не разрешает конфликта, а доводит его до абсурда: производительные силы перерастают форму частного присвоения настолько явно, что само буржуазное государство вынуждено брать на себя функции планирования, тем самым указывая пролетариату прямой путь к экспроприации этих готовых механизмов управления.

Однако централизация капитала на уровне инфраструктуры и государственного дирижиз-

ма – лишь одна сторона процесса. Готовые механизмы управления, о которых говорит Энгельс, организуют не только средства производства, но и труд, вовлечённый в их обслуживание – причём организуют его уже не в границах отдельного предприятия или национального рынка труда, а в масштабе глобальной цепи накопления.

РЕАЛЬНОЕ ПОДЧИНЕНИЕ ТРУДА: ОТ ФАБРИКИ К ГЛОБАЛЬНОЙ ЦЕПИ

Сегодня капитал перестраивает сам технический базис производства – этот переход и есть реальное подчинение труда капиталу, распространившееся с локализованной фабрики на транснациональную логистику, аутсорсинг и платформенную занятость.

Наглядное воплощение этого сдвига – полностью автоматизированные “тёмные фабрики”. Но в рамках понятия совокупного рабочего автоматизированный узел не исключает живой труд из системы, а опирается на его жесточайшую эксплуатацию на других звеньях той же цепи – при добыче редкоземельных металлов, сборке серверов, разметке датасетов миллионами “цифровых чернорабочих” за ничтожную плату. Просвещённый филистер, восхищённо разглядывающий на экране чудеса ИИ, упорно не желает видеть, что за фасадом алгоритма стоит тот же самый рабочий, которого Маркс и Энгельс описывали в английских мануфактурах – разве что теперь он сидит перед мерцающим монитором в трущобах Найроби или Манилы, выжигая зрение за центы.

Тот же процесс захватывает и умственный труд: показательное резкое обесценивание квалифицированного труда программистов и аналитиков на фоне массовых увольнений в ИТ-секторе – в январе 2026 года американские компании сократили свыше 108 тысяч рабочих мест, более чем вдвое превысив показатель годичной давности, – а также феномен “ИИ-вошинга”, когда фондовый рынок штрафует компании за публичные планы расширения штата.

Здесь ярко проявляется описанная Марксом в I-ом томе “Капитала” функция машины как мощного боевого орудия против рабочего движения. К 2026 году генеративный искусственный интеллект используется монополиями не столько для реального повышения производительности общественного труда, сколько как инструмент прямого штрейкбрехерства и шантажа

пролетариата умственного труда (программистов, сценаристов, дизайнеров). Капитал грозит им заменой на алгоритмы, чтобы сбить цену их рабочей силы и разрушить условия их найма, низводя сложный труд до уровня простого. Более того, ИИ становится мощнейшим идеологическим аппаратом буржуазии. Массовое производство машинной дезинформации, дипфейков и информационного шума целенаправленно разрушает само пространство объективной истины. Буржуазия использует эту тотальную фрагментацию реальности для дезориентации масс наёмных работников, стремясь сделать классовую солидарность невозможной в условиях, когда пролетариат искусственно погружается в хаос сфабрикованных иллюзий буржуазной машинной пропаганды.

ПЕРЕНАКОПЛЕНИЕ И ФИЗИЧЕСКОЕ РАЗРЕШЕНИЕ КРИЗИСА

Когда норма прибыли падает, а масса капитала растёт, наступает кризис перенакопления. Экономический кризис обесценивает капитал лишь частично; более радикальным разрешением выступает война – прямое физическое уничтожение постоянного и переменного капитала, сокращающее знаменатель в формуле прибыли и открывающее пространство для нового цикла накопления. Важно оговориться: прямого автоматического перехода от этого структурного противоречия к конкретной войне нет – она всегда опосредована политическими решениями конкретных государств.

Учреждение в январе 2026 года в Давосе “Совета мира” под председательством президента США объединило Израиль и монархии Персидского залива вокруг одной цели – финансирования послевоенного восстановления. Едва ли какой-либо памфлетист прошлого сумел бы изобразить более откровенную аллегория капиталистического цинизма, чем реальность этого учреждения: вчерашние поставщики бомб становятся сегодняшними подрядчиками восстановления, а руины, оставленные снарядами, тут же оцениваются девелопером как перспективная строительная площадка. Массы спекулятивного капитала устремляются в образовавшуюся воронку, превращая разрушенные кварталы в сверхдоходные инвестиционные портфели. Неустойчивость самого перемирия между Вашингтоном и Тегераном показывает, что подобные па-

узы являются лишь тактическими интервалами перед новым витком передела контроля над путями обращения стоимости.

Параллельно продолжающаяся война в Восточной Европе демонстрирует ту же логику девальвации капитала в более затяжной форме. Показательны и нервозность правящих классов западного блока накануне саммита НАТО, и политическая нестабильность в Израиле: экономическая функция войны и её политическая цена – это два разных, хотя и взаимосвязанных, уровня анализа.

МЕТАБОЛИЧЕСКИЙ РАЗРЫВ: ИСТОЩЕНИЕ ПРИРОДЫ И РАБОТНИКА

Погоня за нормой прибыли хищнически истощает оба источника всякого материального богатства – природу и самого работника. В I-ом томе “Капитала” Маркс формулирует это так:

*«Капиталистическое производство [...] развивает технику и комбинацию общественного процесса производства лишь таким путём, что оно подрывает в то же самое время источники всякого богатства: землю и рабочего».*⁶

И ещё:

*«Капиталистическое производство, постоянно увеличивая перевес городского населения, которое это производство скопляет в крупных центрах, накапливает тем самым, с одной стороны, историческую силу движения общества вперёд, а с другой стороны, препятствует обмену веществ между человеком и землёй, т. е. возвращению почвы её составных частей, использованных человеком в форме средств питания и одежды, т. е. нарушает вечное естественное условие постоянного плодородия почвы. Тем самым оно разрушает одновременно физическое здоровье городских рабочих и духовную жизнь сельских рабочих».*⁷

По данным Международного энергетического агентства, потребление энергии дата-центрами растёт на 12 % в год – вчетверо быстрее общемировых темпов. Именно на этом фоне столкновение интересов вокругстроек дата-центров в США приобретает свою истинную материальную подоплёку: за спорами о “национальной безопасности” стоит физический конфликт за воду и электроэнергию между алгоритмами накопления капитала и условиями воспроизводства местного населения.

Вопиющим проявлением этого метаболического разрыва стали заключённые техногигантами (Microsoft, Amazon) долгосрочные соглашения о выкупе на десятилетия вперёд всей или почти всей генерации отдельных атомных электростанций – вплоть до возобновления работы законсервированной АЭС “Три-Майл-Айленд” (штат Пенсильвания) исключительно под нужды ИИ-кластеров Microsoft. Формально станции остаются в руках энергокорпораций, но их производственная программа целиком подчиняется логике капитала, обслуживающего вычислительные мощности: закреплённая контрактом доля базовой генерации выводится из общего энергетического баланса региона, что уже сказывается на оптовых ценах электроэнергии для домохозяйств и промышленности. Это конкретный, эмпирически фиксируемый случай более общей закономерности: общественный труд, овеществлённый в энергетической инфраструктуре, подчиняется не воспроизводству условий жизни общества, а бесперебойному функционированию капитала в его наиболее спекулятивном, ИИ-центрированном сегменте – том самом, чья рыночная капитализация в значительной мере является фиктивным капиталом, оторванным от реализуемой прибыли. Рабочим кварталам при этом достаётся угроза перебоев энергоснабжения и стремительный рост тарифов.

Капитал в этом отношении неизменно верен себе: он неспособен усвоить простейший урок земледельца – что почву, из которой черпает урожай, необходимо время от времени возвращать к жизни, – и потому, подобно ненасытному древнему божеству, требует всё новых жертвоприношений от истощаемой им же самим почвы, будь то в буквальном или переносном смысле слова. В “Диалектике природы” Энгельса показано, что нельзя безнаказанно господствовать над природой, как завоеватель над чужим народом; природа мстит за каждое такое нарушение её законов анархией капиталистического производства.

Этот же метаболический разрыв капитал цинично пытается превратить в новый рубеж накопления, конструируя так называемый “зелёный капитализм”. За ширмой “энергетического перехода” мировой империализм развернул беспрецедентную гонку за сырьём (литий, кобальт,

6 - Маркс К. Капитал. Том первый. Книга I: Процесс производства капитала // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 23. С. 515.

7 - Там же. С. 514.

медь, никель). Происходит новый империалистический передел природных богатств Африки и Латинской Америки. Чудовищная эксплуатация конголезских шахтёров или латиноамериканских рабочих на литевых солончаках – вот подлинный материальный базис “чистой” экономики старых империалистических метрополий. Одновременно с этим буржуазия культивирует новые формы фиктивного капитала – углеродные рынки. Торговля квотами на выбросы превратилась в гигантский спекулятивный пузырь, позволяющий монополиям покупать индульгенции на загрязнение. Капитал тщетно пытается разрешить экологическое противоречие через коммодификацию – превращение в товар самого права дышать, создавая из самой живой природы спекулятивный фиктивный капитал и подчиняя спасение планеты всё той же логике извлечения максимальной прибыли.

РЕЗЕРВНАЯ АРМИЯ ТРУДА

Капитал систематически производит избыточное население относительно своих потребностей в переменном капитале. Резкий рост производительности труда при капитализме – прежде всего рост органического строения капитала, вытесняющий живой труд машинным, – коренным образом изменил саму модель воспроизводства населения, что в буржуазной науке получило название *демографического перехода*. Страны с более низким органическим строением капитала проходят этот переход гораздо раньше, чем успевают накопить сопоставимое со старыми промышленными державами богатство. Особенно резко это бьёт по Восточной Европе, где выходящие на пенсию послевоенные поколения некому замещать – тем более в условиях, когда сама эта часть континента одновременно служит фронтом затяжной войны. Это не управленческий просчёт, а закономерный финал: физические пределы эксплуатации человеческого материала исчерпаны в глобальном масштабе накопления.

НАКАНУНЕ МИРОВЫХ ВОЙН: ТРИ ЭПОХИ ОДНОГО ПРОТИВОРЕЧИЯ

Разговоры о приближении новой мировой войны, регулярно звучащие сегодня и в буржуазной прессе, и в среде коммунистической левой, требуют не эмоциональной оценки, а строгого сопоставления структурных условий трёх эпох через

одну и ту же категориальную призму: органическое строение капитала, норма прибыли, перенаселение и неравномерность развития соперничающих национальных капиталов.

Канун 1914 года. К началу XX века мировой рынок был уже полностью территориально поделён между колониальными державами. Вторая промышленная революция – сталь, химия, электричество – резко подняла органическое строение капитала и породила первую волну по-настоящему монополистического, финансового капитала, представляющего собой банковский капитал, сросшийся с промышленным, о чём писал Ленин. Решающим структурным фактом было именно это: экономический вес отдельных держав рос неравномерно, но передел уже поделённых колониальных владений и сфер влияния был возможен только силой, потому что свободных территорий для мирного расширения не осталось. Германия, обогнавшая Великобританию по объёму промышленного производства, оставалась несопоставимо более скромной колониальной державой – этот разрыв между экономической мощью и территориальной долей не мог быть исправлен переговорами. Первая волна экономической глобализации конца XIX века уже тогда сопровождалась ростом протекционизма (германские и американские тарифы 1880–1890-х годов), гонкой морских вооружений и системой жёстких военных союзов – то есть структура, чрезвычайно похожая на нынешнюю фрагментацию, но с одним принципиальным отличием: тогдашний мировой рынок ещё не исчерпал резервов колониальной и полуколониальной экспансии, и сама война поначалу мыслилась её участниками как скоротечная кампания, а не тотальное истощение.

В этих условиях решающим испытанием для мирового пролетариата стала позиция его политического авангарда. Крах II интернационала – “цвета” европейской социал-демократии – стал не просто политической катастрофой, а закономерным результатом многолетнего господства оппортунизма: десятилетиями клявшиеся в верности пролетарскому интернационализму партии в августе 1914 года в одночасье перешли на позиции социал-шовинизма, дружно проголосовав за военные кредиты своих правительств. Одинокий голос Карла Либкнехта, восставшего против этого позора в германском рейхстаге, лишь подчеркнул глубину преда-

тельства официальных вождей. Карл Каутский, этот ренегат, попытался прикрыть позор теорией “ультраимпериализма” – сказкой о мирном сговоре мировых трестов без войн. Артиллерия на Марне разнесла эту филистерскую чушь в щепки за пару месяцев. Это позорное посрамление оппортунистической апологетики окончательно доказало: пока пролетариат остаётся в плену соглашательских иллюзий, империалистический капитал будет безнаказанно использовать производительные силы общества для его же физического уничтожения.

Канун 1939 года. Здесь противоречие обострилось иначе. Кризис перепроизводства 1929 года обнажил перенакопление капитала, для которого частичная девальвация в ходе Великой депрессии оказалась недостаточной: массовая безработица и простаивающие мощности сохранялись годами. Крах золотого стандарта и волна конкурентных девальваций валют разбили мировой рынок на закрытые, автаркические валютные и торговые блоки – британскую стерлинговую зону, германское “большое хозяйственное пространство”, японскую “сферу сопроцветания”. В отличие от 1914 года, когда территориальный передел мира был почти завершён, к 1939 году сама структура мирового рынка уже была разбита на протекционистские блоки задолго до начала боевых действий, а государственно-монополистическое регулирование – форсированное перевооружение как способ поглотить избыточные мощности и рабочую силу – стало общей чертой всех крупных держав независимо от их политического режима. Именно в эту эпоху окончательно оформился и государственно-монополистический капитализм как таковой: капитал уже не мог полагаться на “невидимую руку” рынка для собственного воспроизводства и требовал прямого сращивания с государственным аппаратом.

И вновь оппортунизм, сменив маску, продемонстрировал свою неразрывную связь с буржуазным государственным аппаратом: если в сталинском Коминтерне предательство пролетарского интернационализма прикрывалось софистикой “реальной политики” и маневрированием между империалистическими хищниками, что в конечном счёте вылилось в позорное соучастие в империалистическом разделе, то западная социал-демократия вновь взяла на себя роль добровольного тюремщика пролетариата,

под предлогом борьбы с фашизмом на деле загоняя рабочий класс в стойло “национального единства” для обслуживания интересов “своего” империалистического отечества – тем самым в новых исторических декорациях в точности повторяя социал-шовинистическое предательство 1914 года.

Нынешняя ситуация. Сегодняшняя фрагментация мирового рынка структурно ближе именно к кануну 1939-го, чем 1914 года – на этот вывод указывает и вся логика изложенного выше анализа. Речь идёт не о разделе ещё не освоенных территорий, а о распаде уже сложившейся, глубоко интегрированной системы глобальных цепочек поставок на протекционистские блоки: тарифная лихорадка Вашингтона, вынужденное форсированное подписание торговых соглашений в обход прежних партнёров, “френдшоринг”, санкционные режимы и системы экспортного контроля технологий – всё это функциональные аналоги автаркических блоков межвоенного периода, только выстроенные вокруг новых узлов накопления: полупроводников, редкоземельных металлов, инфраструктуры искусственного интеллекта. Как и в 1930-е годы, государственно-монополистический дирижизм вновь становится нормой, а не исключением, и, как и тогда, форсированное перевооружение (европейская программа SAFE, конвертация экономического хозяйства целого ряда стран в “военные экономики”, колоссальный рост оборонных расходов российского империализма) выполняет ту же двойную функцию: поглощение избыточного капитала через государственный спрос и подготовку к прямому военному столкновению. Неравномерность развития проявляется сегодня прежде всего в разрыве между экономическим весом Китая, чья доля в мировом промышленном производстве и мировой торговле давно вышла за рамки, отведённые ему прежним, выстроенным вокруг доллара и институтов послевоенного порядка распределением ролей, и его формальным местом в этой системе – структурно это тот же тип противоречия, что и разрыв между промышленной мощью Германии и её колониальными владениями накануне 1914 года, хотя историческая форма, в которой оно сегодня проявляется, принципиально иная.

И сколь же омерзительно узнаваем сегодняшний парад левеньких “полезных идиотов” буржуазии! Одни, прикрываясь вывеской “антиим-

периализма”, благословляют любую агрессию и аннексию, если она исходит от назначенного ими “прогрессивным” капиталистического режима. Другие, рядясь в тогу толстовского пацифизма, проливают слёзы и просят абстрактного “мира”, боясь до дрожи в коленях произнести простую ленинскую истину: *единственный путь к миру* – это превращение империалистической войны в гражданскую. Современный оппортунизм пытается усидеть между стульями в момент, когда история сдвигает эти стулья над пропастью. Этот парад социал-шовинистов и левеньких апологетов “многополярного” империализма должен быть беспощадно разоблачён как прямая агентура буржуазии в рабочем движении.

Именно эта иная форма и требует особой осторожности в выводах. Три обстоятельства отличают нынешний кризис от обеих предыдущих эпох и не позволяют механически экстраполировать прежний сценарий. Во-первых, наличие ядерного оружия у всех основных центров накопления делает прямое военное столкновение между ними формой самоуничтожения производительных сил, несопоставимой по масштабу разрушения даже с опытом двух прошлых мировых войн, а значит, меняет саму логику взаимного сдерживания: империалистическое противоборство ведущих держав уже сегодня вытесняется в форму опосредованных, региональных войн (Восточная Европа, Средний Восток, потенциально – Южная Азия и Тайваньский пролив) и гибридных, невоенных форм борьбы – тарифных войн, санкций, кибератак на инфраструктуру, – то есть в формы, позволяющие частично осуществлять функцию девальвации капитала без прямого столкновения его ядерных центров. Во-вторых, уровень взаимного переплетения капиталов через глобальные производственные и финансовые цепочки сегодня неизмеримо выше, чем в 1914-м или даже 1939 году, что делает полный, “чистый” раскол мирового рынка на автаркические блоки более длительным и затратным процессом, чем в межвоенный период, отсюда и наблюдаемая сегодня причудливая смесь эскалации и продолжающейся экономической взаимозависимости (сохранение значительной части товарооборота между формально враждующими блоками даже на пике санкционного давления). В-третьих, само органическое строение мирового капитала сегодня несопоставимо выше,

чем в обе предыдущие эпохи, а планетарные экологические пределы – исчерпание способности мирового обмена веществ выдерживать дальнейшую нагрузку – накладывают на процесс перенакопления ограничение, которого не существовало ни в 1914-м, ни в 1939 году: девальвация избыточного капитала через физическое разрушение сегодня происходит на фоне уже подорванной, а не ещё нетронутой природной базы воспроизводства.

Из этого сопоставления вытекает не успокоительный, а тревожный вывод. Объективное структурное давление – неравномерность развития империалистических держав, перенакопление капитала, исчерпание резервов мирного расширения рынка – сегодня столь же реально, как и накануне обеих предыдущих мировых войн, и облекается в исторически узнаваемые формы: протекционистские блоки, форсированное перевооружение, государственно-монополистический дирижизм. Но факторы, сдерживающие его прямое разрешение через тотальную войну между главными центрами накопления, также реальны и структурно новы. Наиболее вероятной тенденцией текущего периода поэтому является не повторение 1914 года и не точное воспроизведение 1939-го, а затяжная эпоха эскалирующих региональных и гибридных войн, торговых и финансовых конфликтов, каждая из которых частично выполняет функцию девальвации избыточного капитала, не разрешая при этом основного противоречия и оставляя открытой возможность их последующей эскалации в прямое столкновение крупнейших держав – возможность, реализация которой зависит уже не от одной лишь экономической логики капитала, а от конкретной расстановки классовых сил и в конечном счёте от того, сможет ли мировой пролетариат противопоставить этой логике собственную, интернационалистскую политическую силу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ЦАРСТВО НЕОБХОДИМОСТИ И ЗАДАЧИ РЕВОЛЮЦИОННОГО АВАНГАРДА

Структурный анализ задаёт рамку, но не диктует напрямую политическую тактику: переход от противоречий капитала к конкретным организационным решениям требует самостоятельного учёта расстановки классовых сил в каждой стране. Единственный принципиаль-

ный выход из этого тупика был сформулирован Марксом в III-ем томе “Капитала”:

*«С развитием человека расширяется это царство естественной необходимости, потому что расширяются его потребности; но в то же время расширяются и производительные силы, которые служат для их удовлетворения. Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он господствовал над ними как слепая сила; совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей. Но тем не менее это всё же остаётся царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своём базисе. Сокрытие рабочего дня – основное условие».*⁸

Из этой перспективы вытекают и практические задачи коммунистов: борьба с экономизмом, показывающая рабочим связь между их обесценивающимися заработками и глобальной диктатурой финансового капитала; организация независимых стачечных комитетов в логистических и энергетических узлах, где сосредоточилась новая объективная сила пролетариата; разоблачение того, что цифровизация и локальные конфликты вокруг инфраструктуры ИИ маскируются под вопросы “национальной безопасности”, хотя в действительности являются вопросами прямого столкновения интересов капитала и условий воспроизводства рабочего класса, и, наконец, практическое воплощение пролетарского интернационализма – построение реальных организационных связей поверх государственных и национальных границ.

Первые ростки этого нового сопротивления уже пробиваются сквозь асфальт корпоративной диктатуры. К 2026 году мы наблюдаем пробуждение классового сознания там, где буржуазия ожидала увидеть лишь своих послушных клерков: в недрах самих технологических монополий. Протесты инженеров Google и Amazon против военных контрактов (таких как Project Nimbus) доказывают, что пролетариат умственного тру-

да начинает осознавать свою роль в создании орудий империалистической войны и алгоритмического террора. Эти попытки саботировать милитаристскую машину капитала изнутри – отказ писать код для убийства своих товарищей по классу – знаменуют важнейший сдвиг: переход от цехового тред-юнионизма к политической борьбе против самого государства-капиталиста.

Но ограничиться стачечной борьбой – значит обречь класс на поражение. Опыт вековой давности неумолим: профсоюзная борьба способна лишь смягчить условия продажи рабочей силы, но не уничтожить систему наёмного рабства. Задача революционного авангарда состоит в том, чтобы выковать из разрозненных отрядов пролетариата политическую партию нового типа. Главный удар сегодня должен быть направлен против современного оппортунизма – тех самых “полезных идиотов”, которые рядятся в тогу марксизма, но на деле призывают рабочий класс выбирать среди империалистических хищников “меньшее из зол”.

Как и век назад, история задаёт рабочему движению вопрос: класс ли мы *для себя* или лишь безмолвное пушечное мясо *для чужих бирж и чужих штабов*? Свобода не упадёт с неба и не будет дарована в Давосе “Советом мира”. Ответ куётся в стачке, в готовности сорвать маски с правительств и назвать войну войной, а не “специальной операцией по восстановлению стабильности”. Экономическая логика капитала объективно толкает мир в пропасть, но лишь субъективный фактор – железная, дисциплинированная и интернациональная политическая сила пролетариата – способен сомкнуть свои руки на горле этой издыхающей системы.

Но окончательный ответ будет дан лишь в момент, когда пролетариат, вооружённый передовой марксистской теорией, превратит империалистическую войну в гражданскую. Лишь революционная партия, готовая разбить буржуазную государственную машину и установить диктатуру пролетариата, будет способна вырвать человечество из варварства.

Июль 2026 г.

⁸ - Маркс К. Капитал. Том третий. Книга III: Процесс капиталистического производства, взятый в целом // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 25. Ч. II. С. 387.

ОТ МАТЕМАТИКИ КРИЗИСА К МИРОВОЙ ВОЙНЕ ПОЧЕМУ У КАПИТАЛИЗМА НЕТ БУДУЩЕГО

Настоящая статья представляет собой марксистский анализ современного этапа гниения глобальной капиталистической системы. На фоне иллюзорного триумфа цифровых технологий, искусственного интеллекта и алгоритмической логистики мировая экономика погружается в пучину долгов, стагнации и нарастающих межимпериалистических конфликтов. Чтобы обнажить истинные корни этого парадокса, когда невиданное развитие производительных сил порождает социальную катастрофу, необходимо отбросить поверхностные объяснения буржуазной политэкономии и обратиться к фундаментальному ядру марксизма – закону тенденции нормы прибыли к понижению.

Проследивая развитие марксистской мысли через призму острых теоретических дискуссий XX века – от разбора ленинско-бухаринской критики теорий недопотребления Розы Люксембург до математики краха Генрика Гроссмана, – текст раскрывает объективную диалектику капитала. Статья последовательно доказывает, что тотальная финансовизация, платформенная сверхэксплуатация и нынешняя эскалация милитаризма не являются случайными отклонениями от нормы, а представляют собой судорожные, варварские механизмы спасения системы от абсолютного перенакопления. Капитализм не рухнет автоматически от нехватки рынков, но его внутренняя математика ставит человечество перед неизбежным историческим ультиматумом: либо сознательное революционное уничтожение капитализма, либо погружение мира в глобальную бойню.

Современный глобальный капитализм – это беспрецедентный исторический парадокс. Мы живём в эпоху ошеломляющего технологического триумфа: искусственный интеллект пишет код, роботизированные фабрики штампуют электронику, а алгоритмы управляют планетарной логистикой. Уничтожение пространства посредством времени – то, что Маркс называл имманентной

тенденцией капитала – достигло своего предела в мгновенных финансовых транзакциях и сверхскоростных цепочках поставок.

При всём этом мировая экономика задыхается от глобального долга. Реальные доходы рабочего класса стагнируют десятилетиями, а межгосударственное напряжение достигло уровня кануна мировых войн.

Чтобы понять, как технологическое изобилие порождает социальную катастрофу, необходимо стряхнуть пыль с инструмента, который буржуазная политическая экономия усердно пыталась похоронить, – закона тенденции нормы прибыли к понижению. Попытки ревизии этого закона начались ещё сто лет назад и продолжают по сей день. Однако история неумолимо подтверждает: объективная математика капитала ведёт систему не к линейному и автоматическому краху, а к эпохе всё более разрушительных кризисов, выход из которых возможен либо через социальную революцию, либо через погружение мира в варварство.

ТРАГЕДИЯ РОЗЫ ЛЮКСЕМБУРГ, ЛОВУШКА НЕДОПОТРЕБЛЕНИЯ И ЭКСПОРТ КАПИТАЛА

Буржуазная политическая экономия всегда пыталась выдать исторически преходящие законы капитализма за вечные законы природы, отбрасывая как раз то специфическое, что делает орудие капиталом – эксплуатацию чужого труда. Экономисты вроде Бастиа всерьёз полагали, что античность жила исключительно политикой и грабежом, не понимая, что даже многовековой грабёж требует постоянного возобновления предмета грабежа, то есть экономики и специфического способа производства. Но на протяжении XX века и среди самих марксистов шла жёсткая теоретическая борьба за понимание фундаментальной причины дисгармоний системы. Эпицентром этой борьбы стал вышедший в 1913 году эпохальный труд Розы Люксембург «Накопление капитала».

Сильная сторона этой работы заключалась в блестящем историческом анализе империализма. Люксембург выдвинула тезис о том, что капитализм органически не способен к расширенному воспроизводству в своём чистом виде, то есть в системе, состоящей только из капиталистов и рабочих. Для реализации прибавочной стоимости ему жизненно необходима внешняя, некапиталистическая среда – крестьянские хозяйства, ремесленники и колонии. Из этого следовал радикальный вывод: первоначальное накопление – это не пройденный исторический этап генезиса капитала, а его перманентное состояние. Сама Люксембург формулировала неразрывную связь экономики

капитала и прямого внеэкономического грабежа следующим образом:

«Другая сторона процесса накопления капитала совершается между капиталом и некапиталистическими формами производства. Её ареной служит весь мир. В качестве методов здесь господствуют колониальная политика, система международных займов, политика сфер интересов и войны. Здесь совершенно открыто выступают насилие, обман, угнетение и грабёж, и стоит большого труда открыть в этом хаосе политического насилия и пробы сил строгие законы экономического процесса.

Буржуазно-либеральная теория рассматривает только одну часть процесса накопления – домены “мирного соревнования”, технических чудес и чистой товарной торговли; другую его часть – область кричащих актов насилия, совершаемых капиталом, она отделяет от экономических домен капитала как более или менее случайные проявления “внешней политики”.

В действительности политическое насилие и здесь является только вспомогательным средством экономического процесса; обе стороны процесса капиталистического накопления органически связаны между собой условиями воспроизводства капитала, и только взятые вместе они дают исторический путь капитала. Капитал не только рождается “в крови и грязи, которые сочатся из всех его пор с головы до ног”: он обходит в таком виде весь мир и при всё усиливающихся конвульсивных сокращениях подготавливает свою собственную гибель».¹

Однако марксистская критика концепции Люксембург должна быть направлена не против её исторически верного описания империалистического насилия, а против теоретического сведения механизмов накопления к этому прямому грабежу. Ошибка концепции *перманентного первоначального накопления* заключается в смешении исторического старта системы с её нормальным, повседневным функционированием, что маскирует уникальную природу капиталистической эксплуатации.

Для классического марксизма первоначальное накопление – это разовый в исторических масштабах акт насильственного отделения производителя от средств производства. Как только капиталистическая система встаёт на собственные ноги, необходимость в вооружённом грабеже как основе экономики отпадает. Ему на смену прихо-

1 - Люксембург Р. Накопление капитала. Изд. 5-е. Т. I. М. – Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934. С. 326.

дит узаконенный и системный механизм присвоения неоплаченного труда. Карл Маркс недвусмысленно фиксировал этот переход:

*«Внеэкономическое, непосредственное принуждение, правда, ещё продолжает применяться, но лишь в виде исключения. При обычном ходе дел рабочего можно предоставить власти “естественных законов производства”, т. е. зависимости от капитала, которая создаётся самими условиями производства, ими гарантируется и увековечивается».*²

Сведение накопления преимущественно к насильственной экспансии отбрасывает марксистскую политэкономию к позициям, которые Фридрих Энгельс жёстко критиковал в полемике с Дюрингом:

*«Частная собственность образуется повсюду в результате изменившихся отношений производства и обмена, в интересах повышения производства и развития обмена, – следовательно, по экономическим причинам. Насилие не играет при этом никакой роли. Ведь ясно, что институт частной собственности должен уже существовать, прежде чем грабитель может присвоить себе чужое добро, что, следовательно, насилие, хотя и может сменить владельца имущества, но не может создать частную собственность как таковую».*³

Именно здесь, в попытке Розы Люксембург политэкономически обосновать необходимость постоянной внешней экспансии, и находится корень проблемы. Если в описании политического диктата капитала чутьё Розы Люксембург было непревзойдённым, то в области строгой политэкономической теории оно её подвело.

В чём же заключалась действительная теоретическая ошибка Люксембург в вопросе реализации? Долгое время в марксистской (а ещё в большей мере в сталинистской) литературе доминировало упрощённое мнение, будто главная беда Люксембург состояла в том, что она находилась в плену “догмы Смита” и механически переносила проблему реализации предметов потребления (II подразделение) на всю массу производимых стоимостей. Иными словами, ей приписывали игнорирование примата производительного потребления над личным и непонимание того факта, что капитал создаёт рынок сам для себя, поглощая элементы постоянного капитала (средства производства) безотносительно

к границам покупательной способности конечных потребителей.

Эта трактовка, кочевавшая по сталинистским учебникам политической экономии, формально опиралась на полемику Ленина и Бухарина против Люксембург. Так, в марте 1913 года, сразу после выхода книги, Ленин вынес жёсткий вердикт в частном письме к Шляпникову:

*«Читал новую книгу Розы “Die Akkumulation des Kapitals”. Наврала жестоко! Переврала Маркса. Я очень рад, что и Паннекук и Экштейн и О. Бауэр её единодушно осудили и сказали против неё то, что я в 1899 г. говорил против народников».*⁴

В чём же заключалась эта фундаментальная ошибка народников (В. Воронцова и Н. Даниельсона), которую, по мнению Ленина, повторила Люксембург? Народники, будучи прямыми наследниками экономического романтизма Жана Сисмонди, утверждали, что поскольку капиталисты недоплачивают рабочим, те физически не могут выкупить всю массу произведённых товаров. Из этого делался вывод, что внутренний рынок неизбежно сужается, и без внешних рынков сбыта капитализм обречён на крах из-за недопотребления масс. Ленин ещё в конце XIX века доказал иллюзорность этого взгляда. Он показал, что внутренний рынок при капитализме растёт не столько за счёт предметов личного потребления (еды, одежды и т. д. – II подразделение), сколько за счёт средств производства (станков, сырья и т. д. – I подразделение). Капитализм производит ради самовозрастания стоимости, а не ради удовлетворения человеческих потребностей, поэтому угольные шахты и машиностроительные заводы до определённого момента создают колоссальный спрос друг на друга безотносительно того, сколько ситца могут купить нищие рабочие непосредственно в текущем цикле.

Опираясь на “Капитал” Маркса, Ленин резюмировал:

«Развитие производства (а, следовательно, и внутреннего рынка) преимущественно на счёт средств производства кажется парадоксальным и представляет из себя, несомненно, противоречие. Это – настоящее “производство для производства”, – расширение производства без соответствующего расширения потребления. Но это – противоречие не

2 - Маркс К. Капитал. Том первый. Книга I: Процесс производства капитала // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 23. С. 747.

3 - Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведённый господином Евгением Дюрингом // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 20. С. 166.

4 - Ленин В. И. В редакцию газеты “Правда” // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 48. С. 173.

доктрины, а действительной жизни; это – именно такое противоречие, которое соответствует самой природе капитализма и остальным противоречиям этой системы общественного хозяйства. Именно это расширение производства без соответствующего расширения потребления и соответствует исторической миссии капитализма и его специфической общественной структуре: первая состоит в развитии производительных сил общества; вторая исключает утилизацию этих технических завоеваний массой населения. Между безграничным стремлением к расширению производства, присущим капитализму, и ограниченным потреблением народных масс (ограниченным вследствие их пролетарского состояния) есть несомненное противоречие».⁵

Это важнейшее теоретическое уточнение. Означает ли оно, что революционная марксистка Люксембург сознательно стала мелкобуржуазным романтиком вроде Жана Сисмонди? Отнюдь нет. Сама Люксембург в своей книге посвятила целую главу разгромной критике Сисмонди, который, ужаснувшись язвам капитализма, предлагал затормозить прогресс и вернуться к мелкому производству. Однако Ленин точно констатировал трагедию её исследования: пытаясь доказать неизбежность краха империализма, она допустила ошибку в обращении с марксовыми абстракциями. Сводя проблему реализации к поиску конечных живых потребителей и недооценивая способность постоянного капитала (I подразделения) создавать колоссальный спрос на самого себя, она объективно, против воли, повторила старый аргумент Сисмонди о том, что без внешних рынков система задохнётся от собственных товаров.

Однако здесь марксистская мысль сталкивается с опасностью противоположной крайности – апологетической теорией “чистого” и гармоничного капитализма, наиболее ярко сформулированной М. И. Туган-Барановским. Абсолютизируя тезис о росте рынка за счёт средств производства, Туган-Барановский утверждал, что I подразделение может развиваться совершенно автономно от II подразделения, и капитализм способен расширяться бесконечно, даже если личное потребление пролетарских масс упадёт до нуля. Подобное “производство ради производства” превращало

капиталистическую анархию в идеальную самодостаточную машину.

Эту иллюзию блестяще опроверг Бухарин в своей книге “Империализм и накопление капитала” (1925). В ней он выступил одновременно и против несостоятельности схем Туган-Барановского, отрывающих производство от потребления, и против ошибок Розы Люксембург. Подчеркнув диалектическую связь между отраслями, он показал, что главная политэкономическая беда Люксембург заключалась в смешении натурально-вещественной формы товара и его стоимостной формы. Бухарин указывал, что Люксембург всё время оперирует категорией потребления исключительно в смысле личного потребления. Задаваясь вопросом, кому капиталисты продадут избыток произведённых товаров в некапиталистической среде, она забывала, что прибавочная стоимость в I подразделении существует физически в виде угля, стали и машин. Бухарин язвительно отмечал, что крестьянину в колонии не нужен прокатный стан. Эти средства производства предназначены не для продажи “третьим лицам”, а для производительного потребления самим же капиталом в следующем цикле расширенного воспроизводства.

Но, громя Розу Люксембург за её “внешние рынки”, Бухарин одновременно наносит сокрушительный удар по туган-барановщине. Он доказывает, что опережающее развитие I подразделения имеет жёсткие технологические границы: постоянный капитал увеличивается не ради абстракции, а потому, что его стоимость переносится на конечные предметы потребления. Капитал способен временно раздвигать рамки платёжеспособного спроса масс за счёт взаимного спроса промышленных секторов, но эта независимость I подразделения лишь относительна. В конечном счёте ёмкость рынка средств производства детерминирована ёмкостью рынка предметов потребления, и когда стихийный отрыв производства от конечного личного потребления достигает предела, разражается глубокий экономический кризис, который силой навязывает системе нарушенные пропорции.

Итак, если отбросить первичные обвинения в скатывании к логике сторонников вульгарной теории недопотребления, мы увидим, что логика Люксембург, хотя и была глубоко ошибочной,

5 - Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 3. С. 46.

всё же была иной. Свет на неё проливает фрагмент из работы Люксембург, на который обратил внимание В. И. Ленин, прямо указав, что здесь и находится «корень ошибки»⁶. Эта логика Люксембург заключается в следующей мысли, на которой зиждется вся её теория:

*«Процесс накопления капитала **всеми своими отношениями** стоимости и вещественными отношениями – своими постоянным капиталом, переменным капиталом и прибавочной стоимостью – связан с некапиталистическими формами производства. Последние образуют данную историческую среду для процесса накопления капитала. Накопление капитала немыслимо [undenkbar], если предположить исключительное и абсолютное господство капиталистического способа производства; более того, оно без некапиталистической среды **ни в каком отношении** немыслимо».*⁷

Ленин и Бухарин блестяще вскрыли суть заблуждений Люксембург в двух глубоких аспектах – теоретическом и историко-методологическом.

Во-первых, в теоретическом плане Ленин показал, что ошибка Люксембург заключалась в убеждении, будто “чистое” капиталистическое общество производит столько товаров, что в принципе не способно предъявить достаточный совокупный платёжеспособный спрос (включающий как потребительский, так и производственный) для их поглощения. Она считала проблему реализации в рамках чистого капитализма нерешаемой, не увидев, что внутри него подразделение, производящее средства производства (I подразделение), способно развиваться и создавать колоссальный спрос само для себя.

Во-вторых, в историко-методологическом аспекте эту ошибку разобрал Бухарин. Люксембург исходила из того, что раз реальное историческое развитие капитализма происходит в некапиталистической среде, то и фундаментальный теоретический анализ не имеет права от неё абстрагироваться. Механизм взаимодействия она видела так: чтобы реализовать прибавочную стоимость,

подлежащую накоплению, капиталисты продают средства производства и потребления “третьим лицам”, получают от них деньги и на них же покупают необходимое сырьё.

Однако Бухарин отметил, что такой подход ведёт к глубокому методологическому раздвоению и логическому абсурду:

«Не ясно ли, что если мы запретим, подобно Розе, абстрагироваться от мелких производителей при анализе накопления, то тем самым мы должны запретить эту абстракцию и по линии производства? Ибо, если приходится в “действительном процессе” сбывать мелким производителям ткань, то у них приходится покупать хлопок, и притом покупать его для того, чтобы из этого хлопка производить ткань».

*Итак: или абстракция от “третьих лиц” недопустима, – тогда она недопустима и при анализе производства капитала; или она допустима, – тогда она допустима и при анализе процесса накопления. Раздвоение метода приводит, как показано, к логическому абсурду».*⁸

Подменив строгий абстрактно-теоретический анализ схем воспроизводства Маркса (требующий отвлечения от некапиталистической среды) эмпирико-историческим описанием, Люксембург сделала из исторического факта непреложный теоретический закон. Отсюда и вытекал её фаталистический вывод: как только капитализм поглотит весь некапиталистический мир, он должен будет рухнуть из-за тотальной нехватки рынков сбыта.

Исторические факты опровергли эту концепцию. Капитализм уже к концу XIX – началу XX века интегрировал последние крупные зоны докапиталистической отсталости⁹, но обрушения не произошло. Сегодня наследники этой ошибочной линии продолжают утверждать, будто система вошла в эпоху окончательного упадка исключительно из-за географического исчерпания мирового рынка. Игнорируя закон тенденции нормы прибыли к понижению, эти течения сводят слож-

6 - Ленинский сборник XXII. Под ред. М. А. Савельева, В. Г. Сорокина. М.: Партийное издательство, 1933. С. 381.

7 - Люксембург Р. Накопление капитала. Изд. 5-е. Т. I. М. – Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934. С. 257.

8 - Бухарин Н. И. Империализм и накопление капитала (теоретический этюд). М.-Л.: Гос. изд-во, 1925. С. 100.

9 - Этот процесс называется “разделом мира” или эпохой “классического империализма”. В 1860–1880-х годах Российская империя подчинила себе среднеазиатские ханства (Бухарское, Хивинское, Кокандское), превратив их в хлопковую базу для российской промышленности. После подавления Боксёрского восстания (1901) и раздела Китая на “сферы влияния” докапиталистический рынок Поднебесной был принудительно открыт для иностранного капитала. К 1914 году империалистические державы разделили между собой 90 % африканских территорий. Внутренние племенные и феодальные структуры были насильственно встроены в мировую торговлю как поставщики сырья (каучук, золото, медь, хлопок). Таким образом, к 1900–1914 годам на политической карте Земли практически не осталось “ничейных” или изолированных территорий. Весь земной шар был разделён между колониальными империями и сферами влияния крупных держав. Интеграция последних зон отсталости была жёсткой необходимостью развитого капитализма, который перешёл в стадию монополистического капитализма.

нейший процесс самовозрастания стоимости к базисной проблеме реализации товаров, фактически подменяя марксизм прудонизмом.

Как гениально сформулировал Маркс в III томе «Капитала»:

*«Настоящий предел капиталистического производства – это сам капитал».*¹⁰

Проблема заключается не в физической нехватке внешних покупателей, а во внутреннем антагонизме системы. Капитализм задыхается от того, что произведённая стоимость не может бесконечно возрастать на базе сужающейся доли живого труда.

Как доказал польский марксист Генрик Гроссман¹¹ в труде «Закон накопления и краха капиталистической системы» (1929), в чистом капитализме спрос на средства производства (постоянный капитал) растёт и создаёт рынок сам для себя. Проблема системы не в том, что она не может продать товары, а в том, что на определённом этапе она сталкивается с явлением, которое Маркс назвал абсолютным перенакоплением капитала. Существует математический предел, когда огромный добавочный капитал, вброшенный в производство, вообще не приносит добавочной прибавочной стоимости из-за чудовищно возросшего органического строения.

И здесь мы сталкиваемся с поразительным парадоксом: теоретика, который всю жизнь боролся с теориями «недопотребления», позже обвинили именно в этом. В 6 томе сочинений Арриго Черветто (основателя *Lotta Comunista*) Гроссман ложно характеризуется как «острый недопотребитель». Черветто пишет:

*«Для Гроссмана недопотребление пролетариата не позволяет увеличить производство и, следовательно, дальнейшее потребление. В итоге, реализация прибавочной стоимости сужается до такой степени, что не поднимается органическое строение капитала...».*¹²

Черветто совершил ту же методологическую ошибку, что и большинство оппонентов Гроссмана: он грубо перепутал кризис реализации товаров с кризисом самовозрастания стоимости (нехваткой абсолютной массы прибыли для дальнейше-

го накопления). Гроссман никогда не утверждал, что капитализм задохнётся от невозможности продать товары внутри системы. Напротив, в его модели все товары успешно находят своего покупателя. Тупик наступает не на рынке, а в цеху: по мере роста органического строения капитала (c/v) масса живого труда (v) становится слишком мала по отношению к постоянному капиталу (c), чтобы создавать достаточную массу прибавочной стоимости (m). Именно здесь возникает внутренний предел накопления капитала.

В своём главном труде Гроссман писал:

*«[...] проблема заключается не в том, существует ли избыток товаров или нет. На самом деле мы исходили из состояния равновесия, при котором, по определению, не может быть нереализуемого остатка товаров. И всё же система должна разрушиться. Настоящая проблема заключается в возрастании стоимости капитала; прибавочной стоимости недостаточно для продолжения накопления с предполагаемой скоростью. Отсюда и катастрофа».*¹³

Опровержением обвинений Черветто служат также письма Гроссмана к Паулю Маттику. В письме от 21 июня 1931 года польский марксист язвительно высмеивал непонимание критиками метода «Капитала»:

*«Кто-то иронично заметил в мой адрес, что в моей книге капитализм рушится не из-за нищеты рабочих, а из-за нищеты капиталистов. Это возражение касается не меня, а Бауэра. [...] Я не утверждаю, что прибавочная стоимость уменьшается. Она может даже расти. Тем не менее её недостаточно, поскольку накопление (требующее всё более высокого органического строения капитала) поглощает всё большую часть прибавочной стоимости. [...] Потребляемая часть прибавочной стоимости, часть, предназначенная для рабочих [...], и часть, предназначенная для потребления самих капиталистов [...], становится всё меньше. [...] я хотел показать, что одной классовой борьбы недостаточно. Недостаточно одной только воли к свержению».*¹⁴

По Гроссману, капитал упирается не в рамки платёжеспособного спроса масс, а в марксово абсолютное перенакопление: добавочный капитал

10 - Маркс К. Капитал. Том третий. Книга III: Процесс капиталистического производства, взятый в целом // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 25. Ч. I. С. 274.

11 - Специальная критика Гроссмана не является предметом этой статьи, а требует отдельного материала.

12 - Cervetto A. Opere complete. Vol. 6: L'involucro politico. Milano: Edizioni Lotta Comunista, 2015. P. 328.

13 - Grossman H. The Law of Accumulation and Breakdown of the Capitalist System: Pluto Press 1992. P. 95.

14 - Grossman H. The Laws of Accumulation and Breakdown of the Capitalist System: A Pseudo-Scientific Pastiche? In Letters and Essays. Volume 1. Ed. by R. Kuhn. Leiden: Brill, 2018. P. 229–230.

поглощается производством, но из-за дефицита неоплаченного живого труда больше не производит добавочной прибыли.

Ленинский анализ империализма задолго до начала этого спора нанёс удар по иллюзиям недопотребления и подтвердил правоту марксистского ядра. Ленин показал, что капитализм перешагивает национальные границы не просто в поисках покупателей для своих ситцев и станков. Главным становится вывоз капитала, а не вывоз товаров. Капитал устремляется в колонии и полуколонии потому, что там низкое органическое строение капитала, дешёвая рабочая сила и земля. Это позволяет извлекать монопольную сверхприбыль и компенсировать падение прибыльности в метрополиях. Сердце капитала бьётся не за счёт пиратских набегов ради продажи излишков, а за счёт рутинного, юридически закреплённого *немого принуждения* наёмного труда в глобальном масштабе.

МАТЕМАТИКА КРИЗИСА И ДИАЛЕКТИКА КОНТРТЕНДЕНЦИЙ

Иллюзия невозможности всеобщих кризисов протекает из товарного фетишизма. Как писал Маркс:

*«Это – лишь определённое общественное отношение самих людей, которое принимает в их глазах фантастическую форму отношения между вещами. Чтобы найти аналогию этому, нам пришлось бы забраться в туманные области религиозного мира. Здесь продукты человеческого мозга представляются самостоятельными существами, одарёнными собственной жизнью, стоящими в определённых отношениях с людьми и друг с другом. То же самое происходит в мире товаров с продуктами человеческих рук».*¹⁵

Эта слепая вера в рыночную гармонию усиливается классовой шизофренией самой буржуазии. Капиталист ведёт двойную жизнь. В скрытой от посторонних глаз сфере производства он – повластный диктатор, выжимающий прибавочный труд. Но на открытом рынке он имеет дело с себе подобными, и здесь начинается *«единоборство хитрости с хитростью»*¹⁶. То, что он прекрасно понимает в цеху, он забывает на рынке. Когда наступает кризис, капиталисты искренне удивля-

ются: ведь производство было “здоровым”, и лишь внезапные “авантюры” обрушили цены.

Буржуазия верит в тождество спроса и предложения, забывая, что капиталист производит товары не для потребления, а для умножения абстрактного богатства. Деньги, становясь всеобщей мерой стоимости, раскалывают единый акт обмена: продавший товар совершенно не обязан немедленно покупать другой. Маркс дал этому феномену исчерпывающее определение:

*«Кризис есть не что иное, как насильственное осуществление единства фаз процесса производства, обособившихся и ставших самостоятельными по отношению друг к другу».*¹⁷

Чтобы производство не останавливалось, капитал создаёт грандиозную фикцию – кредит. Он не предотвращает кризисы, как надеялись ревизионисты вроде Э. Бернштейна, а лишь маскирует их, искусственно растягивая пределы производства до неизбежного схлопывания.

Но почему капитал обречён на кризисы?

Классическая марксистская формула нормы прибыли выглядит так:

$$p' = \frac{m}{c+v},$$

где *m* – прибавочная стоимость, *c* – постоянный капитал (машины, сырьё), а *v* – переменный капитал (заработная плата).

Стремясь выжить в конкурентной борьбе, капитал заменяет живой труд машинами (рост *c* относительно *v*). Возникает парадокс:

*«Норма прибыли падает – хотя норма прибавочной стоимости при этом остаётся неизменной или повышается – по той причине, что переменный капитал по мере развития производительных сил труда уменьшается по отношению к постоянному капиталу. Таким образом, норма прибыли падает не потому, что труд становится менее производительным, а потому, что он становится более производительным».*¹⁸

Доля живого труда – единственного источника прибавочной стоимости – сокращается по отношению к массе применяемых средств производства.

Однако марксизм далёк от механицизма. Падение нормы прибыли – это не прямая линия в пропасть. Сам Маркс подчёркивал:

15 - Маркс К. Капитал. Том первый. Книга I: Процесс производства капитала // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 23. С. 82.

16 - Маркс К. [Капитал] Вторая книга: Процесс обращения капитала // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 50. С. 9.

17 - Маркс К. Теории прибавочной стоимости (IV том “Капитала”). Часть вторая // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 26. Ч. II. С. 566.

18 - Там же. С. 485.

«Если принять во внимание чрезвычайное, сравнительно со всеми предыдущими периодами, развитие производительных сил общественного труда даже только за последние 30 лет, в особенности если принять во внимание, что не только собственно машины, а вся огромная масса основного капитала входит в совокупность общественного процесса производства, то вместо затруднения, которое до сих пор занимало экономистов, именно затруднения, как объяснить понижение нормы прибыли, возникает другое, противоположное затруднение, именно, **как объяснить, почему такое падение не было более значительным или более быстрым.** Это заставляет предполагать противодействующие влияния, которые ослабляют и парализуют действие общего закона и придают ему характер лишь тенденции, почему мы и назвали понижение общей нормы прибыли только тенденцией к понижению»¹⁹.

Более того, экономические обвалы не являются «смертью» капитала. Маркс строго указывал:

«[...] кризисы [...] всегда представляют собой только временное насильственное разрешение существующих противоречий, насильственные взрывы, которые на мгновение восстанавливают нарушенное равновесие».²⁰

Кризис – это варварский механизм самолечения системы через уничтожение избыточного, перенакопленного капитала, потерявшего способность к самовозрастанию. При этом Маркс чётко указывал, что капиталу далеко не всегда нужны прямые военные разрушения. Главный повседневный механизм очистки – это экономическое обесценивание (девальвация) капитала. Массовые банкротства, биржевые крахи и распродажа активов за бесценок приводят к тому, что постоянный капитал (с) резко дешевеет. Обанкротившиеся заводы скупаются за копейки, что уменьшает знаменатель в формуле и восстанавливает норму прибыли для выживших хищников.

Историческая эволюция капитализма после второй мировой войны подтверждает это. Долгий экономический бум (конец 1940-х – 1973 год) стал возможен лишь благодаря чудовищному физическому уничтожению огромных масс постоянного капитала в ходе империалистической бойни, что временно обнулило проти-

воречия и повысило норму прибыли. Но уже в 1965–1973 годах резкое падение прибыльности положило конец “золотому веку”. Отвязка доллара от золота (“Никсоновский шок” 1971 года), нефтяные кризисы и крах Бреттон-Вудской системы стали политическим оформлением этого макроэкономического тупика.

Как указывал Маркс в III томе “Капитала”, система вырабатывает мощные контртенденции. Чтобы компенсировать падение доходов в 1970-х, капитал перешёл к неолиберальной модели: выносу реальных производств в зоны “нового капитализма” (Азия, Латинская Америка) и тотальному кредитному накачиванию спроса при стагнации реальных зарплат. Современные технологии двойственны: ИИ и автоматизация не только повышают органическое строение капитала, но и колоссально удешевляют элементы постоянного капитала (серверы, робототехнику). Одновременно капитал повышает степень эксплуатации труда: современная платформенная экономика и стирание границ между рабочим и личным временем (удалённая работа) – это механизмы выжимания как относительной, так и абсолютной прибавочной стоимости, призванные затормозить падение нормы прибыли P' . Кризис разворачивается как диалектическая борьба базового закона и противодействующих ему факторов.

ФИНАНСОВЫЙ КАПИТАЛ И ГОСУДАРСТВЕННО-МОНОПОЛИСТИЧЕСКОЕ ОБОБЩЕСТВЛЕНИЕ

С исчерпанием возможностей для роста прибыльности в реальном секторе капитал совершает скачок в финансиализацию. Капиталистические нации, как писал Маркс, «периодически охватывает горячка мошенничества, когда они хотят делать деньги без обременительного посредства процесса производства».²¹

Взрыв фиктивного капитала – это не признак “силы” финансов, а признак дряхлости всей системы. Это попытка обмануть время, потребляя сегодня прибавочную стоимость, которая ещё не произведена. Реформисты (вслед за Р. Гильфердингом) до сих пор верят, что проблема кроется в “злых банкирах-паразитах”, задушивших честных промышленников. Гроссман подчёркивал,

19 - Маркс К. Капитал. Том третий. Книга III: Процесс капиталистического производства, взятый в целом // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 25. Ч. I. С. 254.

20 - Там же. С. 273.

21 - Маркс К. [Капитал] Вторая книга: Процесс обращения капитала // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 50. С. 33.

что он противопоставляет себя Гильфердингу, но согласен с Лениным. В 1931 году, опираясь на чёткое ленинское определение, он писал:

*«Гильфердинг понимает под финансовым капиталом банковский капитал; он не задаётся вопросом, кто стоит за этим банковским капиталом. Я не согласен с таким представлением о решающей роли банковского капитала. Ленин, напротив, понимает финансовый капитал не как банковский капитал, а как слияние монопольного капитала, прежде всего промышленного, с государственной властью и политикой, которая является инструментом этого капитала. Это совсем другое дело. То, что банки являются посредниками в процессе расширения капитала, очевидно».*²²

Финансовый капитал – это не банковский производ, это органический симбиоз монополий. Крах системы деривативов в 2008 году стал первым глобальным историческим звонком, показавшим, что фиктивный капитал не может бесконечно поглощать излишки без прямого вмешательства государства.

Когда же этот единый финансовый капитал окончательно сращивается с государственным аппаратом, мы получаем государственно-монополистический капитализм.

Ленин непрестанно обращал внимание на то, что государство не является надклассовым арбитром или нейтральным менеджером системы. Когда норма прибыли падает, государство не просто “помогает” банкам – оно берёт на себя управление процессом эксплуатации, централизуя финансовые рычаги в интересах конкретных транснациональных монополий.

Раздувание баланса ФРС США до 9 трлн долларов ради выкупа “мусорных” корпоративных долгов – это механизм перекачки стоимости через инфляцию из карманов рабочего класса в спасение падающей нормы прибыли монополий. Сегодня 15–20 % корпораций в развитых странах превратились в “зомби-компании”, зарабатывающие ровно столько, сколько необходимо, чтобы покрывать проценты по старым долгам.

Эта тотальная зависимость частного сектора от государственных вливаний возвращает нас к важнейшему выводу Фридриха Энгельса из “Анти-Дюринга”. Он указывал, что вынужденный

при капитализме рост государственного вмешательства в экономику – это не просто симптом гниения системы, но и объективное признание общественной природы производительных сил.

*«Это противодействие мощно возрастающих производительных сил их капиталистическому характеру, эта возрастающая необходимость признания их общественной природы принуждает класс самих капиталистов всё чаще и чаще обращаться с ними, насколько это вообще возможно при капиталистических отношениях, как с общественными производительными силами».*²³

В наши дни эта общественная природа достигла совершенно нового технологического уровня: она воплотилась в системах планетарной алгоритмической логистики, которые де-факто уже объединяют мировую экономику в единый механизм.

Эту же мысль в 1952 году на страницах журнала *Prometeo* отстаивал Амадео Бордига. В статье “*Il New Deal, o l'interventismo statale in difesa del grande capitale*” он писал:

«[...] несмотря на различия в политической форме, капиталистический режим реагирует на свои внутренние кризисы единообразно, применяя методы экономической политики, общие как для демократии, так и для фашизма. Интервенционизм, дирижизм, государственное управление – а это, с другой стороны, классические рецепты “экономического и социального оздоровления” реформизма – являются общими чертами любого буржуазного политического режима на этапе максимального обострения его внутренних противоречий. На международном уровне они сходятся в том, что являются проявлениями политики капиталистической консервации».

ИЗДЕРЖКИ ОБРАЩЕНИЯ И ВРЕМЯ КАПИТАЛА

На заре своей истории буржуазия ненавидела непроизводительных потребителей, считая, что их существование лишь увеличивает накладные расходы. В черновых рукописях Маркс проводит гениальное различие: Джон Мильтон, продавший рукопись “Потерянного рая” за 5 фунтов, был непроизводительным работником. Он создавал поэму, как шелковичный червь производит шёлк. А вот бездарный писака, работающий на изда-

22 - Grossman H. The Laws of Accumulation and Breakdown of the Capitalist System: A Pseudo-Scientific Pastiche? In Letters and Essays. Volume 1. Ed. by R. Kuhn. Leiden: Brill, 2018. P. 231.

23 - Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведённый господином Евгением Дюрингом // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 20. С. 288.

теля, или певица, нанятая антрепренёром, – это производительные рабочие, ибо они производят капитал. Капитализм уничтожает уникальность творца, делая его винтиком в процессе самовозрастания стоимости.

Но со временем система осознала: чтобы поглощать товарные излишки и не задохнуться от перепроизводства, ей жизненно необходима эта паразитическая прослойка (о чём с циничной откровенностью писал Томас Мальтус). Класс капиталистов действует как гигантское акционерное общество, оплачивающее собственную стабильность.

Сегодня капитал породил гигантскую армию *торговых работников* (маркетологов, управленцев, конторщиков). В отличие от фабричного рабочего или программиста, конторщик не создаёт прибавочной стоимости. Капитал плодит бесполезные должности. Сегодня мы можем назвать их *bullshit jobs*.

Однако с точки зрения теории Маркса, это не просто моральный паразитизм. Эта армия необходима системе для сокращения времени обращения. Чем быстрее товар будет реализован на перенасыщенном рынке, тем быстрее обернётся капитал, и тем выше будет годовая масса прибыли. При этом Маркс делает важнейшее уточнение: неоплаченный труд торгового работника не увеличивает общую массу стоимости, но позволяет торговому капиталисту присвоить долю прибыли, созданной на фабрике. Клерк трудится даром часть своего рабочего дня, и именно это уменьшает издержки капиталиста на продажу.

ИИ, “ОЧИСТКА ПОМЕСТИЙ” И РЕЗЕРВНАЯ АРМИЯ ТРУДА

Но сегодня капитал сам же и взламывает этот механизм: искусственный интеллект вторгается в сферу умственного труда. Сущностью генезиса капитализма была экспроприация у работника его орудий труда – то, что Маркс называл *очисткой поместий* (*clearing of estates*)²⁴. Как в Англии эпохи Тюдоров овцы “съели людей” ради капиталистического сукноделия, так сегодня алгоритмы “съедают” белых воротничков.

ИИ, овеществляющий в себе всеобщее общественное знание (*General Intellect*), выступает по отношению к когнитивному работнику как чуждая сила. Программист или аналитик лишаются монополии

на знания и становятся придатками алгоритма, формируя единого *совокупного работника*.

Автоматизация неизбежно порождает армию “лишних” людей. Капиталу жизненно необходима промышленная резервная армия труда, чтобы давить на зарплаты активной части рабочих. Платформенная занятость (по данным Oxford Internet Institute и Всемирного банка, из 163 млн зарегистрированных профилей на онлайн-платформах лишь около 14 млн хотя бы раз получали работу и только 3,3 млн работают на постоянной основе) становится идеальной формой сдельной оплаты труда, ведущей к зверской самоэксплуатации. Атомизация прекариата закономерно становится топливом для правого популизма в США и Европе, особенно в “ржавых поясах”, где массы лишены стабильности и брошены в мясорубку гиг-экономики.

При этом формированию единого политического авангарда сильно мешает политический феномен, подробно описанный Лениным: *рабочая аристократия*. Огромный разрыв между высокооплачиваемыми IT-специалистами в метрополиях (чей статус поддерживается за счёт империалистической сверхприбыли) и бесправным пролетариатом на “Глобальном Юге” становится главным препятствием для классовой солидарности.

Здесь важно отметить, что некоторые левокоммунистические течения до сих пор цепляются за догму об абсолютном, перманентном застое производительных сил в эпоху империализма. Они не видят, что капитал продолжает революционизировать технологии, но делает это во всё более разрушительных, антагонистических формах. Отрицание этого факта ведёт к теоретической слепоте: вместо того, чтобы анализировать, как новые технологии меняют структуру пролетариата и способы извлечения относительной прибавочной стоимости, эти группы превращают марксизм в застывшую религиозную схему, где капитализм просто “гниёт” без всякой внутренней технологической динамики.

ПОЛЕМИКА О КРАХЕ И АВАНГАРД ЭПОХИ ПЛАТФОРМ

В 1934 году на страницах журнала *Rätekorrespondenz* Антон Паннекук дал весьма основательную критику ошибок Гроссмана:

«Заслуживает внимания вопрос о том, как политэконом, полагающий, будто верно воспроизводит взгляды Маркса, и даже с наивной самоуверенностью

24 - Маркс К. Теории прибавочной стоимости (IV том “Капитала”). Часть вторая // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 26. Ч. II. С. 257.

заявляющий, что первым даёт их правильную интерпретацию, может столь сокрушительно промахнуться и оказаться в полном противоречии с Марксом. Причина кроется в отсутствии историко-материалистического понимания. Марксову экономическую теорию вообще невозможно понять, если не сделать историко-материалистическую методологию мышления своей собственной.

Для Маркса развитие человеческого общества, а значит, и экономическое развитие капитализма, определяется строгой необходимостью, подобно закону природы. Но в то же время оно является делом рук людей, играющих в нём свою роль, при этом каждый с сознанием и намерением – пусть и без сознания общественного целого – определяет свои поступки. Для буржуазного мышления здесь кроется противоречие: либо происходящее зависит от человеческого произвола, либо, если оно подчинено строгим законам, эти законы действуют как внечеловеческое, как механическое принуждение. Для Маркса всякая общественная необходимость пробивает себе дорогу через людей. Это означает, что человеческое мышление, воля и действие – хотя собственному сознанию они и представляются произволом – полностью определяются воздействием окружающей среды; и лишь через совокупность этих человеческих поступков, определяемых преимущественно общественными силами, в социальном развитии реализуется закономерность.

Общественные силы, определяющие развитие, – это не только чисто экономические, но и определяемые ими общеполитические действия, которые должны обеспечить производству необходимые правовые нормы. Закономерность кроется не только в действии конкуренции, выравнивающей цены и прибыли и концентрирующей капиталы, но и в осуществлении свободной конкуренции, свободного производства посредством буржуазных революций; не только в движении заработной платы, в расширении и сокращении производства при процветании и кризисах, в закрытии фабрик и увольнении рабочих, но и в возмущении, в борьбе рабочих, в завоевании ими власти над обществом и производством ради проведения новых правовых норм.

Экономика как тотальность людей, трудящихся и борющихся ради своих жизненных потребностей, и политика (в самом широком смысле) как действие и борьба этих людей как единого целого, как класса, ради своих жизненных потребностей, образуют единую, целостную область закономерного развития. Накопление капитала, кризисы, обнищание, пролетар-

ская революция, взятие власти рабочим классом – всё это вместе составляет неразрывное единство, действующее как закон природы: крах капитализма».²⁵

На защиту Гроссмана встал Пауль Маттик. В своей ответной статье он показал, что Паннекук совершенно не понял марксова метода научной абстракции, и вернул дискуссию в русло марксистской диалектики объективного и субъективного. Маттик объяснил, что Гроссман использовал абстрактную схему Бауэра исключительно как лабораторный метод, чтобы довести реформистскую теорию гармоничного капитализма до абсурда. Математические схемы строились в вакууме “чистого капитализма” (где абстрагируются от внешней торговли, монополий и кредита) не для того, чтобы предсказать фаталистический конец света по календарю, а чтобы доказать саму невозможность бескризисного развития системы на её собственных политэкономических основаниях.

По Маттику, абстрактная стоимостная схема – это не пророчество, а первая ступень марксова метода последовательного приближения к конкретной реальности. Капитализм неизбежно разрушается в рамках “чистой модели”, чтобы доказать: в живой исторической действительности система способна временно выживать и отодвигать свой объективный предел только через конвульсивное обострение эксплуатации и разрушительные кризисы. Чётко разграничивая абстрактно-теоретический финал и реальный исторический процесс, Маттик разделил абстрактную экономическую модель и живую историческую реальность:

«Демонстрация тенденции к краху посредством схемы вовсе не подталкивает Гроссмана – вопреки тому, что внушает себе критик, – к представлению, “будто великий крах (Kladderadatsch) наступит без наличия революционного класса, способного победить и экспроприировать буржуазию”. Этот класс и экспроприация для Гроссмана в силу объективной ситуации присутствуют как нечто само собой разумеющееся, потому что для него как раз и не существует чисто экономической проблемы. Более того, эти субъективные факторы могут существовать – что опять же само собой разумеется – лишь потому, что объективная ситуация созрела для краха. Гроссман писал свою книгу в (“очевидно, ошибочном”) предположении, что в научных трудах нет необходимости упоминать очевидные вещи. Подобно тому, как Маркс не создал отдельной теории краха, поскольку для ди-

25 - Pannekoek A. Der Zusammenbruchstheorie des Kapitalismus // Rätekorrespondenz. 1934. № 1. URL: <http://aaap.be/Pdf/R%C3%A4tekorrespondenz/R%C3%A4tekorrespondenz-1934-01.pdf>.

алектика само собой разумеется, что накопление капитала на базисе стоимости может привести лишь к краху. [...] если объективные условия для революции даны, то для марксиста само собой разумеется и наличие субъективных условий. Объективные необходимости в конечном счёте – с каким бы опозданием это ни происходило – реализуются людьми. Доказательством экономического краха лишь доказывается неизбежность революции».²⁶

Таким образом, утверждал Маттик, математический предел в абстрактной схеме означает не автоматическую смерть капитализма в реальном мире, а наступление эпохи перманентных и жесточайших кризисов, которые лишь создают объективные условия для революции. Окончательный же слом системы невозможен без субъективного фактора – активного политического действия пролетариата. Капитализм не падает сам, он лишь выковыывает политэкономические цепи и вынуждает рабочий класс эти цепи разорвать.

Главная заслуга Гроссмана – это математическое доказательство краха через закон падения нормы прибыли, которым он восстановил положение, фактически похороненное Гильфердингом и Каутским: мысль об объективном экономическом пределе капиталистического накопления.

Гильфердинг сводил кризисы к диспропорциональности распределения капитала между отраслями и заключал, что при плановом распределении они устранимы, а производство способно расти бесконечно – то есть капитализм не имеет внутреннего предела и может пасть лишь по воле рабочего класса, но не в силу своих законов движения. Каутский пошёл дальше, отвергнув саму мысль об исторической границе капитализма, которую до этого отстаивал.

Именно против этого отступления от Маркса направлена полемика Гроссмана: подлинное учение о крахе говорит об объективной необходимости гибели капитализма, но не в смысле её автоматического наступления без активного вмешательства пролетариата, а в смысле объективно созревающего предела, делающего это вмешательство исторически необходимым. Здесь Гроссман прав: без объективного предела накопления социализм, как указывала ещё Роза Люксембург, вырождается в дело чистого познания – идеалистическое обоснование в отрыве от материального хода развития.

Но слабость Гроссмана – в форме изложения: отстаивая объективный предел против его отрицателей, он сам впал в противоположную крайность. Увлёкшись “чистой экономикой”, он выстроил механистическую модель (крах на 35-й год по схеме Бауэра), где классовая борьба выглядит искусственной припиской, а не движущей силой истории. Это та же односторонность, что у Каутского и Гильфердинга, только с обратным знаком: если они растворяли объективную необходимость в воле класса, то Гроссман отделяет экономический предел от классовой борьбы, превращая расчёт даты краха в чисто арифметическую задачу – тогда как у Маркса это две стороны одного диалектического процесса, а не независимые друг от друга величины. Отсюда и упрек в детерминизме.

Марксизм не терпит ни механического ожидания “окончательного коллапса”, ни бессистемного волюнтаризма. Капитализм не имеет финального предела, за которым он просто перестаёт существовать. Буржуазия всегда найдёт выход из самого глубокого макроэкономического тупика, если пролетариат позволит ей сделать это за свой счёт. Без субъективного фактора – революционной организации пролетариата – система будет бесконечно гнить, переходя от одного цикла войн к другому.

Монополия капитала становится оковами для обобществлённого способа производства, который вырос под её покровом. Как резюмировал Маркс:

*«Обобществление труда и централизация средств производства достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьёт час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприруют».*²⁷

Это и есть историческое отрицание отрицания.

МИЛИТАРИЗМ: УНИЧТОЖЕНИЕ СТОИМОСТЕЙ И ПЕРЕДЕЛ МИРА

Когда мирных банкротств уже недостаточно для расчистки завалов перенакопления, капитал требует военного уничтожения самих производительных сил. Роза Люксембург проникательно рассматривала в своей работе “Накопление капитала” милитаризм в качестве поприща капиталистического накопления, где государство силой налогов

26 - Mattick P. Zur Marxschen Akkumulations- und Zusammenbruchstheorie (In Erwiderung des Artikels: “Die Zusammenbruchstheorie des Kapitalismus” in Nummer 1 der “Rätekorrespondenz”) // Rätekorrespondenz. 1934. № 4. URL: <http://aaap.be/Pdf/R%C3%A4tekorrespondenz/R%C3%A4tekorrespondenz-1934-04.pdf>.

27 - Маркс К. [Фрагменты из авторизованного французского издания I тома “Капитала”] // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 49. С. 229.

заставляет рабочий класс оплачивать орудия собственного уничтожения.

Опираясь на марксову теорию стоимости, можно сказать, что война для капитала – это не просто масштабное списание товарных излишков. Это насильственное, физическое обнуление стоимости накопленного *прошлого, овеществлённого труда*, то есть постоянного капитала (*c*). Живой, функционирующий капитал физически не способен к самовозрастанию, пока старый капитал сохраняет свою колоссальную стоимостную величину в знаменателе приведённой ранее формулы нормы прибыли. Чтобы спасти норму прибыли (*p'*) от фатального падения, гниющий организм капитализма обязан стереть в порошок материальные результаты прошлых циклов накопления – города, инфраструктуру и отдельные заводы. Только через тотальное обесценивание и физическое уничтожение этого “мёртвого труда” (*c*) расчищается поле для нового исторического цикла восстановления, открывающего пространство для высокой нормы прибыли и варварской интенсификации эксплуатации живого труда (*v*). Исторически это блестяще подтверждается послевоенными планами восстановления (вроде плана Маршалла), которые служили колоссальным стимулом для нового витка капиталистического накопления. Мирный период капитализма – это лишь откорм свиньи перед неизбежной бойней.

Но вслед за Лениным мы обязаны подчеркнуть: война – это не просто экономическая бухгалтерия по списанию излишков. Это жестокая межимпериалистическая борьба национальных монополий за передел уже поделённого мира, за новые сферы приложения капитала и контроля над ресурсами. Текущая эскалация глобальных конфликтов, колоссальный рост военных расходов (2,89 трлн долларов в 2025 году, увеличение на 36,6 % в реальном выражении по сравнению с 2021 годом) – это “рациональный” ответ капитала на тупик перенакопления. Военно-промышленный комплекс функционирует как идеальный клапан: он производит свёрхтехнологичный капитал, единственная потребительная стоимость которого заключается в том, чтобы быть уничтоженным и уничтожить избыточный капитал конкурентов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Методология Маркса безапелляционна. Мы находимся в исторической точке, где колоссальные

производительные силы, вызванные к жизни технологиями, вступают в смертельный конфликт с убогой попыткой системы измерять богатство деньгами.

Общественная жизнь сбросит с себя мистическое туманное покрывало товарного фетишизма лишь в момент, когда она станет продуктом свободной ассоциации людей, действующих по сознательному плану. Действительным богатством общества является не прибавочный труд, выжатый из человека, а свободное время для всестороннего развития каждого индивида. Но пока властвует капитал, это свободное время превращается в пауперизм и нищету на одном полюсе ради немыслимого избытка на другом.

Централизация средств производства достигла такого масштаба, что капиталистическая оболочка стала её прямыми оковами. Как пророчески предупреждала Роза Люксембург в 1915 году в “Брошюре Юниуса”, общество стоит перед неумолимой развилкой:

«[Или] переход к социализму, или возвращение к варварству».²⁸

Капитализм никогда не умрёт естественной смертью от “старости” или автоматического исчерпания рынков. Он будет бесконечно восставать из пепла мировых войн и разрушительных кризисов, пока не будет сознательно уничтожен коммунистической революцией пролетариата. Вопрос нашего столетия заключается лишь в одном: успеет ли рабочий класс, направляемый его революционным авангардом, использовать глобальную алгоритмическую машину капитала для построения свободного и планового общества, или же империализм в очередной раз решит проблему падающей нормы прибыли в огне глобального самоуничтожения. И здесь вступает в силу ленинский закон *неравномерного капиталистического развития*: пролетарский удар обрушит систему не абстрактно “везде”, а там, где империалистическая цепь наиболее слаба. И вопрос о том, где сегодня находится слабое звено, то есть наиболее подверженное империалистическим противоречиям звено этой цепи, является одной из ключевых проблем марксистского анализа.

Май 2026 г.

28 - Люксембург Р. Кризис социал-демократии. М.: Красная новь, 1923 (обл. 1924). С. 10.

ИЗБЫТОК КАПИТАЛА ПРИ ИЗБЫТКЕ НАСЕЛЕНИЯ¹

КАРЛ МАРКС

В эпоху, когда распространяется иллюзия о господстве нейросетей, а финансовые транзакции совершаются за доли секунды, публикуемый ниже фрагмент из III тома “Капитала” предстаёт не историческим артефактом, а пугающе точным анатомическим срезом сегодняшнего дня. Если буржуазная мысль списывает кризисы на “внешние шоки”, то Маркс обнажает фундаментальный парадокс системы: одновременное существование избыточного капитала и избыточного населения. Он доказывает, что кризис – это не следствие физического избытка благ для человечества, а математический тупик, при котором гигантские массы овеществлённого труда теряют способность приносить достаточную норму прибыли, толкая экономику в спекулятивные авантюры и кредитные пузыри.

«Без революционной теории нет революционного движения», – гласит аксиома первого русского марксиста Плеханова. Если сводить основное противоречие капитализма к проблемам “несправедливого распределения”, ответом станет тупиковый реформизм. Однако объективная наука Маркса не оставляет иллюзий: капитализм способен восстанавливать свою норму прибыли только через варварское уничтожение накопленных стоимостей – массовые банкротства, обесценивание труда и империалистические войны.

Следует обратиться к первоисточнику, чтобы затем проследить, как железная логика Маркса прокладывает себе путь сквозь технологические и социальные противоречия XXI века.

С понижением нормы прибыли возрастает тот минимум капитала, который требуется отдельному капиталисту для производительного применения труда, – требуется как для эксплуатации труда вообще, так и для того, чтобы затрачиваемое рабочее время было временем, необходимым

для производства товаров, чтобы оно не превышало среднего рабочего времени, общественно необходимого для производства товаров. И одновременно возрастает концентрация, потому что за известными пределами крупный капитал с невысокой нормой прибыли накапливает быстрее,

1- Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том третий. Книга III: Процесс капиталистического производства, взятый в целом // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. Соч. Изд. 2-е. Т. 25. Ч. I. С. 275–285.

чем небольшой капитал с высокой нормой прибыли. Эта возрастающая концентрация, достигнув известного уровня, в свою очередь, приводит к новому понижению нормы прибыли. Масса мелких раздробленных капиталов пускается вследствие этого на путь авантюры: спекуляции, кредитные махинации и махинации на акциях; эти капиталы оказываются перед лицом кризисов. Под так называемым изобилием капитала всегда подразумевается по существу изобилие такого капитала, для которого понижение нормы прибыли не уравнивается её массой, – а такими являются всегда вновь образующиеся свежие отпрыски капитала, – или изобилие таких капиталов, которые сами по себе не способны для самостоятельных действий и предоставляются в форме кредита в распоряжение заправил крупных отраслей производства. Это изобилие капитала возникает вследствие тех же обстоятельств, которые вызывают относительное перенаселение, и потому изобилие это представляет собой явление, дополняющее это последнее, хотя оба они находятся на противоположных полюсах: на одной стороне – незанятый капитал, на другой стороне – незанятое рабочее население.

Перепроизводство капитала, а не отдельных товаров, – хотя перепроизводство капитала всегда включает перепроизводство товаров, – означает поэтому не что иное, как перенакопление капитала. Чтобы понять, что такое это перенакопление [...], стоит только предположить его абсолютным. Когда перепроизводство капитала было бы абсолютным? И притом перепроизводство, которое распространялось бы не на ту или другую или на несколько значительных сфер производства, но было бы абсолютным во всём своём объёме, т. е. охватывало бы все сферы производства?

Абсолютное перепроизводство капитала было бы налицо, если бы дополнительный капитал для целей капиталистического производства был $= 0$. Но целью капиталистического производства является увеличение стоимости капитала, т. е. присвоение прибавочного труда, производство прибавочной стоимости, прибыли. Следовательно, если бы капитал возрос по сравнению с рабочим населением настолько, что нельзя было бы ни удлинить абсолютное рабочее время, доставляемое этим населением, ни расширить относительное прибавочное рабочее время (последнее и без того было бы невыполнимо в случае, когда спрос на труд значителен, следовательно, когда

существует тенденция к повышению заработной платы), т. е. если бы возросший капитал производил лишь такую же, как до своего увеличения или даже меньшую массу прибавочной стоимости, то имело бы место абсолютное перепроизводство капитала, т. е. возросший капитал $K + \Delta K$ произвёл бы прибыли не больше или даже меньше, чем капитал K до своего увеличения на ΔK . В обоих случаях произошло бы также сильное и внезапное понижение общей нормы прибыли, но на этот раз вследствие такой перемены в строении капитала, причиной которой было бы не развитие производительной силы, а повышение денежной стоимости переменного капитала (вследствие повышения заработной платы) и соответствующее ему уменьшение отношения прибавочного труда к необходимому труду.

В действительности дело обстоит бы таким образом, что одна часть капитала целиком или частично лежала бы без движения (потому что она, чтобы вообще увеличивать свою стоимость, должна была бы сначала вытеснить с его позиции уже действующий капитал), а другая часть под давлением незанятого или только наполовину занятого капитала возрастала бы при более низкой норме прибыли. При этом было бы безразлично, если бы часть дополнительного капитала вступила на место старого, а этот последний таким образом занял бы место в дополнительном капитале. Мы всё же имели бы, с одной стороны, прежнюю капитальную сумму, с другой – дополнительную. Понижение нормы прибыли сопровождалось бы в этом случае абсолютным уменьшением массы прибыли, так как при наших предположениях масса применяемой рабочей силы не могла бы увеличиться, и норма прибавочной стоимости не могла бы повыситься, следовательно, не могла бы увеличиться и масса прибавочной стоимости. А уменьшенную массу прибыли надо было бы исчислять на увеличившийся совокупный капитал. Но если даже предположить, что занятый капитал продолжает возрастать при прежней норме прибыли, следовательно, масса прибыли остаётся прежняя, то всё же она исчислялась бы на возросший совокупный капитал и опять произошло бы понижение нормы прибыли. Если весь капитал в 1000 приносил прибыль в 100, а после своего увеличения до 1500 он по-прежнему приносит только 100, то во втором случае 1000 приносит уже только $66\frac{2}{3}$. Возрастание стоимости прежнего капитала со-

кратилось бы абсолютно. При новых условиях капитал = 1000 приносил бы не больше, чем прежде приносил капитал = $666^2/3$.

Но ясно, что это фактическое обесценение прежнего капитала не могло бы произойти без борьбы, что без борьбы дополнительный капитал ΔК не смог бы функционировать как капитал. Норма прибыли упала бы не вследствие конкуренции, обусловленной перепроизводством капитала, а, наоборот, конкурентная борьба началась бы теперь вследствие того, что понижение нормы прибыли и перепроизводство капитала вызывались одними и теми же причинами. Уже функционирующие капиталисты, в руках которых оказалась бы часть ΔК, в большей или меньшей степени оставили бы её лежать без движения, чтобы не обесценить своего первоначального капитала и не сузить место, занимаемое им в области производства, или же они употребили бы её так, чтобы перенести, хотя бы с временным убытком для себя, последствия бездействия дополнительного капитала с себя на новых пришельцев и вообще на своих конкурентов.

Часть ΔК, которая оказалась бы в руках новых капиталистов, стремилась бы вытеснить старый капитал, и это отчасти удалось бы ей, поскольку она оставила бы в бездействии часть старого капитала, принудила бы его очистить ей старое место и занять место дополнительного капитала, употребляемого в дело только отчасти или вовсе не употребляемого.

Поскольку капитал должен функционировать как капитал и возрасть по своей стоимости, известная часть старого капитала при всех обстоятельствах должна находиться в бездействии, должна бездействовать в своём качестве капитала. Какой именно части пришлось бы остаться недействующей, это решила бы конкурентная борьба. Пока всё идёт хорошо, конкуренция, как это обнаружилось при выравнивании общей нормы прибыли, действует как осуществлённый на практике братский союз класса капиталистов, так что они сообща делят между собой общую добычу пропорционально доле, вложенной каждым. Но, как только речь идёт уже о распределении не прибыли, а убытка, всякий стремится насколько возможно уменьшить свою долю убытка и взвалить её на другого. Для всего класса капиталистов убыток неизбежен. Но какая доля придётся на каждого отдельного капиталиста, насколько вообще

должен разделять его каждый отдельный капиталист, это зависит от силы и хитрости, и конкуренция превращается в таком случае в борьбу враждующих братьев. При этом даёт себя знать противоположность интересов каждого отдельного капиталиста и всего класса капиталистов совершенно так же, как раньше практически прокладывала себе путь через конкуренцию тождественность этих интересов.

Каким же образом может быть устранён этот конфликт и могут быть снова восстановлены отношения, соответствующие “здоровому” движению капиталистического производства?

Способ устранения содержится уже в самом выражении того конфликта, об устранении которого идёт речь. Он заключается в том, что капитал, равный по стоимости всему дополнительному капиталу ΔК или, по крайней мере, его части, лежит без движения и отчасти даже уничтожается. Хотя, как это явствует уже из самого изложения конфликта, такой убыток отнюдь не распределяется равномерно между отдельными индивидуальными капиталами, а его распределение решается конкурентной борьбой, причём убыток распределяется в зависимости от особых преимуществ и уже завоёванных позиций очень неравномерно и в очень разнообразных формах, так что один капитал бездействует, другой уничтожается, третий терпит только относительные убытки или подвергается лишь временному обесценению и т. д.

Но при всех обстоятельствах равновесие было бы восстановлено бездействием и даже уничтожением капитала в большем или меньшем объёме. Это распространялось бы отчасти на материальную субстанцию капитала, т. е. некоторая часть средств производства, основной и оборотный капитал, не функционировала бы, не действовала бы как капитал; приостановилась бы часть предприятий, уже начавших производство. Хотя в этом отношении время ничего не щадит и ухудшает все средства производства (за исключением земли), но здесь, вследствие приостановки функционирования, в действительности произошло бы гораздо более значительное разрушение средств производства. Однако главный результат в этом отношении заключался бы в том, что эти средства производства перестали бы действовать как средства производства, прекратилось бы на более или менее долгое время их функционирование как средств производства.

Но в основном разрушительное влияние, притом в самой острой форме, коснулось бы капитала, поскольку он обладает стоимостью, коснулось бы капитальных стоимостей. Часть капитальной стоимости, находящаяся просто в форме свидетельств на получение в будущем доли прибавочной стоимости, прибыли, в действительности представляющая только различные формы долговых обязательств на производство, обесценивается сразу же с уменьшением доходов, на которые рассчитана эта часть. Часть наличного золота и серебра лежит без употребления, не функционирует как капитал. Часть находящихся на рынке товаров может совершать свой процесс обращения и воспроизводства только при чрезвычайном понижении своих цен, следовательно, путём обесценения того капитала, который эта часть представляет. Точно так же более или менее обесцениваются элементы основного капитала. К этому присоединяется то, что определённые предположительные отношения цен обуславливают процесс воспроизводства, а потому последний вследствие общего понижения цен приостанавливается и приходит в расстройство. Это расстройство и приостановка процесса воспроизводства парализует функцию денег как средства платежа, развивающуюся с развитием капитала и основывающуюся на упомянутых предположительных отношениях цен, разрывает в сотне мест цепь платёжных обязательств на определённые сроки, ещё более обостряется возникающим отсюда потрясением кредитной системы, развившейся вместе с капиталом, и таким образом приводит к сильным и острым кризисам, к внезапным насильственным обесценениям, к действительной приостановке и нарушению процесса воспроизводства и вместе с тем к действительному сокращению воспроизводства.

Но одновременно действовали бы другие факторы. Приостановка производства лишила бы работы часть рабочего класса и вследствие этого другую, занятую часть его поставила бы в такие условия, при которых ей пришлось бы мириться с понижением заработной платы даже ниже среднего уровня, – обстоятельство, которое производит на капитал совершенно такое же действие, как если бы при средней заработной плате повысилась относительная или абсолютная прибавочная стоимость. Период процветания благоприятствовал бы бракам среди рабочих и уменьшил бы смертность их детей – обстоя-

тельства, которые, какое бы действительное увеличение населения ни было связано с ними, вовсе не предполагают увеличения действительно работающего населения, но на отношение рабочих к капиталу влияют совершенно так же, как если бы увеличилось число действительно функционирующих рабочих. С другой стороны, падение цен и конкурентная борьба побуждали бы каждого капиталиста понижать индивидуальную стоимость всего своего продукта ниже общей стоимости этого продукта посредством применения новых машин, новых усовершенствованных методов труда, новых комбинаций, т. е. повышать производительную силу данного количества труда, понижать отношение переменного капитала к постоянному и таким образом высвобождать рабочих, – короче говоря, создавать искусственное перенаселение. Далее, обесценение элементов постоянного капитала само сделалось бы элементом, влекущим за собой повышение нормы прибыли. Масса применяемого постоянного капитала возросла бы по сравнению с переменным, но стоимость этой массы могла бы уменьшиться. Наступившая приостановка производства подготовила бы последующее расширение его в пределах капиталистических границ.

И таким образом круг был бы пройден снова. Часть капитала, обесценившаяся вследствие приостановки функционирования, снова приобрела бы свою прежнюю стоимость. Впрочем, при условиях расширенного производства, при расширенном рынке и при повышенной производительной силе был бы опять совершён такой же порочный кругооборот.

Но даже при допущенном нами крайнем предположении абсолютное перепроизводство капитала не есть абсолютное перепроизводство вообще, абсолютное перепроизводство средств производства. Оно является перепроизводством средств производства лишь постольку, поскольку эти последние должны функционировать как капитал и, следовательно, должны пропорционально увеличению стоимости, соответствующему увеличению их массы, производить дополнительную стоимость.

Но, несмотря на то, это всё же было бы перепроизводство, потому что капитал оказался бы неспособным эксплуатировать труд в той степени, которая обуславливается “здоровым”, “нормальным” развитием капиталистического процесса производства, в той степени, при которой

с возрастанием массы применяемого капитала увеличивается, по крайней мере, масса прибыли, и которая, следовательно, исключает падение нормы прибыли в той же самой мере, как возрастает капитал, и в особенности, исключает падение нормы прибыли более быстрое, чем возрастание капитала.

Перепроизводство капитала никогда не означает чего-либо иного, кроме перепроизводства средств производства, – средств труда и жизненных средств, – которые могут функционировать как капитал, т. е. могут применяться для эксплуатации труда при данной степени эксплуатации; падение же этой степени эксплуатации ниже определённого пункта вызывает нарушения капиталистического процесса производства, приостановку его, кризисы, разрушение капитала. Нет никакого противоречия в том, что такое перепроизводство капитала сопровождается более или менее значительным относительным перенаселением. Те самые обстоятельства, которые повысили производительную силу труда, увеличили массу товарных продуктов, расширили рынки, ускорили накопление капитала как по массе, так и по стоимости и понизили норму прибыли, – эти же самые обстоятельства создали и постоянно создают относительное перенаселение, перенаселение рабочих, которые не применяются избыточным капиталом вследствие низкой степени эксплуатации труда, при которой они только и могли бы найти применение, или, по крайней мере, вследствие низкой нормы прибыли, которую они приносили бы при данной степени эксплуатации.

Если капитал вывозится за границу, то это происходит не потому, что он абсолютно не мог бы найти применения внутри страны. Это происходит потому, что за границей он может быть помещён при более высокой норме прибыли. Но такой капитал – абсолютно избыточный капитал для занятого рабочего населения и для данной страны вообще. Он существует как таковой наряду с относительно избыточным населением, и это служит примером, как избыточный капитал и избыточное население существуют рядом друг с другом и взаимно обуславливают друг друга.

С другой стороны, связанное с накоплением понижение нормы прибыли необходимо вызывает конкурентную борьбу. Компенсация понижения нормы прибыли увеличением массы прибыли имеет реальное значение только для совокуп-

ного общественного капитала и для крупных капиталистов, владельцев уже существующих предприятий. Новый, самостоятельно функционирующий дополнительный капитал не находит заранее готовых условий для такой компенсации; он ещё должен завоевать такие условия, и потому понижение нормы прибыли вызывает конкурентную борьбу между капиталами, а не наоборот. Эта конкурентная борьба сопровождается, конечно, временным повышением заработной платы и вытекающим из этого дальнейшим временным понижением нормы прибыли. То же проявляется в перепроизводстве товаров, в переполнении рынков. Так как целью капитала является не удовлетворение потребностей, а производство прибыли, и так как эта цель достигается лишь такими методами, при которых масса продуктов определяется размерами производства, а не наоборот, то постоянно должно возникать несоответствие между ограниченными размерами потребления на капиталистическом базисе и производством, которое постоянно стремится выйти за эти имманентные пределы. Впрочем, ведь капитал состоит из товаров, и потому перепроизводство капитала включает в себя перепроизводство товаров. Отсюда тот любопытный факт, что те самые экономисты, которые отрицают перепроизводство товаров, признают перепроизводство капитала. Когда говорят, что происходит не общее перепроизводство, а только нарушение пропорции между различными отраслями производства, то это означает лишь то, что при капиталистическом производстве пропорциональность отдельных отраслей производства воспроизводится из диспропорциональности как постоянный процесс, так как здесь внутренняя связь производства как целого навязывается агентам производства, как слепой закон, а не как закон, достигнутый их коллективным разумом и потому подвластный ему, подчиняющий процесс производства их общему контролю. Далее, тем самым требуют, чтобы в странах, в которых не развит капиталистический способ производства, потребление и производство стояли на такой ступени, какая свойственна странам капиталистического способа производства. Если говорят, что перепроизводство только относительно, то это совершенно правильно; но весь капиталистический способ производства есть только относительный способ производства, границы которого вообще не абсолютны, однако

для него, на его базисе, абсолютны. Иначе как же можно было бы объяснить отсутствие спроса на такие товары, в которых нуждается масса народа, и как можно было бы объяснить то явление, что приходится искать этот спрос за границей, на отдалённых рынках для того, чтобы иметь возможность платить рабочим у себя дома среднее количество необходимых жизненных средств? Потому что только в этих специфических, капиталистических взаимоотношениях избыточный продукт получает такую форму, что его владелец может представить его для потребления лишь в том случае, если он превратится для него опять в капитал. Наконец, если говорят, что капиталисты должны только обменивать между собой свои товары и потреблять их, то при этом забывают общий характер капиталистического производства, забывают, что речь идёт об увеличении стоимости капитала, а не об его потреблении. Одним словом, все возражения против очевидных явлений перепроизводства (которым дела нет до этих возражений) сводятся к тому, что границы капиталистического производства не являются границами производства вообще, а поэтому не являются границами и для этого специфического, капиталистического способа производства. Но противоречие этого капиталистического способа производства заключается именно в его тенденции к абсолютному развитию производительных сил, которое постоянно вступает в конфликт с теми специфическими условиями производства, в которых движется и только может двигаться капитал.

Дело не в том, что жизненных средств производится слишком много по сравнению с существующим населением. Наоборот. Их производится слишком мало для того, чтобы масса населения могла жить прилично, по-человечески.

Дело не в том, что средств производства производится больше, чем нужно для того, чтобы занять трудоспособную часть населения. Наоборот. Во-первых, производится слишком большая часть населения, которая фактически не работает, которая в силу условий своей жизни эксплуатирует труд других или занимается работами, которые могут считаться таковыми только при жалком способе производства. Во-вторых, средств производства производится недостаточно для того, чтобы всё трудоспособное население могло быть использовано наиболее производительным образом, следовательно, чтобы его аб-

солютное рабочее время сокращалось благодаря массе и эффективности постоянного капитала, применяемого в течение рабочего времени.

Но периодически средств труда и жизненных средств производится слишком много для того, чтобы они при данной норме прибыли могли функционировать как средства эксплуатации рабочих. Товаров производится слишком много для того, чтобы заключающуюся в них стоимость и содержащуюся в ней прибавочную стоимость можно было реализовать и превратить в новый капитал при тех условиях распределения и отношениях потребления, которые определяются капиталистическим производством, т. е. чтобы этот процесс мог совершаться без постоянно возобновляющихся взрывов.

Дело не в том, что богатств производится слишком много. Но периодически производится слишком много богатств в их капиталистических, противоречивых формах.

Предел капиталистического способа производства обнаруживается:

1) В том, что порождаемое развитием производительной силы труда понижение нормы прибыли представляет собой закон, который в известный момент самым резким образом приходит в столкновение с развитием производительной силы труда и потому постоянно должен преодолевать посредством кризисов.

2) В том, что расширение или сокращение производства определяется не отношением производства к общественным потребностям, к потребностям общественно развитых людей, а присвоением неоплаченного труда и отношением этого неоплаченного труда к овеществленному труду вообще, или, выражаясь языком капиталиста, определяется прибылью и отношением этой прибыли к применяемому капиталу, следовательно известной высотой нормы прибыли. Поэтому пределы капиталистического производства выступают уже при такой степени расширения, которая при других предпосылках оказалась бы, наоборот, далеко недостаточной. Оно приостанавливается не тогда, когда этого требует удовлетворение потребностей, а тогда, когда этой остановки требует производство и реализация прибыли.

Если норма прибыли понижается, то, с одной стороны, силы капитала направляются на то, чтобы отдельный капиталист посредством усовершенствованных методов и пр. понизил индивидуальную стоимость своих товаров ниже их средней

общественной стоимости и получил таким образом при данной рыночной цене некоторую добавочную прибыль; с другой стороны, возникает спекуляция, которой благоприятствуют страстные поиски новых методов производства, новых применений капитала, новых авантур с целью обеспечить хоть какую-нибудь добавочную прибыль, независимую от общего среднего уровня её и возвышающуюся над ним.

Норма прибыли, т. е. относительный прирост капитала, имеет важное значение прежде всего для всех новых, самостоятельно группирующихся ответвлений капитала. И если бы капиталобразование стало уделом исключительно немногих крупных капиталов, для которых масса прибыли перевешивает её норму, то вообще угас бы огонь, оживляющий производство. Оно погрузилось бы в сон. Норма прибыли – это движущая сила капиталистического производства; производится только то и постольку, что и поскольку можно производить с прибылью. Отсюда страх английских экономистов перед понижением нормы прибыли. Тот факт, что даже одна возможность этого тревожит Рикардо, свидетельствует как раз о глубоком понимании им условий капиталистического производства. Наиболее значи-

тельно у Рикардо именно то, в чем его упрекали: что при исследовании капиталистического производства он, не занимаясь “людьми”, обращает внимание только на развитие производительных сил, каких бы человеческих жертв и капитальных стоимостей оно ни стоило. Развитие производительных сил общественного труда – это историческая задача и оправдание капитала. Именно этим он бессознательно создаёт материальные условия более высокой формы производства. Рикардо беспокоит то, что норме прибыли, которая является стимулом капиталистического производства, а вместе с тем и условием и двигателем накопления, угрожает опасность вследствие развития самого производства. А количественное отношение здесь – всё. В действительности в основе этого лежит нечто более глубокое, что он только смутно сознаёт. В этом обнаруживается чисто экономическим образом, т. е. с буржуазной точки зрения, в пределах капиталистического понимания, с точки зрения самого капиталистического производства, ограниченность последнего, его относительность, то, что оно – не абсолютный, а лишь исторический способ производства, соответствующий известной ограниченной эпохе развития материальных условий производства.

АНАТОМИЯ ГЛОБАЛЬНОГО ОТЧУЖДЕНИЯ

ПОЛИТЭКОНОМИЯ СТРУКТУРНОГО КРИЗИСА И МИФ ПОСТИНДУСТРИАЛИЗМА

Современный капитализм подошёл к исторической черте, за которой скрывается беспрецедентная по своим масштабам эксплуатация, замаскированная под технологический прогресс. В этой части нашего исследования мы анализируем политэкономии-

ческий базис глобальной экономики. Наша цель – деконструировать буржуазные мифы о “постиндустриальном обществе”, “экономике знаний” и “деиндустриализации”, а также исследовать математические и структурные механизмы того, как капитал замедляет действие закона тенденции нормы прибыли к понижению за счёт пространственной экспансии и радикальной деквалификации труда. Без строгого понимания этих объективных экономических сдвигов невозможна выработка верной стратегии классовой борьбы.

Современный глобальный капитализм не преодолел противоречий ранних стадий своего развития. Как мы продемонстрировали в первом номере нашего журнала (статья “От Манчестера Энгельса к глобальному Манчестеру”), капитал не изменил своей хищнической природы, а лишь масштабировал адские условия фабричного Манчестера XIX века до размеров всей планеты. Столкнувшись с неумолимым действием закона тенденции нормы прибыли к понижению, система осуществила тектонический пространственный сдвиг: вынесла значительную часть физического производства в регионы с дешёвой рабочей силой, а пролетариат старых империалистических метрополий подчинила цифровому тейлоризму, современным формам сдельной оплаты труда (так называемой гиг-экономике) и изнуряющей культуре сверхэксплуатации “996”. Буржуазная статистика и реформистские институты стремятся замаскировать этот потогонный конвейер мифами о “постиндустриальном обществе” и “экономике знаний”, скрывая за стерильными терминами реальный факт абсолютного и относительного обнищания масс.

Однако сегодня капиталистическая экспансия порождает физиологическое истощение и, по выражению Энгельса, “социальное убийство”¹ самого рабочего класса, чьи демографические ресурсы буквально сгорают в топке платформенного надзора и империалистических войн. Навязанная атомизация и ложное сознание, подпитываемое иллюзиями финансового фетишизма (мнимого соучастия в капитале через владение акциями) и идеологическим тупиком “капиталистического реализма” – буржуазной гегемонии, внушающей безальтернативность капитализма, – порождают

беспрецедентную конкуренцию внутри пролетариата, парализуя его волю к сопротивлению. Срыв декораций буржуазной апологетики и обнажение глубинной структуры класса “в себе” указывают единственно возможный вектор его исторического развития. Этот путь требует переплавки внутренней конкуренции в пролетарскую солидарность, разрыва с соглашательским профсоюзным реформизмом и формирования независимого коммунистического авангарда как условия грядущей мировой коммунистической революции.

Построение мировой коммунистической партии, провозглашенное в нашем “Манифесте” как результат *действительного революционного движения*, требует ясного понимания *текущего состояния* рабочего класса. Первоочередной задачей становится объективное исследование его глубинной структуры, демографических пределов выживания и реального уровня сознания.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ФУНДАМЕНТ: ПЕРЕМЕННЫЙ КАПИТАЛ И ВОЙНА ВСЕХ ПРОТИВ ВСЕХ

Почему глобальному капитализму, раздираемому острейшими противоречиями, удалось пережить череду кризисов и выстроить современную планетарную архитектуру угнетения? Ответ кроется не в мнимой устойчивости системы, а в холодной логике политэкономии. Капитал нашёл историческую лазейку, позволившую ему отсрочить действие неумолимого закона тенденции нормы прибыли к понижению. Точный математический и структурный механизм этого спасения раскрывается через анализ классических «противодействующих причин», о которых Карл

1 - Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 2. С. 265.

Маркс писал в III томе “Капитала”. Внешняя торговля и вывоз капитала выступают мощнейшим тормозом падения нормы прибыли. Если норма прибыли выражается формулой

$$p' = \frac{m}{c+v},$$

то пространственный сдвиг позволяет капиталу бить сразу по всем переменным: радикально снижать стоимость *переменного капитала* – рабочей силы (*v*), удешевлять элементы *постоянного капитала* (*c*) через грабёж дешёвых ресурсов и максимизировать прибавочную стоимость (*m*) за счёт абсолютного удлинения рабочего дня.

*«Поскольку внешняя торговля удешевляет отчасти элементы постоянного капитала, отчасти необходимые жизненные средства, в которые превращается переменный капитал, она способствует повышению нормы прибыли, так как повышает норму прибавочной стоимости и понижает стоимость постоянного капитала. Она вообще влияет в этом смысле, позволяя расширять масштабы производства. Таким образом она ускоряет, с одной стороны, накопление, а с другой стороны, уменьшение переменного капитала по сравнению с постоянным, а потому ускоряет и понижение нормы прибыли. Точно также расширение внешней торговли хотя и служило в младенческий период капиталистического способа производства базисом для него, однако, с его развитием, вследствие присущей этому способу производства внутренней необходимости, вследствие его потребности в постоянно расширяющемся рынке, оно стало его собственным результатом».*²

Однако одновременно с этим непреложно действует всеобщий закон капиталистического накопления: в погоне за прибылью капиталист внедряет новые технологии, что ведёт к росту органического строения капитала (*c/v*). В ходе этого неизбежного относительного уменьшения переменной части капитала действует правило:

*«Раз даны общие основы капиталистической системы, в ходе накопления непременно наступает такой момент, когда развитие производительности общественного труда становится мощнейшим рычагом накопления».*³

Здесь кроется корневое противоречие системы: вытесняя живой труд (единственный источник прибавочной стоимости) машинами, капитал сам подрывает базу своей прибыльности. Именно поэтому буржуазия вынуждена с маниакальной жестокостью компенсировать падение нормы прибыли путём абсолютного и относительного удлинения рабочего дня, выжимая из оставшихся рабочих максимум абсолютной прибавочной стоимости.

Это означает, что потребность общества в живом труде относительно уменьшается. Каждое новое поколение капиталистического общества для производства того же объёма продукции использует всё меньше рабочих на единицу капитала. Именно в этом относительном сокращении необходимого рабочего населения *«непосредственно проявляется промышленный и отличительный исторический характер способа производства, основанного на капитале»*⁴.

Вытеснение живого труда машинами – это не побочный эффект, а глубинная сущность системы. Это “Новые времена” Чарли Чаплина – процесс механического пожирания человеческого труда, где рабочий буквально становится винтиком безостановочного конвейера.

Показательны в этом отношении регулярные отчёты Всемирного экономического форума (ВЭФ) о “Будущем рабочих мест” (*Future of Jobs Report*) и исследования консалтингового гиганта McKinsey. Апологеты капитала прогнозируют, что ИИ и автоматизация в ближайшие годы уничтожат до 85 миллионов рабочих мест, но якобы создадут 97 миллионов “инновационных” вакансий, требуя от пролетариата лишь постоянного переобучения (*reskilling / upskilling*). За этим буржуазным эвфемизмом скрывается формирование невиданной по масштабам резервной армии труда. Те “новые рабочие места”, о которых радостно рапортует ВЭФ, – это в большинстве своём не высокооплачиваемые инженеры, а низкооплачиваемые операторы разметки данных (*data labelers*) в странах так называемого “Глобального Юга” и работники алгоритмически контролируемых складов. Капитал просто использует инновации для дальнейшей деквалификации труда и максимального удешевления стоимости рабочей силы.

2 - Маркс К. Капитал. Т. 3. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. I. С. 259–260.

3 - Маркс К. Капитал. Том первый // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 23. С. 635.

4 - Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов (Первоначальный вариант “Капитала”) // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 46. Ч. II. С. 284.

Алгоритмизация и роботизация приводят к колоссальной стандартизации труда. Сегодня капитализм вплотную приблизился к ситуации, когда “каждый рабочий может производить всё, что угодно”, а значит, “каждый может занять место другого”. Это было замечено Марксом ещё в середине XIX века:

«Рост производительного капитала означает также накопление и концентрацию капиталов. Следствием централизации капиталов является большее разделение труда и более широкое применение машин. Более развитое разделение труда сводит на нет профессиональное искусство рабочего, ставя на место этого искусства работу, которую может выполнить каждый, и увеличивая тем самым конкуренцию между рабочими.

*Эта конкуренция становится тем более сильной, что разделение труда даёт возможность одному рабочему выполнять работу троих. Применение машин приводит к тому же результату, и притом в гораздо большем масштабе».*⁵

Эта взаимозаменяемость порождает чудовищную конкуренцию. В 1844 году Маркс вывел железную закономерность: разделение труда низводит профессиональное искусство работника до однообразной операции, которую может выполнить каждый, в результате чего неминуемо «усиливается конкуренция среди рабочих»⁶. Эту же мысль Фридрих Энгельс высказал в 1845 году в работе “Положение рабочего класса в Англии”:

«Конкуренция есть наиболее полное выражение господствующей в современном гражданском обществе войны всех против всех. Эта война, война за жизнь, за существование, за всё, а следовательно в случае необходимости и война на жизнь и на смерть, протекает не только между различными классами общества, но и между отдельными членами этих классов; один стоит у другого на пути, и поэтому каждый старается оттеснить остальных и занять их место.

Рабочие конкурируют между собой [...]. Ткач, работающий на механическом станке, конкурирует с ручным ткачом; безработный или низкооплачиваемый ручной ткач конкурирует с другим ткачом, имеющим работу или получающим большую плату, и стремится его вытеснить. Эта конкуренция рабочих между собой является

*для них наихудшей стороной современных отношений; это самое сильное оружие буржуазии против пролетариата».*⁷

В XXI веке эта война приобрела глобальный масштаб, усугублённый структурными сдвигами и физиологическим истощением класса.

АНАТОМИЯ СТРУКТУРНЫХ СДВИГОВ: ОТ МИФА О “ДЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ” К ТЕРЦИАРИЗАЦИИ

Чтобы скрыть противоречия системы, буржуазная статистика предлагает нам трёхсекторную модель экономики: сельское хозяйство, промышленность, услуги. Опираясь на отчёты ЮНИДО (Structural Change in the World Economy) и МОТ (Global Shifts in the Employment Structure), находящиеся на службе у капитала экономисты провозглашают наступление бесклассовой “постиндустриальной эпохи”.

Действительно, цифры показывают тектонические сдвиги:

- с 1970 по 2005 год доля сектора услуг в мировой добавленной стоимости выросла с 52 % до 68 %;

- деаграризация в зонах старого капитализма практически завершена (доля занятых в сельском хозяйстве упала до 1–3 %), а в странах вроде Китая и Индии десятки миллионов крестьян перетекают в города;

- доля Азии в мировой промышленной добавленной стоимости взлетела, в то время как Европа и Северная Америка переживают так называемую “деиндустриализацию”.

Здесь мы обязаны сделать принципиальное отступление и разоблачить сам антинаучный термин “деиндустриализация”. Исторически он использовался в разных контекстах; в частности, в “Плане Моргентау” (1944) он обозначал целенаправленный демонтаж германской промышленности как инструмент послевоенного подавления конкурента. В 1970–1980-е годы, столкнувшись с глубоким структурным спадом, буржуазные экономисты присвоили этот термин и переосмыслили его как якобы естественный и безболезненный переход Запада к “экономике знаний” – что является идеологической мистификацией, скрывающей реальное содержание процесса.

5 - Маркс К. Речь о свободе торговли // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 4. С. 411–412.

6 - Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 50.

7 - Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 2. С. 311–312.

С марксистской же точки зрения, за эвфемизмом “деиндустриализация” скрывается процесс масштабного обесценивания и уничтожения капитала, а именно гигантских масс “мёртвого труда” (постоянного капитала). Как показал Карл Маркс в III томе “Капитала”, подобное уничтожение происходит в условиях структурного кризиса перенакопления: когда закон тенденции нормы прибыли к понижению парализует капиталистическое производство, система восстанавливает рентабельность лишь варварским путём, физически уничтожая или радикально обесценивая ранее накопленные производительные силы. Фабрики закрываются и ржавеют не потому, что они больше не могут производить полезные для общества вещи, а потому, что овеществлённый в них мёртвый труд больше не может функционировать как капитал, то есть не способен выжимать достаточную прибавочную стоимость из живого труда. “Деиндустриализация” – это не шаг в светлое постиндустриальное будущее, а закономерная фаза жестокого сжигания избыточного капитала.

Но если старое индустриальное ядро империалистических метрополий частично сгорает в огне кризисов, а частично выносятся в регионы “нового” капитализма, что же представляет собой тот колоссальный и раздутый “сектор услуг”, который, по утверждению буржуазии, пришёл на смену заводам? Чтобы ответить на этот вопрос, марксистский анализ должен обнажить ложность самой методологической базы буржуазной статистики. Основатели трёхсекторной модели (А. Фишер и К. Кларк) опирались на ошибочное допущение Адама Смита, полагавшего, что производителем лишь труд, закрепляющийся в материальном, долговечном предмете. Маркс камня на камне не оставляет от этой иллюзии:

«Производительный труд определяется здесь с точки зрения капиталистического производства, и А. Смит в данном случае проник в самую суть дела, попал прямо в точку. Одна из его крупнейших научных заслуг (как правильно отметил Мальтус, это смитовское различие между производительным и непроизводительным трудом остаётся основой всей политической экономии буржуазного общества) состоит в том, что он определяет производительный труд как такой труд, который

обменивается непосредственно на капитал, т. е. определяет его тем обменом, посредством которого производственные условия труда и стоимость вообще, деньги или товары, впервые только и превращаются в капитал (а труд – в наёмный труд в научном смысле этого слова).

Этим самым абсолютно установлено также, что такое непроизводительный труд. Это – такой труд, который обменивается не на капитал, а непосредственно на доход, т. е. на заработную плату или прибыль (а также, конечно, и на те различные рубрики, которые существуют за счёт прибыли капиталиста, каковы процент и рента). Там, где всякий труд отчасти ещё сам себя оплачивает (как, например, земледельческий труд барщинного крестьянина), отчасти же обменивается непосредственно на доход (как мануфактурный труд в городах Азии), там не существует капитала и наёмного труда в смысле политической экономии буржуазного общества. Эти определения взяты, стало быть, не из вещественной характеристики труда (не из природы его продукта и не из тех определённых свойств, которые присущи труду как конкретному труду), а из определённой общественной формы, из тех общественных производственных отношений, в которых этот труд осуществляется. Актёр, например, и даже клоун, является, в соответствии с этим, производительным работником, если он работает по найму у капиталиста (антрепренёра), которому он возвращает больше труда, чем получает от него в форме заработной платы; между тем мелкий портной, который приходит к капиталисту на дом и чинит ему брюки, создавая для него только потребительную стоимость, является непроизводительным работником. Труд первого обменивается на капитал, труд второго – на доход. Первый род труда создаёт прибавочную стоимость; при втором потребляется доход».⁸

Чтобы навсегда закрыть дискуссию с певцами “экономики знаний”, необходимо вспомнить ключевой методологический критерий Маркса:

«“Производительный труд” – это такая характеристика труда, которая непосредственно не имеет абсолютно ничего общего с определённым содержанием труда, с его особой полезностью или со специфической потребительной стоимостью, в которой он выражается».⁹

Маркс поясняет это на конкретном примере:

8 - Маркс К. Теории прибавочной стоимости // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 26. Ч. I. С. 138–139.

9 - Там же. С. 410.

«Писатель является производительным работником не потому, что он производит идеи, а потому, что он обогащает книгопродавца, издающего его сочинения, т. е. он производителен постольку, поскольку является наёмным работником какого-нибудь капиталиста».¹⁰ Критерий производительности труда у Маркса – не вещественная природа продукта, а общественное производственное отношение: производителен тот труд, который обменивается на капитал и создаёт прибавочную стоимость. Курьер *Glovo*, оператор колл-центра или водитель *Uber* – такие же производительные пролетарии, как ткачи или шахтёры. Буржуазная статистика продолжает сохранять ненаучное разделение между секторами, имеющее хронологический, а не логический характер. В наше время первичный (аграрный) и третичный (услуги) сектора стали полностью капиталистическими и перешли к типу массового производства, характерного для вторичного (промышленного) сектора, переняв его методы: стандартизацию, механизацию и автоматизацию.

Мы решительно отвергаем попытки социологов исключить так называемый «прекариат» из рядов рабочего класса. При этом мы не забываем, что социологический миф о «прекариате» маскирует тот факт, что нестабильная, лишённая гарантий занятость (как естественное состояние относительного перенаселения) всегда была исторической нормой для пролетариата. Период так называемого «государства всеобщего благосостояния» (*welfare state*) после второй мировой войны был лишь временной аномалией, продуктом послевоенного экономического бума. С сокращением нормы прибыли капитал возвращает наш класс в его естественное состояние тотальной незащищённости.

Мы вновь убеждаемся в строгой инвариантности марксистской доктрины: так называемые «инновационные» платформы гиг-экономики не создали новой политэкономической реальности. Они лишь довели до технологического совершенства самую архаичную и варварскую форму оплаты – сдельную (поштучную) заработную плату, которая, как отмечал Маркс, является формой, наиболее соответствующей капиталистическому способу выжимания пота и идеальным инструментом для разобщения рабочих.

Как бы то ни было, поверхностный взгляд зачастую классифицирует курьеров или водителей такси с собственными машинами как «типичную мелкую буржуазию», ошибочно уравнивая их, например, с крестьянами царской России лишь на том основании, что они формально владеют средством производства – собственным автомобилем. Более того, необходимо понимать, что в лице «цифрового» таксиста мы сталкиваемся с широко распространённым при капитализме феноменом смешанной социальной фигуры. Чаще всего вечером или по выходным дням этот человек – таксист, а днём – классический наёмный работник на стройке или фабрике; очень редко он полностью занят лишь трудом по извозу через Bolt или Uber.

Анализируя подобные смешанные, переходные фигуры, Карл Маркс подробно разбирал положение самостоятельных ремесленников и крестьян в капиталистическом обществе. Он указывал, что в условиях господства капитала такой *полусамостоятельный* работник экономически «*подвергается раздваиванию*»¹¹. Классический мелкий производитель выступал на рынке как продавец товара, а не своей рабочей силы. Обладая собственными средствами производства, он был по отношению к самому себе и капиталистом, и наёмным рабочим:

«Он, таким образом, как капиталист, уплачивает самому себе заработную плату и извлекает прибыль из своего капитала, т. е. эксплуатирует себя самого как наёмного рабочего и, в виде прибавочной стоимости, платит себе самому ту дань, которую труд вынужден отдавать капиталу».¹²

Именно благодаря реальной собственности на землю или инструменты крестьянин и ремесленник имели возможность присваивать себе свой собственный прибавочный труд (созданную прибавочную стоимость).

Однако попытка буржуазной социологии натянуть эту модель на современного платформенного таксиста или IT-специалиста является идеологическим подлогом. Если крестьянин прошлого раздваивался на капиталиста и рабочего, чтобы *оставить прибавочную стоимость себе*, то современный *гиг-работник* раздваивается исключительно в формах своей *эксплуатации чужим капиталом*. Днём он подвергается прямой

10 - Там же. С. 139.

11 - Там же. С. 417.

12 - Там же. С. 417–418.

эксплуатации со стороны промышленного капитала (на заводе или стройке), а вечером садится в свой автомобиль, чтобы подвергнуться скрытой, алгоритмической эксплуатации со стороны собственников цифровой платформы.

В отличие от крестьянина, который был независимым товаропроизводителем, контролировавшим весь цикл своего хозяйства и свой выход на рынок, современный платформенный работник не продаёт независимый товар на свободном рынке. Он не контролирует ни ценообразование, ни клиентскую базу, ни сам процесс труда – всё это монополизировано корпорацией. Он производительно трудится (то есть способствует возрастанию капитала), создавая колоссальную прибавочную стоимость, но эта стоимость, в отличие от продукта ремесленника, присваивается третьим лицом – собственниками платформы.

Как проницательно замечал Маркс, капиталистическая система любит навязывать свой облик и терминологию отношениям, которые имеют иную суть, порождая фикции (как, например, чисто номинальное владение крестьянином землёй, обременённой ипотекой). Юридический статус «независимого подрядчика-партнёра» для водителя такси – это именно такая капиталистическая фикция. Подобный миф активно культивируется не только в логистике, но и в высокотехнологичных секторах. Например, сооснователь ИИ-стартапа Browser-Use цинично сравнивает труд своих программистов по 70 часов в неделю с трудом немецких фермеров, которые *«встают в пять утра и работают без выходных»*. Но точно так же, как таксист не контролирует агрегатор, наёмный IT-разработчик не обладает правами на создаваемую им нейросеть; его *сверхтруд* служит лишь тому, чтобы венчурный капиталист успел монетизировать продукт быстрее конкурентов.

Подлинным средством производства, выступающим здесь как капитал и диктующим условия создания прибавочной стоимости, является цифровой алгоритм и агрегированные базы данных корпорации. По Марксу, *«средства производства становятся капиталом лишь постольку, поскольку они, обособившись, выступают против труда как самостоятельная сила»*¹³. По отношению к монополистическому капиталу автомобиль таксиста

или персональный компьютер программиста выступают лишь как орудия труда. Платформа полностью подчиняет себе этот труд, превращая формальное владение этими средствами производства (автомобилем) лишь в удобный предлог для перекладывания издержек по амортизации, страховке и топливу на плечи самого пролетария.

Такова *«тенденция развития в той общественной формации, в которой преобладает капиталистический способ производства»*¹⁴: капитал неизбежно лишает работника реальной самостоятельности, стирая всякую независимость и превращая номинального собственника средств производства в абсолютно зависимого, изнуренного наёмного раба цифрового конвейера.

Однако марксистская диалектика требует видеть здесь не только абсолютное подчинение, но и материальную подготовку краха самой системы. Создавая глобальные платформы координации и логистики, капитал доводит обобществление труда до невиданных масштабов. Алгоритмы Amazon или Uber – это искажённая, *отчуждённая* форма плановой экономики. Она концентрирует в себе обобществлённое знание и координацию труда в масштабах, невысказанных для отдельного предприятия. В этом смысле они воплощают то, что Маркс называл *всеобщим общественным знанием* – превращением общественного знания в непосредственную производительную силу. Однако целевая функция этих систем принципиально иная, чем у плановой экономики: они оптимизируют не удовлетворение общественных потребностей, а извлечение прибыли. Это не плановая экономика, а её отчуждённый двойник – обобществление процесса при сохранении частного присвоения результата.

*«Развитие основного капитала является показателем того, до какой степени всеобщее общественное знание [Wissen, knowledge] превратилось в непосредственную производительную силу, и отсюда – показателем того, до какой степени условия самого общественного жизненного процесса подчинены контролю всеобщего интеллекта и преобразованы в соответствии с ним; до какой степени общественные производительные силы созданы не только в форме знания, но и как непосредственные органы общественной практики, реального жизненного процесса»*¹⁵.

13 - Там же. С. 418.

14 - Там же. С. 419.

15 - Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 46. Ч. II. С. 215.

Эта колоссальная производительная сила уже вступает в неразрешимое противоречие с узкой частнособственнической оболочкой венчурного капитала. Задачей пролетариата является не разрушение этих цифровых цепей, а их экспроприация после коммунистической революции и перенастройка на удовлетворение общественных потребностей, а не максимизацию прибыли. Высочайшая степень “самоэксплуатации” этих работников обусловлена не “свободой независимого предпринимателя”, а жесточайшей сдельной формой заработной платы.

Ярчайшим примером маскировки этого потогонного выжимания прибавочной стоимости служит экспансия культуры “996” (работа с 9 утра до 9 вечера 6 дней в неделю) из азиатских ИТ-корпораций в западные стартапы Кремниевой долины и Нью-Йорка. Буржуазная пресса с удивлением фиксирует, как венчурный капитал открыто требует от наёмных программистов и разработчиков искусственного интеллекта 70–80-часовой рабочей недели. Это корпоративное принуждение зародилось в Азии, где капиталисты вроде основателя Alibaba Джека Ма называли график “996” «огромным благословением», а глава JD.com Ричард Лю открыто клеймил рабочих, отказывающихся от переработок, «лентяями». Сверхдлинный рабочий день в западных стартапах имеет, впрочем, и собственную историю, не сводимую к импорту азиатской практики – венчурный капитал Кремниевой долины выработал собственную идеологию сверхинтенсивного труда. Прикрываясь бесплатными абонементом в спортзал и идеологическими лозунгами об “одержимости клиентом” и поиске работников с характером “спортсменов-олимпийцев”, корпорации прибегают к самому примитивному методу первоначального накопления капитала – максимизации абсолютной прибавочной стоимости путём варварского удлинения рабочего дня. Эта тотальная колонизация жизни капиталом доходит до того, что ИТ-работников селят в так называемые “хакер-хаусы” (*hacker-houses*), стирая последние границы между рабочим местом и зоной физиологического воспроизводства. Как признаются сами адепты этой культуры, их сверхтруд превраща-

ется в «зависимость, похожую на видеоигры». Это идеальная форма отчуждения: пролетарий, чья эксплуатация достигла стадии геймификации, добровольно работает на износ, воспринимая выжимание из себя прибавочной стоимости как увлекательный процесс.

Более того, как показал британский философ Марк Фишер в работе “Капиталистический реализм”, в эпоху так называемого “постфордизма” (после конца 1970-х годов) отказ капитала от старых дисциплинарных фабричных графиков и пирамидальных иерархий привёл не к свободе, а к тотальному усилению контроля над рабочими, то есть *реальному подчинению труда капиталу*. Декларируемая “гибкость” графика на деле обернулась обязанностью постоянных переработок, где от сотрудника требуется не просто отработать часы, но “реализовать себя”, демонстрируя постоянный энтузиазм. Фишер называет это явление «рыночным сталинизмом» – системой, сочетающей безжалостные рыночные императивы с чудовищной бюрократической отчётностью, где символы достижений (заполнение кипы метрик эффективности) становятся важнее самой работы.¹⁶ Это подтверждают и сами капиталисты: как открыто признают партнёры инвестфондов уровня Menlo Ventures, принуждение к графику “996” неизбежно ведёт к «имитации бурной деятельности». Это система, сочетающая безжалостные рыночные императивы с чудовищной бюрократизацией процесса труда, где символы достижений (заполнение метрик эффективности) маскируют тотальное отчуждение. Рабочий, запертый в офисе на 12 часов, физически не способен быть продуктивным всё это время, но система заставляет его симулировать производительность ради выполнения алгоритмических показателей.

Таким образом, это не мелкая буржуазия и не привилегированная каста творцов, а пролетариат, втянутый в закамуфлированные под “партнёрство” отношения наёмного труда.

Преувеличиваемая и используемая буржуазией в идеологических целях “деиндустриализация” Запада – это не “смерть промышленности”, а её пространственная и функциональная фрагментация.

16 - В строгих категориях марксистской политэкономии этот феномен представляет собой апофеоз реального подчинения труда капиталу и диктатуру абстрактного труда над конкретным. Капиталу безразлична потребительная стоимость и реальная польза (конкретный труд) – его интересует лишь генерация количественных показателей для фиксации возрастания стоимости. Заставляя пролетария заполнять бесконечные метрики (KPI), система перекладывает непроизводительные издержки по надзору на самого рабочего, принуждая его тратить свою рабочую силу на бюрократическое администрирование собственной эксплуатации.

Более того, сама структура обрабатывающей промышленности, как свидетельствуют данные ЮНИДО, претерпела колоссальную внутреннюю дифференциацию. Традиционные отрасли (текстиль, металлообработка) уступают место высокотехнологичным секторам (ИТ, химическая промышленность, точное приборостроение). Этот процесс протекает в мире крайне неравномерно: в то время как США радикально перешли к разработке ИТ и химии за счёт упадка традиционных сфер, Китай совершил скачок от тяжёлой промышленности к производству электроники и транспортного оборудования. Заметную аномалию среди развитых стран представляет Италия, где парадоксальным образом сохраняется высокая доля традиционных отраслей (текстиль, обувь). Индия модернизируется медленно, оставаясь в секторе базовых металлов и химии, а Россия и вовсе застыла в структурной стагнации, опираясь почти исключительно на добычу ресурсов и металлургию. Эта международная диспропорциональность производственных цепочек лишь усиливает разобщённость глобального пролетариата.

Буржуазные экономисты (такие как Ричард Болдуин или теоретики Всемирного банка) попытались бы возразить нам, ссылаясь на теорию “глобальных цепочек стоимости” (*Global Value Chains*) и так называемую “кривую улыбки” (*smile curve*). Они утверждают, что перенос производств в Азию – это естественный прогресс, при котором Запад справедливо оставляет себе самые высокодоходные и “интеллектуальные” стадии: исследования, дизайн и маркетинг, в то время как физическая сборка якобы объективно приносит минимум стоимости. Следовательно, утверждают они, так называемая “деиндустриализация” Запада – это позитивный переход к “экономике знаний”.

Однако, опираясь на экономическое наследие Маркса и ленинскую теорию империализма, мы легко вскрываем эту апологетику. Буржуазные теоретики “глобальных цепочек стоимости” намеренно упускают закон модификации стоимости на мировом рынке. Как указывал Маркс:

«В каждой стране существует известная средняя интенсивность труда; труд, не достигающий этой средней интенсивности, означает затрату на производство данного товара времени больше, чем общественно необходимо в этой стране, и по-

тому не является трудом нормального качества. Только та степень интенсивности, которая поднимается выше национальной средней, изменяет в данной стране измерение стоимости простой продолжительностью рабочего времени. Иначе обстоит дело на мировом рынке, интегральными частями которого являются отдельные страны. Средняя интенсивность труда изменяется от страны к стране; здесь она больше, там меньше. Эти национальные средние образуют, таким образом, шкалу, единицей измерения которой является средняя единица труда всего мира. Следовательно, более интенсивный национальный труд по сравнению с менее интенсивным производит в равное время большую стоимость, которая выражается в большем количестве денег.

Но закон стоимости в его интернациональном применении претерпевает ещё более значительные изменения благодаря тому, что на мировом рынке более производительный национальный труд принимается в расчёт тоже как более интенсивный, если только конкуренция не принудит более производительную нацию понизить продажную цену её товара до его стоимости.

Интенсивность и производительность национального труда в данной стране поднимается выше интернационального уровня в той самой мере, в какой развивается капиталистическое производство этой страны. Следовательно, различные количества товаров одного и того же вида, производимые в различных странах в равное рабочее время, имеют неодинаковые интернациональные стоимости, выражающиеся в различных ценах, т. е. в денежных суммах, различных по величине в зависимости от различия интернациональных стоимостей. Таким образом, относительная стоимость денег меньше у нации с более развитым, чем у нации с менее развитым капиталистическим способом производства. Отсюда следует, что номинальная заработная плата, т. е. выраженный в деньгах эквивалент рабочей силы, у первой нации будет выше, чем у второй; но это отнюдь ещё не значит, что там будет больше и действительная заработная плата, т. е. количество жизненных средств, находящихся в распоряжении рабочего».¹⁷

Даже при формально “свободной” торговле один час труда инженера в старых империалистических метрополиях обменивается на десятки часов изнурительного труда рабочего в Бангладеш. Запад-

17 - Маркс К. Капитал. Том первый // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 23. С. 571.

ный капитал присваивает эту разницу не просто как монопольную ренту, но как результат объективного неэквивалентного обмена: более бедная нация систематически отдаёт большую массу материализованного живого труда за меньшую.

Как доказал Маркс в III томе “Капитала” (превращение прибавочной стоимости в прибыль), стоимость создаётся исключительно живым производительным трудом в процессе производства, а не в офисах маркетологов. То, что буржуазные аналитики называют “высокой добавленной стоимостью” западных брендов и IT-монополий, на деле является гигантской империалистической рентой. Согласно логике Ленина, современный империализм – это не просто несправедливый торговый обмен, это тотальный диктат финансового капитала и сращивание банковских монополий с государственным аппаратом. Экспорт капитала (а не только товаров) служит главным инструментом замедления кризиса в крупнейших империалистических центрах. Транснациональные монополии империалистических метрополий посредством неэквивалентного обмена, финансового диктата и патентов на интеллектуальную собственность просто перекачивают (присваивают) прибавочную стоимость, созданную гиперэксплуатируемым индустриальным пролетариатом “Глобального Юга”. Западный капитал не стал производить больше “интеллектуального богатства” – он стал эффективнее паразитировать на мировом рабочем классе.

Чтобы окончательно развенчать буржуазный миф об исчезновении индустриального труда, достаточно обратиться к агрегированным базам данных Международной организации труда (ILOSTAT). Статистика неумолима: физически промышленный пролетариат не исчез, а достиг абсолютного исторического максимума. В глобальном масштабе в индустриальном секторе (обрабатывающая промышленность, добыча полезных ископаемых и строительство) сегодня занято от 750 до 800 миллионов рабочих. Принципиально изменилась лишь их географическая концентрация: более 60 % этой колоссальной армии труда теперь сосредоточено в странах “Глобального Юга”, преимущественно в Азии (Китай, Индия, Вьетнам, Бангладеш, Индонезия). Капитал осуществил масштабный *пространственный сдвиг*, перенеся физическое производство фабрик Детройта и Шеффилда в промышленные зоны Гуанчжоу и Дакки. И если в XIX веке мощь евро-

пейской индустрии была зафиксирована на монументальном полотне Адольфа фон Менцеля “Железопрокатный завод” (1875), воспевавшем изнурительный труд немецких рабочих, то сегодня этот индустриальный ад скрыт от глаз западного филистера за высокими заборами азиатских мегафабрик.

ИЛЛЮЗИЯ БОГАТСТВА И ПАДАЮЩАЯ ДОЛЯ ТРУДА

Чтобы удержать рабочий класс в повиновении, капитал использует мощнейшее идеологическое оружие – статистическую иллюзию роста доходов. Отчёты центров изучения неравенства (например, LIS Data Center) деконструируют “миф об обнищании среднего класса”, показывая, что за последние 40 лет реальные трудовые доходы домохозяйств в западных странах абсолютно выросли (в среднем на 33 % за 30 лет).

Более того, Всемирный банк регулярно отчитывается об исторических успехах капитализма в искоренении нищеты, подчёркивая, что сотни миллионов людей преодолели черту абсолютной бедности (искусственно установленную самими же буржуазными институтами на уровне двух долларов в день).

Марксизм строго различает *абсолютное* и *относительное обнищание*. Экономический “пирог”, благодаря технологиям, растёт колоссальными темпами. Однако фундаментальные макроэкономические исследования (*The Declining Labor Share of Income*) неопровержимо доказывают: с 1980-х годов доля национального дохода, идущая на оплату труда, неуклонно падает по всему миру. Уже поэтому тезис об “росте доходов” требует методологической оговорки: данные LIS Data Center и Всемирного банка фиксируют рост потребительских возможностей, но не учитывают удорожание базовых условий воспроизводства рабочей силы. Именно этот разрыв между ростом потребительских доходов и ростом стоимости воспроизводства является ключевым для понимания относительного обнищания в марксистском смысле.

Данные World Inequality Lab и сводные отчёты Oxfam фиксируют устойчивую тенденцию к концентрации капитала, что подтверждает актуальность всеобщего закона капиталистического накопления Маркса в современных условиях: декларируемый буржуазией рост потребительских возможностей пролетарских масс (возможность купить дешёв-

ый смартфон или одежду) полностью нивелируется их тотальным классовым лишением собственности на средства производства и беспрецедентным удорожанием базовых условий выживания – жилья и медицины. Здесь во всей полноте раскрывается абсолютный, всеобщий закон капиталистического накопления, выведенный Марксом:

*«Чем больше общественное богатство, функционирующий капитал, размеры и энергия его возрастания, а следовательно, чем больше абсолютная величина пролетариата и производительная сила его труда, тем больше промышленная резервная армия. [...] накопление **богатства** на **одном полюсе** есть в то же время накопление **нищеты**, муки труда, рабства, невежества, огрубения и моральной деградации на **противоположном полюсе**, т. е. на стороне класса, который производит свой собственный продукт как капитал».*¹⁸

Основными драйверами этого процесса служат автоматизация и удешевление постоянного капитала. Капитал целенаправленно замещает живой труд машинным. Парадокс современности в том, что рабочий сегодня потребляет больше товаров в абсолютном выражении, чем его дед в 1980 году, но степень его эксплуатации многократно возросла. Вся сверхприбыль от ИТ-революции экспроприирована корпорациями, а малая абсолютная прибавка крох со стола буржуазии служит материальной базой для политического оппортунизма рабочей аристократии старых империалистических метрополий.

Защитники капитализма из МВФ или ВЭФ любят противопоставлять этому абсурдную буржуазную теорию “человеческого капитала”¹⁹ и концепцию “созидательного разрушения”. Их аргумент сводится к тому, что технологическая безработица носит временный характер: автоматизация якобы неизбежно создаёт спрос на новые, более творческие профессии, а пролетариату нужно лишь “повышать квалификацию” (*upskilling*).

Эта либеральная иллюзия разбивается о всеобщий закон капиталистического накопления. Вопреки сказкам неоклассической школы, Маркс неопровержимо показал, что внедрение машин при капитализме служит не облегчению труда, а его максимальному удешевлению и слому классового сопротивления рабочих;

В самом начале главы “Машины и крупная промышленность” Маркс пишет:

«Джон Стюарт Милль говорит в своих “Основаниях политической экономики”: «Сомнительно, чтобы все сделанные до сих пор механические изобретения облегчили труд хотя бы одного человеческого существа».

Но перед капиталистически применяемыми машинами вовсе и не ставится такой цели.

*Подобно всем другим методам развития производительной силы труда, они должны удешевлять товары, сокращать ту часть рабочего дня, которую рабочий употребляет на самого себя, и таким образом удлинять другую часть его рабочего дня, которую он даром отдаёт капиталисту. Машины – средство производства прибавочной стоимости».*²⁰

В пятом разделе этой же главы (который так и называется – “Борьба между рабочим и машиной”) Маркс прямо пишет, что капитал осознанно финансирует изобретение новых станков, чтобы заменить бастующих квалифицированных рабочих покорными механизмами:

*«Однако машина действует не только как могущественный конкурент, постоянно готовый сделать наёмного рабочего “избыточным”. Она громогласно и преднамеренно прокламируется и используется капиталом как враждебная рабочему сила. Она становится самым мощным боевым орудием для подавления периодических возмущений рабочих, стачек и т. д., направленных против самодержавия капитала. По Гаскеллу, паровая машина с самого начала сделалась антагонистом “человеческой силы” и дала капиталистам возможность разбивать растущие притязания рабочих, которые угрожали кризисом зарождающейся фабричной системе. Можно было бы написать целую историю таких изобретений с 1830 г., которые были вызваны к жизни исключительно как боевые средства капитала против возмущений рабочих».*²¹

Там же Маркс приводит слова шотландского инженера и изобретателя Джеймса Несмита, который изобрёл новый паровой молот именно в ответ на забастовки кузнецов. Перед комиссией тред-юнионов Несмит свидетельствовал:

«Характерная черта наших современных механических усовершенствований – введение автоматических рабочих машин. Теперь машинному рабочему

18 - Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 659–660.

19 - Буржуазный концепт “человеческого капитала” – это идеологическая ложь, за которой скрываются качественные и количественные характеристики рабочей силы как товара, который наёмный работник вынужден ежедневно продавать.

20 - Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 382.

21 - Там же. С. 445–446.

приходится не самому работать, а лишь наблюдать за прекрасной работой машины, что доступно всякому подростку. В настоящее время устранён весь класс рабочих, которые полагались исключительно на свое искусство. Раньше у меня на одного механика приходилось четыре подростка. Благодаря этим новым механическим усовершенствованиям я сократил число взрослых мужчин с 1500 до 750. Следствием было значительное увеличение моей прибыли».²²

Механизация порождает относительное перенаселение – промышленную резервную армию. Сегодняшние “новые рабочие места” для вытесненных из индустриального ядра пролетарских масс – это не инжиниринг, а низкооплачиваемая сфера услуг и логистика. Капитал целенаправленно деквалифицирует труд (процесс реального подчинения труда капиталу), превращая пресловутый “человеческий капитал” в легкозаменяемый винтик платформенной экономики, лишённый всякой переговорной силы.

Таким образом, объективный структурный анализ доказывает: масштабное внедрение технологий и глобальный перенос производств не отменили базового противоречия между трудом и капиталом, а лишь привели его в современный вид и гипертрофировали. Капитализм успешно использует цифровые алгоритмы для обесценивания рабочей силы, максимизации абсолютной прибавочной стоимости и тотального подчинения труда, прикрываясь иллюзией роста потребительского богатства. Однако эта историческая отсрочка даётся ценой создания беспрецедентной глобальной резервной армии труда и жесточайшей интенсификации эксплуатации. Этот политэкономический тупик капиталистической системы неумолимо подводит нас к следующей стадии анализа: физическому и духовному пределам самого пролетариата, о чём пойдёт речь в следующей части нашего исследования.

Май 2026 г.

22 - Там же. С. 446.

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В МИРЕ

ТРАНСФОРМАЦИЯ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ ПОСЛЕ 1968 ГОДА

Предлагаемый вниманию читателя текст представляет собой лишь краткое введение к серии статей. В силу этого он носит обобщающий, обзорно-теоретический характер. При его написании мы не стремились провести детальный анализ отдельных забастовок, а хотели дать набросок той политэкономической карты, опираясь на которую мировой пролетариат, блуждая и ошибаясь, двигался последние полвека.

Конец 1960-х годов ознаменовал исчерпание потенциала цикла капиталистического накопления, начавшегося вслед за разрушением капитала в ходе второй мировой войны. События 1968–1969 годов – прежде всего, французский “Красный май” и итальянская “Жаркая осень” – не сводились к студенческим бунтам или случайным политическим вспышкам: они совпали с широким рабочим движением и обнажили накопившиеся противоречия послевоенной модели государственно-монополистического капитализма.

Система массового поточного производства с применением конвейеров (так называемый “фордизм”), обеспечивавшая высокие темпы роста в 1950–1960-е годы, к концу десятилетия демонстрировала признаки исчерпания. Среди конкурирующих объяснений этого кризиса заметное место занимает марксистский закон тенденции нормы прибыли к понижению: согласно ему, непрерывное наращивание массы оборудования на одного рабочего (рост органического строения капитала) привело к тому, что прибавочная стоимость, создаваемая живым трудом, уже не могла обеспечивать прежнюю норму прибыли.

На уровне производства кризис проявился непосредственно на фабриках. Интенсификация труда достигла пределов, на которые рабочие ответили ростом массовых прогулов, текучести кадров, умышленной порчи оборудования (саботажа) и брака – это зафиксировано на заводах США, Италии и Франции и хорошо документировано в литературе по истории труда.

Для правящего класса этот объективный производственный тупик обернулся полномасштабным кризисом. Его симптомом стала стагфляция, которая поставила под сомнение эффективность кейнсианской модели государственного регулирования, господствовавшей с 1940-х годов.

На смену кейнсианству пришло идеологическое перевооружение в виде монетаризма и неолиберализма (чикагская экономическая школа, М. Фридман, Ф. фон Хайек). Эти концепции, оставшиеся до этого на периферии послевоенного экономического мейнстрима, в 1970-е годы получили широкое распространение – отчасти потому, что предлагали связную альтернативную программу в момент, когда прежняя модель давала сбои. Под лозунгами “борьбы с инфляцией”, “освобождения рынков” и “экономики предложения” проводилась политика, включавшая демонтаж элементов “социального государства”,

сдерживание заработной платы и дерегулирование движения капиталов. Критики этого курса – и тогда, и впоследствии – расценивали его как перекладывание издержек структурного кризиса на наёмных работников.

Параллельно с прямым наступлением на зарплату неолиберализм запустил механизм масштабной финансиализации. На фоне стагнации реальных доходов рабочего класса в старых метрополиях после 1970-х годов финансовый капитал начал искусственно поддерживать уровень потребления масс через агрессивное кредитование. Пролетариат оказался опутан ипотечными, потребительскими и студенческими кредитами. В марксистских категориях это означает прямое изъятие части необходимого продукта (стоимости воспроизводства рабочей силы) через механизм фиктивного капитала и процентной ставки, что ведёт к беспрецедентной системе экономического принуждения. Долговая кабала стала мощнейшим дисциплинирующим инструментом классового господства: способность пролетария бастовать и рисковать рабочим местом резко падает, когда над ним висит угроза немедленного изъятия жилья банком.

Столкнувшись с падением нормы прибыли и исчерпанием послевоенной модели роста, капитал искал новые пути снижения издержек. Ответом стала глобальная реструктуризация: масштабный вывоз капитала, что является сущностной чертой империализма, в страны с более дешёвой рабочей силой. Этот процесс диктовался прежде всего логикой рыночной конкуренции; его политическим следствием – независимо от того, было ли оно целенаправленно спланировано – стало ослабление старых индустриальных профсоюзов в странах Запада. Перенос значительной части промышленного производства из старых западных империалистических метрополий в страны с более низким органическим строением капитала изменил структуру занятости и социальную базу рабочего движения. Таким образом, объективный тупик старой индустриальной модели, совпав с политическим курсом правящего класса, продиктовал новую географию мирового капитализма.

Технологическим условием этой глобальной реструктуризации и “бегства” капитала стала революция в сфере обращения – массовая контейнеризация морских перевозок в 1960–1970-х годах. Внедрение стандартизированного морского контейнера резко ускорило оборот капитала и ко-

лоссально снизило издержки транспортировки товаров, выступая мощной контртенденцией к падению нормы прибыли. Однако внедрение этой инновации решало и важнейшую политическую задачу: оно радикально изменило техническое строение капитала в логистике и тем самым физически подорвало структурную власть портовых рабочих (докеров) – исторически одного из самых боевых и сплочённых отрядов пролетариата, который до эпохи контейнеров мог одной забастовкой перекрыть “кровеносную систему” всей мировой торговли.

Описанные процессы наглядно демонстрируют, как экономические изменения и политические решения взаимно обуславливают друг друга – что делает чисто экономический или чисто политический анализ этого периода заведомо неполным.

Таким образом, забастовочные волны 1970-х годов разворачивались на фоне тектонических сдвигов в самом капиталистическом способе производства. Экономическое сопротивление рабочих сталкивалось не просто с позицией отдельных корпораций, а с масштабной попыткой всей капиталистической системы переложить издержки структурного кризиса на наёмных работников. В этом смысле забастовочная борьба того периода выходила за рамки обычного торга об условиях труда и приобретала более широкое политическое измерение. Рабочий класс проиграл это сражение.

КРИЗИС ФАБРИЧНОГО ДЕСПОТИЗМА И ПРЕДЕЛЫ СТИХИЙНОЙ БОРЬБЫ (1970 ГОДЫ)

В начале 1970-х годов фабричная система организации труда (тейлоризм) достигла предела своей эффективности. Сопротивление рабочих было направлено как против интенсификации труда, так и против официальных профсоюзов, которые к тому времени в глазах значительной части рабочих утратили доверие, перестав быть независимыми организациями представителями классовых интересов и окончательно превратившись в аппарат классового сотрудничества с буржуазией.

На крупных заводах рабочие переходили к тактике прямого действия – “диким” забастовкам. В 1972 году на заводе General Motors в Лордстауне (США) вспыхнула стачка против интенсификации труда: конвейер двигался со скоростью

около 100 автомобилей в час, оставляя рабочему порядка 36 секунд на операцию. В 1973 году рабочие французской фабрики Lip в Безансоне захватили предприятие и организовали самостоятельное производство и сбыт часов.

Эти события обнаруживают внутреннее противоречие, которое можно описать в диалектических категориях. С одной стороны, они продемонстрировали реальную способность рабочих к низовой самоорганизации – вопреки и официальным профсоюзам, и капиталистам. С другой стороны, именно опыт Lip показывает пределы этой самоорганизации в отсутствие более широкой политической стратегии. Захватив завод, рабочие столкнулись с тем, что изолированное рабочее самоуправление вынуждено функционировать по законам того самого рынка, против которого оно восстало: конкурировать, сокращать издержки, искать покупателей. Предприятие просуществовало в различных формах до 1981 года и неоднократно реорганизовывалось – что само по себе свидетельствует об устойчивости эксперимента, но также и о постоянном давлении рыночной и политической среды, которое в конечном счёте это предприятие не выдержало.

Маркс и Энгельс писали в “Немецкой идеологии”, что *«мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями»*¹. Оставленная на произвол стихийности и лишённая революционной партии, рабочая масса неизбежно попадает в плен буржуазных идей – и рабочие Lip не стали исключением: они наивно поверили, что смогут стать “справедливым” коллективным капиталистом в океане рыночной стихии. Не имея политического руководства и цели слома государственной машины капитала, они остались беззащитны перед логикой мирового рынка, которая безжалостно заставила их эксплуатировать самих себя, а репрессивный аппарат буржуазии закономерно изолировал и задушил этот и другие стихийные очаги тред-юнионистской (ограниченной рамками капиталистической системы) борьбы.

УНИЧТОЖЕНИЕ ПОСТОЯННОГО КАПИТАЛА: ЗАБАСТОВКА БРИТАНСКИХ ШАХТЁРОВ (1984–1985)

Стремясь преодолеть кризис перенакпления и восстановить норму прибыли, капитал стол-

1 - Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 3. С. 45.

кнулся с необходимостью радикально удешевить рабочую силу. Главным препятствием на этом пути оставалось организованное рабочее движение. При этом угрозу для системы представляли не официальные структуры тред-юнионов – их высшая бюрократия давно срослась с государственно-монополистическим аппаратом, взяв на себя роль буфера и менеджеров классового компромисса. Подлинную опасность несла низовая боевитость рабочих масс, способная парализовать экономику. Поэтому в 1980-е годы правящий класс перешёл к целенаправленному политическому и экономическому разгрому наиболее организованных отрядов рабочего движения. Образцовым случаем стала забастовка британских шахтёров 1984–1985 годов.

Правительство Тэтчер подошло к конфронтации с горняками не без подготовки. Ещё в 1977 году внутрипартийный документ партии Тори (“план Ридли”) намечал стратегию противостояния с профсоюзами, включая накопление запасов угля. К 1984 году запасы на электростанциях были существенно увеличены, что лишило забастовку немедленного экономического рычага давления. Степень централизованного планирования этой подготовки остаётся предметом исторической дискуссии, однако сам факт структурной готовности государства к длительному противостоянию очевиден.

В британской угледобыче исторически сложилось высокое органическое строение капитала, что оказывало понижающее давление на норму прибыли. Фатальный кризис отрасли наступил в момент, когда она стала неконкурентоспособной по отношению к производителям других источников энергии (нефти, газа, атома) и дешёвого импортного угля. Индивидуальное рабочее время, затрачиваемое на производство единицы энергии из угля глубоких британских шахт, оказалось существенно выше нового, глобально установившегося общественно необходимого рабочего времени. В этих условиях решение о закрытии шахт и массовых увольнениях горняков – первоначально речь шла о 20 шахтах и 20 тысячах рабочих мест, однако к концу десятилетия закрытых шахт оказалось значительно больше – с политэкономической точки зрения было актом насильственного подчинения отрасли диктату-

ре глобального закона стоимости: физического уничтожения огромных массивов “мёртвого труда” (постоянного капитала), переставшего обеспечивать требуемую норму прибыли и потому обесцененного мировым рынком.

Государство задействовало весь арсенал подавления: от конфискации профсоюзных фондов до масштабного полицейского насилия, одним из наиболее документально подтверждённых примеров которого стала Битва при Оргриве. Однако поражение забастовки определялось не только внешним давлением государства. Здесь необходимо учитывать внутренние противоречия самого рабочего движения. Забастовка началась без общенационального голосования членов NUM², что с самого начала подорвало её легитимность в глазах части организованных рабочих и дало противникам формальный аргумент. Раскол внутри шахтёрского движения привёл к образованию штрейкбрехерского UDM³, опиравшегося прежде всего на ноттингемширские шахты. TUC⁴ и ряд отраслевых профсоюзов ограничили поддержку бастующих: с классовой точки зрения это поведение было закономерным следствием той институциональной интеграции профсоюзной бюрократии с государственно-монополистическим аппаратом. Бюрократия официальных профсоюзов – это классическая рабочая аристократия, подкупленная сверхприбылями империализма. Она объективно выступила в роли прямой агентуры буржуазии внутри рабочего движения, отдав предпочтение сохранению своего привилегированного положения перед классовой солидарностью с бастующими.

Совокупность этих факторов – государственная подготовка, правовое давление, внутренний раскол и отказ профсоюзного аппарата от полноценной поддержки бастующих рабочих – предопределила поражение шахтёров. Этот разгром открыл дорогу к масштабному наступлению на условия труда и социальные завоевания рабочего класса.

КЛАССОВАЯ БОРЬБА К ВОСТОКУ ОТ БЕРЛИНСКОЙ СТЕНЫ И ЦЕНА ИЛЛЮЗИЙ

Движение “Солидарность” в Польше (1980–1981), начавшись как классическое пролетарское сопротивление снижению стоимости рабочей

2 - NUM (National Union of Mineworkers) – национальный союз горняков Великобритании, крупнейший профсоюз шахтёров.

3 - UDM (Union of Democratic Mineworkers) – Союз демократических горняков.

4 - TUC (Trades Union Congress) – Британский конгресс тред-юнионов, общенациональное объединение профсоюзов.

силы, с самого начала несло в себе внутреннее противоречие. Католическая церковь и либеральная интеллигенция (прежде всего круги KOR⁵) стали органической частью движения, в том числе потому, что католическая и националистическая идентичность были широко распространены среди самих рабочих. Это внутреннее идеологическое смешение определило неоднородность движения: наряду с требованиями об условиях труда и праве на независимые профсоюзы в нём с самого начала присутствовали национально-католические и антикоммунистические мотивы, отражавшие реальные убеждения значительной части участников, а не только навязанную извне повестку.

В условиях отсутствия самостоятельной классовой программы и нарастающего экономического кризиса движение не могло удержать классовую пролетарскую линию. В дальнейшем, в 1989–1990 годах, именно прозападные и либеральные фракции оказались в наиболее выгодном положении, позволившем им конвертировать накопленный политический капитал движения в позиции в новой системе. Энергия рабочего класса, не имевшего собственного революционного авангарда, была в очередной раз использована в интересах одной из фракций капитала.

Забастовки шахтёров Кузбасса и Донбасса 1989 года стали стихийным рабочим ответом на глубокий структурный кризис экономики СССР – кризис исчерпания экстенсивной модели накопления, проявлявшийся в технологическом отставании, хронических диспропорциях (прежде всего между подразделениями I и II) и острейшем товарном дефиците. Именно здесь господство идей правящего класса проявилось с наиболее жестокой и трагической наглядностью. Лишённые коммунистической программы, рабочие ошибочно требовали “хозяйственной самостоятельности” предприятий. Это требование объективно превратило пролетариат в слепой таран в руках той части номенклатуры (фактической буржуазии), которая готовила демонтаж неэффективной формы экономической системы.

Столкнувшись с падением нормы прибыли, партийно-хозяйственная номенклатура, уже контролировавшая ресурсы, использовала рабо-

чий протест для сброса изрядно протухшей фикции “социализма”.

Классовая энергия шахтёров, направленная по ложному тред-юнионистскому руслу, обеспечила капиталу успешный переход к приватизации. Вчерашние секретари комитетов КПСС в мгновение ока переобулись в “эффективных собственников”. Для пролетариата же это обернулось уничтожением производительных сил и актами бесперспективного отчаяния (например, “рельсовыми войнами” 1998 года).

“НОВЫЕ” РЕЗЕРВНЫЕ АРМИИ ТРУДА И “СТАРАЯ” ЭКСПЛУАТАЦИЯ

С 1990-х годов процесс глобализации перешёл в новую фазу: интенсификация вывоза капитала и перенос производств наложились на внутренние процессы индустриализации в Азии, Африке и Латинской Америке. В результате этого взаимодействия сформировался *один из крупнейших в истории* отрядов мирового промышленного пролетариата *по абсолютной численности* – хотя доля промышленных рабочих в общей занятости в ряде стран продолжила сокращаться. Концентрируя миллионные массы на мегафабриках Китая и Индии, капитал по собственному неотвратимому закону порождает своих могильщиков. Забастовки здесь носят ожесточённый характер, напрямую воздействуя на глобальную массу прибавочной стоимости.

В старых метрополиях империализма буржуазная иллюзия “постиндустриального общества” маскирует тот факт, что промышленный и логистический рабочий класс никуда не исчез. Сбросив часть “нерентабельных” производств в страны с более низкой стоимостью рабочей силы, капитал компенсировал падение нормы прибыли внутри старых метрополий за счёт сверхэксплуатации дешёвой рабочей силы – втягивания миллионов мигрантов в строительство, мясопереработку, тяжёлую индустрию и логистические хабы. Импорт относительно дешёвой рабочей силы позволил буржуазии снизить среднюю стоимость воспроизводства труда и расколоть пролетариат по национальному признаку.

Однако этот обновлённый индустриальный рабочий класс продолжает сопротивление.

5 - KOR (Komitet Obrony Robotników – Комитет защиты рабочих) – польская оппозиционная организация, основанная в 1976 году группой интеллигентов: историков, юристов, писателей. Была создана в ответ на репрессии против рабочих после забастовок в Радоме и Урсусе в 1976 году. Члены KOR оказывали юридическую и материальную помощь пострадавшим рабочим и их семьям – отсюда и название. В 1977 году организация расширила мандат и переименовала себя в KSS – KOR (Комитет общественной самозащиты – KOR), а в 1981 году самораспустилась после легализации “Солидарности”.

В Германии в 2020 году на гигантских мясокомбинатах монополиста Tönnies вскрылись факты чудовищной эксплуатации восточноевропейских мигрантов, нанятых через систему фирм-субподрядчиков (так называемые *Werkverträge*). Из-за крайней уязвимости, постоянной угрозы депортации и того факта, что их койко-места в переполненных бараках прямо зависели от собственника предприятия, рабочие были практически лишены возможности организовать полноценную стачку. Основными формами их протеста оставались лишь разрозненные жалобы.

Однако эта сверхэксплуатация внезапно стала объектом громких разоблачений со стороны либеральных буржуазных СМИ и правозащитных НКО. Это не было актом абстрактного гуманизма. Положение бесправных рабочих было цинично использовано как инструмент в конкурентной борьбе между различными фракциями капитала.

В США победоносная *по своим непосредственным результатам* общенациональная забастовка Объединённого профсоюза рабочих автомобильной промышленности (UAW) осенью 2023 года, охватившая заводы “Большой тройки”, добилась существенного повышения зарплат и улучшения условий труда, но критики внутри рабочего движения указывали, что вопросы занятости на заводах по производству электромобилей и положение временных работников контрактом решены не были. Победа коллектива рабочих склада Amazon (JFK8) на Статен-Айленде в 2022 году, основу которого составляли чернокожие и латиноамериканские рабочие, показала реальную возможность самоорганизации в секторе, считавшемся неорганизуемым – хотя последующие трудности с заключением первого контракта и организационные проблемы ALU⁶ обнажили пределы победы на профсоюзных выборах без устойчивой автономной классовой структуры. Как бы то ни было, оба случая разрушили миф об исчезновении индустриальной классовой борьбы в сердце империализма.

Важнейшей чертой трансформации капитализма после 1968 года стали колоссальные социально-демографические сдвиги – в первую очередь, массовая феминизация наёмного труда. Столкнувшись с падением прибыли, капитал раз-

рушил фордистскую модель “одного кормильца” (семейной зарплаты рабочего-мужчины). Вовлечение женщины в общественное производство является первым условием её эмансипации, однако при капитализме оно обернулось двойным угнетением. Жёсткое снижение стоимости рабочей силы привело к тому, что теперь для базового выживания семьи продавать свою рабочую силу были вынуждены и мужчина, и женщина. При этом колоссальное бремя неоплачиваемого репродуктивного труда (воспитание детей, уход за больными, ведение домашнего хозяйства) никуда не исчезло, ложась в первую очередь на женские плечи. Капитализм продолжил паразитировать на этом труде, фактически субсидируя за счёт женщин издержки на социальное воспроизводство нового поколения рабочих. Именно поэтому феминистские и женские забастовки (от стран Латинской Америки до Европы) представляют собой часть классового сопротивления в целом. Они обнажили тот факт, что капиталистическое накопление базируется не только на прямом прибавочном труде у станка, но и на тотальном присвоении бесплатного репродуктивного труда.

В неразрывной связи с этим процессом произошла масштабная пролетаризация сферы услуг, медицины и образования. Если в середине XX века эти сферы казались аналитикам далёкими от классического производства, то сегодня капитал осуществил их реальное подчинение, превратив социальное воспроизводство в товар. Учителя, медсёстры и социальные работники подвергаются жесточайшему неотеилоризму: внедряются жёсткие временные нормативы на одного пациента или ученика, алгоритмический контроль, коммерциализуется каждый шаг. Социальные блага превратились в обычные товары. В ответ на эту деградацию условий труда авангард современной классовой борьбы в метрополиях сместился именно в эти сектора. Мощнейшие забастовки медсестёр в Великобритании или беспрецедентная волна учительских стачек “Red for Ed” в США доказывают: пролетариат социальной сферы бастует сегодня против самой логики капиталистического разрушения условий человеческого воспроизводства.

6 - Amazon Labor Union – независимый рабочий профсоюз, возникший 20 апреля 2021 г. на базе организации The Congress of Essential Workers, которую создал Крис Смоллс после своего увольнения из JFK8 за организацию забастовки в знак протеста против политики Amazon во время пандемии COVID-19. 1 апреля 2022 г. рабочие JFK8 на Статен-Айленде впервые добились признания профсоюза на предприятии Amazon в США.

Параллельно с индустриальной эксплуатацией капитал выкачивает прибавочную стоимость из precarious слоёв рабочей силы через так называемую “гиг-экономику”. Платформенные работники – занятые, хотя и в условиях крайней нестабильности, – не совпадают с марксистской категорией резервной армии труда в строгом смысле: последняя обозначает незанятых или частично занятых, давящих на уровень зарплат. Тем не менее платформенная занятость функционально смежна с этой категорией: она удерживает работников в состоянии постоянной конкуренции друг с другом и препятствует коллективной организации. Платформы (Uber, Deliveroo и др.) – это не просто технологическая инновация, а новейшая цифровая форма действительного подчинения труда. Здесь мы наблюдаем возрождение в высокотехнологичной оболочке классической поштучной (сдельной) заработной платы, которая, как детально разобрано в I томе “Капитала”, является наиболее подходящей формой для капиталистической системы потогонного производства и удлинения рабочего дня. Алгоритмический контроль наследует тейлоризму по своей цели – максимальной интенсификации труда, – но реализует её иными средствами: не через хронометраж и стандартизацию операций, а через управление спросом, рейтингами и ди-

намическим ценообразованием. Операционная гибкость при этом сохраняется, и именно она служит идеологическим прикрытием, позволяя представлять наёмный труд как “партнёрство”. Издевательская юридическая фикция “независимого подрядчика” льстит самолюбию атомизированного работника, но на деле лишь маскирует классическую сдельную форму заработной платы, перекладывая издержки на воспроизводство рабочей силы (амортизация транспорта, лечение) на самого пролетария.

Показательно, что ранние протесты в “гиг-экономике” нередко разворачивались не под лозунгами ликвидации наёмного труда, а с требованиями “честной конкуренции” и “прозрачности тарифов” – то есть в рамках мелкобуржуазного горизонта “справедливого рынка”. Это наглядно демонстрирует, как юридическая фикция самозанятости формирует реальное сознание работников, воспроизводя господствующие идеи даже в условиях объективной эксплуатации. Однако закон концентрации и обобществления труда работает неотвратно: международные стачки платформенных курьеров и таксистов доказывают, что капитал, даже в условиях крайней юридической и пространственной атомизации работников, неизбежно порождает своих могильщиков и толкает их к объединению.

СТАТИСТИЧЕСКАЯ ИЛЛЮЗИЯ И ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

ПРИЛОЖЕНИЕ

Любое количественное исследование состояния мирового рабочего движения неизбежно сталкивается с фальсификациями – намеренными или нет – официальной статистики. Буржуазная социология затухивает масштаб классовой борьбы. Статистика зачастую также выступает в качестве орудия классового господства, искусства лгать с помощью выверенных цифр. Чтобы увидеть подлинную картину, необходимо последовательно деконструировать две главные методологические уловки буржуазной социологии.

Первая уловка: иллюзия абсолютных количественных показателей

Наиболее примитивный метод – простой подсчёт числа забастовок как дискретных событий. При таком подходе локальная стачка 50 пекарей в Европе

приравнивается к забастовке сотен тысяч и миллионов пролетариев в Индии (обе фиксируются как “одно событие”). Поскольку в 1970-е годы в передовых странах происходили тысячи локальных стачек, а сегодня классовая борьба в Азии принимает форму гигантских общенациональных выступлений, построенный на основе этой методологии график создал бы ложную картину затухания конфликта. Более того, капиталистические государства умышленно исключают из отчётов “дикие” стачки и квалифицируют массовые выступления рабочих как “нарушения общественного порядка”.

Вторая уловка: игнорирование масштабов пролетариата

Другой метод искажения – вычисление усреднённых показателей по странам без учёта чис-

ленности рабочего класса. Материалистический подход требует, чтобы единицей счёта выступала масса самого класса. Каждый бастующий рабочий должен иметь равный вес, независимо от того, в границах какого государства он подвергается эксплуатации.

Опираясь на этот принцип, обратимся к объективной реальности.

В странах “старого империализма” статистика действительно фиксирует спад. В Великобритании в 1972 году было потеряно 23,9 млн рабочих дней; к 2010-м годам этот показатель упал до ~450 тысяч дней в год – падение более чем в 50 раз.

В Японии период интенсивного экономического роста 1960–1970-х годов сопровождался активизацией переговоров о повышении оплаты труда на фоне привычной ежегодной “весенней борьбы”⁷: количество забастовок продолжительностью не менее полудня достигло в 1970 году 2256, а число их участников составило 1 719 551 человек. Последовавшие затем кадровые сокращения, вызванные внутренней нестабильностью экономики на фоне кризиса, привели к росту числа стачек, пик которого пришёлся на 1974 год – 5197 забастовок с участием 3 622 830 человек. После этого количество забастовок пошло на убыль, особенно заметно сократившись со второй половины 1980-х годов – в период раздувания экономического “мыльного пузыря”. Эта тенденция сохранилась и после его краха во второй половине 1990-х, несмотря на то что уровень средней заработной платы работников частных компаний в этот период неуклонно снижался. В годы кризиса, последовавшего за крахом Lehman Brothers, борьба трудящихся продолжила сходиться на нет: в 2010 году состоялось лишь 38 забастовок продолжительностью от полудня, в которых приняли участие 2480 человек.

Буржуазная социология берёт этот факт, отражающий ослабление рабочего движения в конкретных государствах, и выдает его за “всемирно-историческое угасание” пролетариата.

Картина кардинально меняется при взгляде на те регионы, куда был перенесён промышленный капитал. В Китае, где официальная статистика трудовых конфликтов не публикуется государством, независимые источники фиксируют

резкий рост: база данных *China Labour Bulletin* (“Strike Map”) зафиксировала более 16 тысяч протестов с 2011 года, из которых 1794 пришлись только на 2023 год – в два с лишним раза больше, чем в 2022-м.

В Индии классовая борьба бьёт исторические рекорды: если в 2010–2012 годах в общенациональных забастовках участвовало около 100 млн пролетариев, то всеобщая забастовка в ноябре 2020 года собрала 250 миллионов участников, став крупнейшей в истории капитализма.

Капиталистический способ производства не разрешил и не может разрешить классовых антагонизмов. Вывоз капитала лишь расширил географию эксплуатации. То, что буржуазная статистика выдаёт за историческое поражение рабочего класса, в действительности является масштабным расширением фронта классовой борьбы.

Сегодня мировой пролетариат технологически и политически раздроблен, во многом оставаясь в состоянии “класса в себе”. Эта объективная разобщённость приводит к тому, что даже самые тяжёлые грозды классового гнева часто ограничиваются рамками тред-юнионизма – экономической самообороны и торга за условия продажи рабочей силы.

Исторический опыт неумолимо доказывает: ни стихийный бунт, ни автоматическое действие экономических кризисов не способны уничтожить диктатуру буржуазии. Оставаясь на позициях исключительно экономической борьбы, пролетариат обречён вести изнурительную сизифову войну с капиталом без шансов на искоренение самой эксплуатации. Главной исторической задачей рабочего движения остаётся ликвидация частной собственности на средства производства. Переход от разрозненной обороны к политическому наступлению требует формирования коммунистической партии нового типа – революционного авангарда, очищенного от оппортунизма, вооружённого передовой теорией и способного организовать пролетариат в “класс для себя” с целью революционного слома капиталистической системы и установления диктатуры пролетариата.

Июль 2026 г.

7 - Shunto (“весенняя борьба” / “весеннее наступление”) – сложившаяся в Японии с середины 1950-х годов практика ежегодных скоординированных переговоров профсоюзов с предпринимателями о повышении заработной платы и улучшении условий труда. Переговоры проводятся одновременно по всем отраслям весной (обычно февраль-март), что усиливает переговорные позиции профсоюзов за счёт синхронизации требований в масштабах всей экономики.

ИЛЛЮЗИЯ СОЦИАЛИЗМА И РЕАЛЬНОСТЬ КАПИТАЛА В СССР

Исторический миф о глобальном противостоянии “свободного рынка” Запада и “социалистического плана” Востока десятилетиями служил удобной идеологической ширмой для мировой буржуазии. В действительности же по обе стороны так называемого “железного занавеса” действовала неумолимая логика самовозрастания капитала. Данный текст представляет собой вводную статью, открывающую цикл материалов о классовой природе СССР. Отбрасывая юридический фетишизм, мы предпринимаем попытку проанализировать “советскую” экономическую модель с позиций строгой марксистской политэкономии, чтобы вскрыть её истинную суть как обычного капитализма. Задача этой работы – наметить базовый концептуальный каркас для дальнейшего детального разбора.

Опираясь на классическую теорию и богатый эмпирический материал – от свидетельств высшей номенклатуры и официальных изданий до данных о теневых “цеховиках”, – текст последовательно доказывает: в СССР не были уничтожены ни закон стоимости, ни господствующий класс в лице буржуазии, ни наёмный труд и отчуждение пролетариата. Несмотря на юридическую иллюзию единой государственной монополии, в реальности в СССР господствовал самый обычный капитализм со всеми присущими ему атрибутами: деньгами, законом стоимости, капиталом и наёмным трудом. Экономический базис государства и не мог быть иным по причине колоссальной отсталости по сравнению с передовыми капиталистическими экономиками Запада и критически более низкого уровня производительности труда. Кроме того, СССР никогда не был изолирован от мирового рынка; напротив, он функционировал в его рамках, подчиняясь глобальным законам конкуренции. Закономерным итогом этого процесса стал крах 1990-х годов, когда “советская” буржуазия просто воспользовалась удобным моментом, чтобы сбросить социалистическую маску.

Основа марксистской политической борьбы – это не заучивание лозунгов, а безжалостное вскрытие экономической сущности явлений. Если мы отбросим юридический фетишизм “советских” конституций и других законов и обратимся к анализу Монблана *«фактического материала»*¹ хозяйственной жизни СССР, то обнаружим строгую логику развития капитала.

Первое и самое яркое проявление этой логики обнаруживается уже в том, что СССР никогда не был вырезан из мирового капиталистического рынка. Вопреки мифам об автаркии, во время индустриализации изъятый у мелких производителей хлеб функционировал как классический товар: он выбрасывался на международные биржи по демпинговым ценам, чтобы авансировать капитал для закупки западных станков и технологий. После второй мировой войны экономика СССР ещё сильнее встроилась в международное разделение труда, став критически зависимой от мировых цен на энергоносители. Логика внутреннего накопления диктовалась суровой необходимостью выживания в межимпериалистической конкуренции на внешнем рынке.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ФОРМА И БЮРОКРАТИЯ КАК ГОСУДАРСТВЕННАЯ БУРЖУАЗИЯ

Сводить производственные отношения к их правовой оболочке – значит впадать в глубочайший юридический фетишизм. Именно это делают сталинисты, приравнивая государственную собственность к общенародной.

Троцкисты, с одной стороны, верно разоблачают эту иллюзию. Как писал сам Троцкий, отождествление *государственной собственности со всенародным достоянием* – это *«основной софизм официальной доктрины»*². Но, с другой стороны, сами троцкисты становятся жертвами выбора неверных критериев. В качестве доказательств социалистического характера экономики СССР они приводят либо высокие темпы роста – *«язык железа, цемента и электричества»*³, – либо историческую родословную строя, указывая, что огосударствление было проведено *«по методу социальной революции»*⁴. Иными словами, они оце-

нивают систему не по реальному способу эксплуатации, а по её вторичным показателям, генезису и законодательным актам.

Более того, и сталинисты, и троцкисты сходятся в наивной вере в то, что в СССР якобы утвердилось централизованное планирование. В действительности то, что называлось “планом”, было лишь попытками буржуазного государства – чаще всего безуспешными – свести баланс в условиях бушующей стихии товарного производства.

В обоих случаях происходит фатальный идеалистический отрыв правовой формы и политической надстройки от реальных производственных отношений. Они забывают базовый постулат Маркса: критерий, по которому определяется характер экономического строя – это не политические заявления, не наличие партийного билета в кармане директора и даже не темпы роста промышленности сами по себе. Капитал – это *объективное общественное отношение*. Если в базисе *повсеместно* сохраняются товарное производство, деньги и наёмный труд, если рабочий отделён от средств производства и производит прибавочную стоимость, отчуждаемую – неважно, индивидуальным капиталистом или их группой, – то перед нами капитал, какими бы красными знамёнами ни прикрывался его генезис.

Национализация сама по себе не уничтожает этого отношения. Фридрих Энгельс в третьем разделе “Развитие социализма от утопии к науке” (1880) исчерпывающе показал:

«Современное государство, какова бы ни была его форма, есть по самой своей сути капиталистическая машина, государство капиталистов, идеальный совокупный капиталист. Чем больше производительных сил возьмёт оно в свою собственность, тем полнее будет его превращение в совокупного капиталиста и тем большее число граждан будет оно эксплуатировать. Рабочие останутся наёмными рабочими, пролетариями. Капиталистические отношения не уничтожаются, а, наоборот, доводятся до крайности, до высшей точки. Но на высшей точке происходит переворот. Государственная собственность на производительные силы не разрешает

1 - Ленин В. И. Что такое “Друзья народа” и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи “Русского Богатства” против марксистов // ПСС. 5-е изд. Т. 1. С. 130.

2 - Троцкий Л. Преданная революция. М.: НИИ Культуры, 1991. С. 196.

3 - Там же. С. 9.

4 - Там же. С. 205.

конфликта, но она содержит в себе формальное средство, возможность его разрешения»⁵.

Коммунизм – это преодоление частной собственности во всех её формах, в том числе и в государственной. Если бы в СССР произошло подлинное обобществление, то есть преодоление частной собственности в широком политэкономическом смысле, присвоения прибавочной стоимости одной частью общества за счёт эксплуатации другой, это означало бы не что иное, как социализм.

Историческая трагедия левой оппозиции, и в первую очередь Л. Троцкого, заключалась в том, что, оперируя марксистскими категориями, она сбилась с магистрального пути исторического материализма. Троцкий полагал, что власть в СССР принадлежала не буржуазии, а рабочему классу, но на уровне политической надстройки была узурпирована бюрократией, превратившейся в своеобразную *бонапартистскую касту*⁶.

В отличие от теоретиков “нового класса” (М. Шахтман, Т. Клифф, Б. Рицци, М. Джилас, М. Восленский и др.), Троцкий не считал бюрократию самостоятельным правящим классом, “висящим в воздухе”. Именно концепции “нового класса” разбиваются о критику молодого Маркса, который в работе “К критике гегелевской философии права” (1843) отмечал, что бюрократия – это феномен сугубо производный. Она есть «лишь “формализм” лежащего вне её самой содержания»⁷. Теоретики “нового класса” этого совершенно не понимали, пытаясь наделить бюрократию самостоятельной социально-экономической сущностью.

Троцкий же, прекрасно осознавая это, полагал, что этим содержанием является пролетарский базис (государственная собственность), на который бюрократия вынужденно опирается и который защищает. При этом надстройка в лице бюрократии приобретает двойственную историческую природу: защищая рабочий базис, она одновременно несёт в себе буржуазные тенденции, которые в будущем могут стать основой для реставрации капитализма.

Именно исходя из этой двойственной, но производной от пролетарского базиса природы бюрократии СССР, Троцкий делал вывод, что для спа-

сения системы необходим лишь политический, а не социальный переворот.

Заявления сталинистов и троцкистов о “физическом исчезновении класса буржуазии” в СССР вскрывают их методологический объективизм. Капитал нуждается в своей персонификации. Как писал Маркс в первой главе “Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта” (1852):

«Люди **сами** делают свою историю, но они её делают **не так, как им вздумается**, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого».⁸

Социальные процессы в принципе не могут происходить без участия конкретных людей. Если нет классического фабриканта в цилиндре, это не значит, что исчез капитал. Как отмечал Маркс, *капиталист функционирует лишь как персонифицированный капитал, наделённый волей и сознанием*.

Широко распространено мещанское видение, сводящее частную собственность исключительно к владению конкретным лицом конкретной фабрикой. Однако это черта лишь раннего капитализма. В условиях развитого государственно-монополистического капитализма право распоряжения капиталом концентрируется в руках государственной машины и монополий.

В СССР этот переход оформился политически, когда в первой половине 1920-х годов пролетариат утратил механизмы прямого рабочего контроля (Советы) над экономикой, лишившись тем самым политической власти. Государственный аппарат, слившись с правящей партией, оторвался от пролетарских масс и превратился в самостоятельное орудие капитала.

Часто звучит обывательский контраргумент: чиновник в СССР не мог передать завод по наследству, а значит, не являлся капиталистом. Но на стадии монополистического капитализма даже на Западе наследование давно происходит не в виде передачи отдельных предприятий или целых “промышленных империй”, а путём конвертации прибавочной стоимости в ликвидные активы – деньги, ценные бумаги, элитную недвижимость и материальные блага. Формирование огромных денежных накоплений, в том числе

5 - Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 222–223.

6 - Троцкий Л. Преданная революция. М.: НИИ Культуры, 1991. С. 238.

7 - Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 270.

8 - Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 119.

на банковских счетах, номенклатурных привилегий, спецраспределителей и закрытых систем обеспечения было формой отчуждения прибавочной стоимости. В этом плане “советская” система принципиально не отличалась от капиталистических государств Западной Европы.

Разумеется, не все 1,8 миллиона “советских” служащих (по данным ЦУНХУ Госплана СССР на 1940 год) были эксплуататорами; большинство из них принадлежало к классам наёмных рабочих или мелкой буржуазии, по уровню жизни не отличаясь от пролетарских масс. Высшие партийные и хозяйственные руководители, принимавшие инвестиционные решения и контролировавшие потоки прибыли – это *специфическая часть буржуазии, персонифицирующая национальный капитал*, поэтому ошибочно вслед за различными буржуазными и псевдомарксистскими теоретиками называть эту бюрократию “новым классом”.

Фундаментальная *теоретическая* ошибка сторонников всех подобных теорий состоит в том, что, по сути, они постулируют наличие в СССР некоего особого способа производства (госкапа/монокапитализма, азиатского способа производства, бюрократического коллективизма, неофеодализма и т. п.), промежуточного между капитализмом и коммунизмом, находят особый способ эксплуатации, но не расшифровывают её механизм. Если рабочих эксплуатировал государственный аппарат, то в чьих интересах? В своих собственных? Но если бы даже это было так, то факт эксплуатации рабочих в таком обществе непосредственно государством означал бы лишь то, что господствующий класс, владеющий средствами производства коллективно, совпадает с государственным аппаратом. Но какие *методы эксплуатации* этот господствующий класс применяет, мы бы по-прежнему не узнали, а потому не определили бы характер эксплуататорского класса и всего общества.

Однако в корне неверно полагать, причём даже в силу чисто *эмпирических* причин, что функции персонифицированного капитала в СССР выполняли исключительно высший партийный аппарат и номенклатура в целом. Значительная доля реальных капиталистов – особенно денежных – даже не состояла в партии. Функции распорядителей капитала брали на себя директора отдельных крупных предприятий, трестов, стро-

ительных управлений, а также лица, фактически владевшие колоссальным денежным и торговым капиталом. Экономический базис порождал *классическую буржуазию* на всех уровнях.

Многие эмпирические исследования вскрывают механику власти этой сложносоставной буржуазии. Например, американский историк Арч Гетти пишет:

*«Мало кто доверял учреждениям или хотя бы верил в них; верили в людей. Всё базировалось на личных отношениях».*⁹

Партийные и хозяйственные кланы, семейственность и круговая порука, пронизывавшие всю “советскую” систему сверху донизу, с точки зрения марксизма были отнюдь не просто наследием архаичной культуры. Это был реальный, базисный механизм самоорганизации класса капиталистов, спаянных совместным извлечением и распределением прибавочной стоимости. Неудивительно, что в недрах этой системы закономерно возродилась фигура, персонифицирующая весь национальный капитал: как известно, партийная верхушка постоянно называла Сталина *«хозяином»*¹⁰.

ДВОЙСТВЕННОСТЬ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА И ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ НАКОПЛЕНИЕ

Ленин в 1918 году в работе “О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности” открыто признавал необходимость государственного капитализма, но исключительно как временного отступления в условиях разрухи и при строгом сохранении диктатуры пролетариата. Госкапитализм под контролем вооружённых рабочих – это шаг к социализму; госкапитализм без политической власти рабочих – это чистый капитализм. Именно второй путь реализовался в СССР.

Развивая эту мысль в 1921 году с переходом к НЭПу, Ленин рассматривал государственный капитализм уже не как главную опасность, а как своего рода “союзника” социализма в борьбе против мелкобуржуазной стихии и распылённого частного капитала. Введение НЭПа и ставка на развитие госкапитализма были не теоретической ошибкой, а осознанной сделкой с объективной реальностью – отчаянной попыткой удержать политическую власть в разорённой, изолированной крестьянской стране до подхода европейского пролетариата.

9 - Гетти Арч. Практика сталинизма: Большевики, бояре и неумирающая традиция. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 8.

10 - Там же. С. 94.

Ошибочно полагать, будто большевистский авангард проглядел капиталистическую угрозу, исходящую изнутри него самого. Уже на XI съезде РКП(б) в марте 1922 года Ленин открыто поставил диагноз надвигающегося термидора и признал, что государственная машина больше не подчиняется пролетариату:

*«Вырывается машина из рук: как будто бы сидит человек, который ею правит, а машина едет не туда, куда её направляют, а туда, куда направляет кто-то, не то нелегальное, не то незаконное, не то бог знает откуда взятое, не то спекулянты, не то частнохозяйственные капиталисты, или те и другие, – но машина едет не совсем так, а очень часто совсем не так, как воображает тот, кто сидит у руля этой машины. Вот основное, что надо помнить по вопросу о государственном капитализме».*¹¹

Ленин не питал иллюзий относительно классовой природы госаппарата и детально описал механику того, как он поглотит революцию. Задаваясь вопросом, кто кем управляет – 4700 коммунистических управленцев в Москве или бюрократическая машина, – он ответил прямо: *«не они ведут, а их ведут»*¹².

Приводя историческую аналогию о завоевателях и побеждённых, он констатировал:

*«Если народ, который завоевал, культурнее народа побеждённого, то он навязывает ему свою культуру, а если наоборот, то бывает так, что побеждённый свою культуру навязывает завоевателю. Не вышло ли нечто подобное в столице РСФСР и не получилось ли тут так, что 4700 коммунистов (почти целая дивизия, и все самые лучшие) оказались подчинёнными чужой культуре? Правда, тут может как будто получиться впечатление, что у побеждённых есть высокая культура. Ничего подобного. Культура у них мизерная, ничтожная, но всё же она больше, чем у нас. Как она ни жалка, как ни мизерна, но она больше, чем у наших ответственных работников-коммунистов, потому что у них нет достаточного умения управлять. Коммунисты, становясь во главе учреждений, – а их иногда нарочно так подставляют искусно саботажники, чтобы получить вывеску-фирму, – зачастую оказываются одураченными».*¹³

Буржуазия, будучи побеждённой военно-политически, благодаря своей более развитой культуре

управления и стихии товарного производства смогла навязать свою логику пролетарским победителям. Национализированная промышленность действовала в условиях сохранения рынка. Никуда не исчезали и частные капиталисты, существовавшие на протяжении всей истории СССР. На изолированной территории базис продиктовал форму надстройки. Какой бы теоретической безупречностью не отличались лучшие большевики, они не могли волевым усилием отменить объективные законы экономики. Сводить эту историческую катастрофу к банальному “недостатку теории” или бюрократическому заговору – значит отступать от исторического материализма в идеализм.

Подходя к проблеме с позиций исторического материализма, необходимо признать двойственный характер Октябрьской революции. Уничтожая пережитки феодализма, она радикально решала задачи, которые буржуазия решить уже не могла, и одновременно пыталась проложить путь к мировой пролетарской революции. Возникает закономерный вопрос: была ли у изолированной пролетарской диктатуры в разорённой крестьянской стране в 1921 году иная материальная альтернатива? Ленинская тактика всецело опиралась на отчаянную попытку “выиграть время” до победы революции на Западе. Но если пролетарская власть не могла долгое время управлять госкапитализмом, не перерождаясь, значит, изоляция революции в одной отсталой стране означала её фатальную, объективно неизбежную гибель. “Ошибка” Ленина состояла лишь в том, что он надеялся это время выиграть.

Здесь мы подходим к ключевому вопросу: почему же это время не было выиграно? Критикуя известную метафору Амадео Бордиги о революционном поезде, который *никогда не проходил*, следует констатировать: объективные экономические условия для социалистической революции на Западе были более чем зрелыми. Поезд действительно проходил, но субъективный фактор – революционный авангард, коммунистическая партия – оказался незрелым и опоздал на станцию, что наиболее трагически проявилось в поражении революции в Германии. Именно это поражение обрекло русский пролетариат на изоляцию.

11 - Ленин В. И. XI Съезд РКП(б) 27 марта – 2 апреля 1922 г. Политический Отчёт Центрального Комитета РКП(б) 27 марта // ПСС. 5-е изд. Т. 45. С. 86.

12 - Там же. С. 95.

13 - Там же. С. 95–96.

Однако как исторические материалисты мы обязаны задаться вопросом: почему субъективный фактор оказался столь слаб? Мы не можем идеалистически сводить это к моральному падению, трусости или предательству вождей Второго Интернационала. Корни явления лежат в объективном развитии капитализма. Ещё Энгельс, наблюдая за английским рабочим движением, отмечал формирование слоя рабочей аристократии, подкупленной за счёт монополии британской буржуазии на мировом рынке. В эпоху империализма, как доказал Ленин, эта тенденция охватила все передовые капиталистические страны. Десятилетия относительно “мирного” капиталистического развития (с 1871 по 1914 год) создали мощную материальную базу для реформизма: внутренне сгнивший либерализм оживил себя в виде социалистического оппортунизма, проповедуя “социальный мир”. Западная буржуазия, опираясь на сверхприбыли от колониальной эксплуатации, блестяще освоила искусство обманывать и подкупать рабочих. Рабочие партии и профсоюзы на Западе структурно срослись с буржуазным государством, и предательство 1914 года стало лишь политическим оформлением этого материального процесса.¹⁴

Ленин переоценил готовность Запада к мировой коммунистической революции. Как марксист, он, безусловно, понимал диалектику объективного и субъективного: даже самые благоприятные объективные условия не приведут к крушению капитализма в отсутствие созревшего, политически независимого субъективного фактора. Ошибка Ленина заключалась не в теоретическом игнорировании этого закона, а в излишне оптимистичной оценке фактической зрелости европейского пролетариата на тот конкретный исторический момент. Гигантские производительные силы Запада и кризис империализма не

могли сломить буржуазную систему без сильного и влиятельного в пролетарских массах революционного коммунистического авангарда. Коммунистам в Европе пришлось вести тяжелейшую борьбу не только с буржуазией, но и с колоссальным аппаратом социал-демократии, и на формирование этого субъективного фактора банально не хватило исторического времени. В итоге переоценка готовности Запада сделала большевиков заложниками тактики “капиталистического строительства” в изолированной России.

Отдельные коммунисты и передовые рабочие России уже в самом начале 1920-х годов были обеспокоены происходящим. Осенью 1923 года, на фоне массовых забастовок против снижения зарплат, группа “Рабочая правда”¹⁵ выпустила “Обращение к революционному пролетариату и всем революционным элементам, оставшимся верными борющемуся рабочему классу”, давшее точный классовый анализ зарождающейся номенклатуры:

«После успешной революции и гражданской войны перед Россией открылись широкие перспективы быстрого превращения в страну передового капитализма. В этом несомненное огромное достижение революции в октябре.

Но что изменилось в положении рабочего класса? – Рабочий класс России дезорганизован, в умах рабочих царит путаница: в стране ли они “диктатуры пролетариата”, как неустанно повторяет устно и печатно Коммунистическая партия или в стране произвола и эксплуатации, в чём убеждает их на каждом шагу жизнь? Рабочий класс влачит жалкое существование, в то время как новая буржуазия (т. е. ответственные работники, директора заводов, руководители трестов, председатели исполкомов и т. д.) и нэпманы роскошествуют и восстанавливают в нашей памяти картину жизни буржуазии всех времён. А впереди снова долги

14 - Безусловно, в каждой отдельной стране имелись свои специфические причины задержки формирования субъективного революционного фактора. В США колоссальные внутренние ресурсы, отсутствие феодальных пережитков и приток мигрантов создали мощнейшую материальную иллюзию социальной мобильности, дробя класс. В Германии объективная потребность в легальной борьбе породила гигантскую машину профсоюзов и парламентских фракций, которая со временем обросла собственными материальными интересами и срослась с государством. Запоздалый организационный разрыв революционеров с оппортунистами диктовался тем, что Люксембург и Либкнехт приходилось противостоять не только идеям Бернштейна и Каутского, но и колоссальной материальной мощи реформистского аппарата внутри самого рабочего движения.

Задержка в формировании подлинно революционного авангарда в Италии не была случайностью или просто результатом нерешительности лидеров ИСП. Она глубоко укоренена в структурной неравномерности итальянского капитализма, в историческом разрыве между быстро индустриализирующимся Севером и аграрным, полуфеодалным Югом. Эта объективная двойственность позволила северной буржуазии подкармливать реформизм (в лице Турати и профсоюзной бюрократии), выстраивая прочный аппарат классового компромисса, в то время как Юг оставался в тисках нищеты и клиентелизма. Именно эта экономическая фрагментация питала политический паралич максималистов, которые прикрывали бездействие звонкой революционной фразой. В результате, к моменту “Красного двухлетия” (*Biennio Rosso*), когда рабочие оккупировали фабрики, политический авангард просто опоздал: Коммунистическая партия сформировалась в Ливорно лишь в 1921 году, когда объективная революционная волна уже шла на спад, уступая историческую сцену фашистской реакции.

15 - В сентябре 1923 года члены группы были арестованы ГПУ, исключены из партии и отправлены в ссылки.

и тяжёлые годы борьбы за существование. Но чем сложнее обстановка, тем большая ясность и организованность нужна борющемуся пролетариату. [...] Советская, партийная и профессиональная бюрократия и организаторы государственного капитализма находятся в материальных условиях, резко отличных от условий существования рабочего класса; само их материальное благополучие и устойчивость их общего положения зависят от степени эксплуатации и подчинённости им трудящихся масс; – всё это делает неизбежным противоречивость их интересов и разрыв между коммунистической партией и рабочим классом».¹⁶

Показательно, как теоретики троцкистской “Левой оппозиции” ещё до окончательной победы сталинской контрреволюции оправдывали извлечение прибавочной стоимости из рабочего класса ради нужд государственного накопления. Экономист Е. Преображенский разработал теорию “первоначального социалистического накопления”, а Лев Троцкий в докладе о промышленности на XII съезде РКП(б) в 1923 году, цитируя «очень интересный», по его мнению, пункт книжки неизвестного партийного профсоюзного работника, рассуждавшего о том, что «рабочий класс, стоя у власти, имеет возможность, когда это вызывается классовыми интересами, предоставлять промышленности кредит за счёт рабочей платы», комментировал:

«Другими словами, могут быть моменты, когда государство заработка не выплачивает или платит только половину, и ты, рабочий, кредитуешь своё государство за счёт заработной платы».¹⁷

Из-под маски “рабочего государства” всё более отчётливо была видна классическая капиталистическая эксплуатация.¹⁸

Что же собой представляет действительное первоначальное накопление капитала, Маркс объяснил в 24-й главе I тома “Капитала”. Это исторический процесс отделения производителя от средств производства:

«Итак, к чему сводится первоначальное накопление капитала, т. е. его исторический генезис? Поскольку оно не представляет собой непосредственного превращения рабов и крепостных в наёмных

рабочих и, следовательно, простой смены формы, оно означает лишь экспроприацию непосредственных производителей, т. е. уничтожение частной собственности, покоящейся на собственном труде.

Частная собственность, как противоположность общественной, коллективной собственности, существует лишь там, где средства труда и внешние условия труда принадлежат частным лицам. Но в зависимости от того, являются ли эти частные лица работниками или неработниками, изменяется характер самой частной собственности. Бесконечные оттенки частной собственности, которые открываются нашему взору, отражают лишь промежуточные состояния, лежащие между обеими этими крайностями».¹⁹

В СССР насильственный акт первоначально накопления капитала развернулся в конце 1920-х – 1930-е годы. Коллективизация лишила миллионы крестьян – мелких собственников-производителей – земли. Национальный капитал, по признанию академика Юрия Ярёмко (последователя экономической школы Ф. Листа), получил «колоссальный ресурс – крестьянство», который он «разменял на индустриализацию»²⁰.

Вовлекая миллионы разорённых крестьян в капиталистическое земледелие и выталкивая часть из них в города, государство сформировало колоссальную резервную армию труда, лишённую собственности и вынужденную продавать свою рабочую силу государственным и частным предприятиям. Товарный характер аграрного сектора неразрывно связал всю экономику СССР действием закона стоимости.

ОСНОВНОЙ ЗАКОН: НАЁМНЫЙ ТРУД И ОТЧУЖДЕНИЕ

В работе “Наёмный труд и капитал” (1849) Маркс вывел непреложную формулу:

«Капитал предполагает наёмный труд, а наёмный труд предполагает капитал. Они взаимно обуславливают друг друга; они взаимно порождают друг друга».²¹

На протяжении всей истории СССР пролетарий продавал свою рабочую силу, которая тем самым

16 - Цит. по: “Социалистический вестник” (Берлин), 1923. № 3. С. 12–14.

17 - Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчёт. М., 1968. С. 345.

18 - Причём во второй половине 1920-х гг. она была видна столь многим, что об этом приходилось упоминать в важных открытых массовых партийных документах: так, в докладе “Партия и оппозиция на пороге XV партсъезда” на собрании актива Ленинградской организации ВКП(б), сделанном Бухариным 26 октября 1927 г. и изданным тиражом в 125 тыс. экземпляров, целый раздел назывался “Оппозиция отрицает социалистический характер наших командных высот”.

19 - Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 770–771.

20 - Ярёмко Ю. В. Экономические беседы. Запись С. А. Белановского. М.: Центр исследований и статистики науки, 1998. С. 30.

21 - Маркс К. Наёмный труд и капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 444.

сохранила свою ключевую товарную характеристику: она имела меновую стоимость (определяемую стоимостью средств существования рабочего и его семьи) и потребительную стоимость (способность создавать новую стоимость, большую, чем стоит она сама). В СССР в полной мере функционировала базовая формула движения капитала, выведенная Марксом: $D - T - D'$ (Деньги – Товар – Деньги с приращением). Государственные монополии авансировали капитал (D) на покупку средств производства и рабочей силы, чтобы в процессе эксплуатации произвести товар (T), извлечь прибавочную стоимость и получить возросший капитал (D').

Механизм этой эксплуатации с безупречной точностью описан в I томе «Капитала» (глава IX, «Норма и масса прибавочной стоимости»):

«Если мы рассматриваем процесс производства с точки зрения процесса труда, то рабочий относится к средствам производства не как к капиталу, а просто как к средствам и материалу своей целесообразной производительной деятельности. На кожевенном заводе, например, он обращается с кожей просто как с предметом своего труда. Он дубит кожу не для капиталиста. Иное получится, если мы будем рассматривать процесс производства **с точки зрения процесса увеличения стоимости. Средства производства тотчас же превращаются в средства высасывания чужого труда.** И уже не рабочий употребляет средства производства, а средства производства употребляют рабочего. Не он потребляет их как вещественные элементы своей производительной деятельности, а **они потребляют его как фермент их собственного жизненного процесса; а жизненный процесс капитала заключается лишь в его движении как самовозрастающей стоимости.** [...] Простое превращение денег в вещественные факторы процесса производства, в средства производства, превращает последние в юридический титул и принудительный титул на чужой труд и прибавочный труд».²² В итоге «деньги превращаются в капитал, [...] капитал производит прибавочную стоимость и [...] за счёт прибавочной стоимости увеличивается капитал». Таким образом, «накопление капитала предполагает прибавочную стоимость, прибавочная стои-

мость – капиталистическое производство, а это последнее – наличие значительных масс капитала и рабочей силы в руках товаропроизводителей»²³, т. е. капиталистов, присваивающих прибавочную стоимость.

Вульгарный социализм тяготеет к тому, чтобы искать разницу между классами исключительно в сфере распределения – в уровне доходов и потребления. Разумеется, марксизм не ограничивается этим обывательским критерием, так как первичным является отношение к средствам производства. Однако на макроэкономическом уровне динамика капиталистического производства неизбежно ведёт к концентрации богатства у представителей господствующего класса. Маркс писал в XXIII главе I тома «Капитала»:

«[...] накопление **богатства на одном полюсе** есть в то же время накопление **нищеты, муки труда, рабства, невежества, огрубения и моральной деградации на противоположном полюсе,** т. е. на стороне класса, который производит свой собственный продукт как капитал».²⁴

Хотя уровень дохода – необходимый критерий классовой принадлежности больших социальных групп на макроэкономическом уровне, его, как правило, нельзя применять к отдельным индивидам, особенно в пограничных ситуациях. Исключение составляют лишь те самые «полюса» Маркса, где разрыв в доходах исчисляется порядками (в десятки, сотни и тысячи раз). В таких экстремальных случаях количественный критерий безошибочно определяет класс конкретного человека: представитель 1 % самых богатых людей капиталистической страны в принципе не может быть пролетарием, а входящий в 1 % самых бедных – буржуа.

В такой разновидности капиталистического общества, которое было в СССР, где реальное отношение людей к собственности было задрапировано красными знамёнами, а общая статистика социального расслоения была «окутана непроницаемым покровом»²⁵, как верно подметил Троцкий, критерий наличия вопиющих сверхдоходов становится одним из самых простых и надёжных индикаторов для тех, кто хочет установить действительную природу глубинных экономических процессов.

22 - Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 320.

23 - Там же. С. 725.

24 - Там же. С. 660.

25 - Троцкий Л. Преданная революция. М.: НИИ Культуры, 1991. С. 104.

Товарно-денежные отношения в СССР не исчезали ни на минуту. Об этом можно прочесть даже в литературе сталинистского времени: «В деньгах выражаются издержки производства **всех** отраслей народного хозяйства, стоимость **всего** социалистического общественного продукта».²⁶

Безжалостная логика капиталистического расширенного воспроизводства была очевидна даже для честных буржуазных исследователей, которые в этом вопросе иногда были даже больше марксистами, чем, например, Троцкий. В то время как последний ошибочно считал, что «социализм доказал своё право на победу не на страницах “Капитала”, а на хозяйственной арене, составляющей шестую часть земной поверхности»²⁷, американский экономист, создатель метода межотраслевого баланса Василий Леонтьев констатировал, что секрет “советских” темпов роста не имеет отношения к социализму, а в точности описывается марксовской теорией накопления капитала:

*«Основное положение, которое объясняет высокие темпы развития советской экономики, достаточно просто. Оно было чётко сформулировано почти двести лет назад Адамом Смитом, а более доступным языком – Бенджаменом Франклином. Для быстрого увеличения своих доходов необходимо направить как можно большую их часть – а затем и ещё большую – на инвестиции в производственный капитал. Это означает, что необходимо сократить потребление, понижая таким образом жизненный уровень масс, необходимо в то же время заставлять их работать в поте лица. Маркс в своей теории накопления капитала описывает точно такой же процесс [...]. Низкая заработная плата означает низкий уровень потребления. Высокая прибыль, т. е. высокий “уровень эксплуатации”, означает высокую скорость накопления».*²⁸

В 1950 году денежные доходы крестьянского двора в СССР составляли менее 100 рублей в месяц, в то время как оклад министра достигал 20 тыс. рублей (разница в 200 раз, не считая закрытых спецраспределителей, дач и т. п.). Более

того, система порождала легальных миллионеров и индивидуальных денежных капиталистов. Беспартийный на тот момент академик Игорь Курчатов – “советский Оппенгеймер”, отец “советской” атомной бомбы – правительственным постановлением от 21 марта 1946 года получил премию в 500 тыс. рублей (причём до этого ему уже была выдана аналогичная сумма), автомашину ЗИС-110, двойной оклад и особняк в личную собственность. Также будучи беспартийным, “пролетарский” писатель Максим Горький за один только 1928/29 год получил 143 955 рублей гонораров²⁹ – сумму, ради которой рабочему пришлось бы трудиться у станка десятилетиями. Наличие таких сверхдоходов доказывает, что прибавочная стоимость, выкачанная из пролетариата, трансформировалась не только в новые заводы, но и в гигантский фонд личного обогащения правящей верхушки и её научной и идеологической обслуги.

Сдельная плата, «наиболее соответствующая», по словам Маркса, «капиталистическому способу производства»³⁰ (“Капитал”, т. I, гл. XIX), стала фундаментом ранней “советской” промышленности (стахановщина). Это классический механизм извлечения относительной прибавочной стоимости.

Конфликт труда и капитала носил реальный характер, открытым выражением которого стал, например, расстрел бастующих рабочих в Новочеркасске в 1962 году – акт защиты монополии буржуазии на прибавочную стоимость. Однако по мере исчерпания террористических методов управления система перешла к повременно-премиальной оплате, что породило колоссальное отчуждение. В позднем СССР классовая борьба приняла скрытую форму: абсолютное падение трудовой дисциплины и производительности по принципу “вы делаете вид, что платите, мы делаем вид, что работаем”. Апогеем этого явления стало тотальное отчуждение рабочего класса. Ю. Ярёмченко весьма точно описал этот процесс:

«Люди [академик предпочитает использовать абстрактное “люди” вместо конкретного “наём-

26 - Гусаков А. Д., Дымшиц И. А. Денежное обращение и кредит СССР. М.: Госфиниздат, 1951. С. 12.

27 - Троцкий Л. Преданная революция. М.: НИИ Культуры, 1991. С. 9.

28 - Леонтьев В. Экономические эссе. М., 1990. С. 217-218.

29 - Случай Горького не был уникальным – в СССР сформировалась целая прослойка легальных “миллионеров”.

Алексей Толстой (“красный граф”): к 1940 году его официальный заработок достигал почти 117 000 руб. в год. Известен случай, когда он получил единовременный аванс в 83 000 руб. за ещё не написанный роман.

Демьян Бедный: главный “пролетарский поэт” получал от Госиздата чеки на 35 000 руб. единовременно.

Показательна статистика по Союзу писателей за 1936 год: на вершине пирамиды из ~4000 литераторов находилась группа из 14 человек, чей ежемесячный доход стабильно превышал 10.000 рублей (от 120.000 в год).

30 - Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 566.

ные рабочие”] привыкли жить под плановым давлением, играть с государством в антагонистические игры: кто кого обманет [...] сложился стереотип негативного поведения: произвести как можно меньше [...] и обмануть».³¹ В результате отчуждения пролетариата «на нашем производстве вместо социализации происходит активная десоциализация, обучение антиобщественным навыкам. Возникает асоциальный тип человека [...]. Многие просто спиваются. Но даже те, кто не деградировал, кто себя ценит и хочет зарабатывать, – что это за люди? Это асоциальные личности, которым крайне трудно интегрироваться в социальный коллектив. Главная их черта – сильный негативизм. Это отнюдь не “классовое самосознание”, если понимать под ним стремление к социальной консолидации, отстаиванию общих интересов».³²

Для марксиста нет ничего удивительного в том, что наёмный труд воспринимается пролетариями не как свободная деятельность, а исключительно как внешняя, враждебная сила. Этот факт должен подталкивать рабочего к борьбе против господства капитала. Находящемуся же на службе у капитала научному работнику Ярёмченко не остаётся ничего иного, кроме как сожалеть по поводу недополученной в связи с этим прибавочной стоимости.

Универсальным законам накопления строго подчинялось и развитие государственного капитала. Централизация средств производства в форме огосударствления позволила системе добиться значительного индустриального ускорения. Государство направляло изымаемую у наёмных рабочих прибавочную стоимость на межимпериалистическую конкуренцию. Тот же Ярёмченко, наблюдательный свидетель происходивших в СССР процессов, пишет, что «делёж» прибавочной стоимости «проходил в соответствии с существовавшей системой приоритетов», а «мировая экспансия и великодержавные интересы являлись тем началом, которое определяло всю эту иерархию».³³

СССР доказал свою империалистическую зрелость в ходе второй мировой войны, приняв непосредственное участие в новом разделе мира наряду с другими хищниками. Это стало максимальной точкой падения пролетарского интернационализма и неоспоримым доказательством

того, что СССР был полностью интегрирован в глобальный капиталистический рынок. Однако империализм далеко не сводится к агрессивной внешней политике или территориальным аннексиям, он имеет экономическую природу и является специфической стадией развития капитала. Послевоенный СССР в полной мере реализовал её базовые признаки, включая вывоз капитала. Создание “смешанных советско-иностранных акционерных обществ” в Восточной Европе и Азии, а также неэквивалентный обмен в рамках Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), где торговля велась с опорой на мировые цены, превратили страны “народной демократии” в рынок сбыта и источник сверхприбылей для национального капитала СССР. Таким образом, аннексии, репарации и вывоз капитала в страны СЭВ представляли собой империалистическую политику под красным флагом. Пролетарский интернационализм превратился в пустую фразу.

Как констатирует вполне респектабельный буржуазный историк В. А. Шишкин, Коминтерн уже в 1920-е годы выступал в качестве ширмы, а подлинным курсом внешней политики СССР стало стремление «обеспечить национальные [...] интересы страны», что на практике означало реализацию «традиционных интересов дореволюционной России»³⁴. Внешняя политика СССР окончательно превратилась в функцию защиты и расширения сферы влияния национального капитала.

ИЛЛЮЗИЯ ПЛАНА: ПОЧЕМУ СРЕДСТВА ПРОИЗВОДСТВА ОСТАВАЛИСЬ ТОВАРАМИ

Разрушение мифа о “социалистическом планировании” требует перехода от анализа юридических вывесок к анатомии самого производственного процесса. Троцкистская и сталинистская аргументация десятилетиями цеплялась за один и тот же спасательный круг: они утверждали, что поскольку средства производства в СССР (станки, сырьё, заводы) распределялись Госпланом, а не продавались на свободном рынке, они якобы перестали быть товарами.

В 1952 году в работе “Экономические проблемы социализма в СССР” Сталин, пытаясь спасти идеологический фасад, заявил, что закон стоимости в СССР ограничен сферой предметов по-

31 - Ярёмченко Ю. В. Экономические беседы. Запись С. А. Белановского. М.: Центр исследований и статистики науки, 1998, С. 47.

32 - Там же. С. 258.

33 - Там же. С. 38.

34 - Шишкин В. А. Становление внешней политики послереволюционной России, М., 2002. С. 334.

требления, а средства производства товарами не являются. С точки зрения марксизма, это теоретический абсурд.

«За исключением той части продукта, которую производители постоянно непосредственно употребляют снова в качестве средств производства, для капиталистического производства имеет силу следующее общее положение: все продукты поступают на рынок в качестве товаров и для капиталиста обращаются поэтому как товарная форма его капитала, как товарный капитал, независимо от того, должны ли и могут ли эти продукты по своей натуральной форме, по своей потребительной стоимости функционировать как элементы производительного капитала (как элементы процесса производства), т. е. как средства производства и, следовательно, как основные или оборотные элементы производительного капитала; или же они могут служить только в качестве предметов индивидуального, а не производительного потребления. Все продукты в качестве товаров выбрасываются на рынок; поэтому все средства производства и предметы потребления, все элементы производительного и индивидуального потребления должны быть снова извлечены с рынка посредством купли их как товаров»³⁵ (К. Маркс, “Капитал”, т. II, гл. X).

Невозможно изолировать закон стоимости в одном цехе. Экономика СССР базировалась на институте хозрасчёта. Каждое предприятие имело собственный баланс и расчётный счёт. Отношения между государственными заводами оформлялись коммерческими договорами, а споры решались через арбитраж с выплатой неустоек. Маркс ясно объяснял в первой главе I тома “Капитала”:

«Только продукты самостоятельных, друг от друга не зависящих частных работ противостоят один другому как товары»³⁶.

В действительности экономика СССР представляла собой не единый гармоничный механизм, а арену беспощадной рыночной борьбы обособленных корпораций. Иллюзия об СССР как об абсолютно монолитном “едином государственно-капиталистическом тресте” разбивается о реальность товарного производства. В действительности – и в принципе иначе при капитализме быть не может – абсолютного единства не было даже на уровне внешнего рынка

или найма. “Советские” предприятия действовали как обособленные товаропроизводители, жёстко конкурируя между собой за рабочую силу и за экспортно-импортные заказы. Однако эта рыночная раздробленность диалектически сочеталась с классовым синтезом: выступая в качестве комитета по делам буржуазии, государство СССР обеспечивало общие условия воспроизводства. Оно железной рукой защищало интересы всех фракций национального капитала от рабочего класса внутри страны, а на внешнем рынке – оберегало их совокупные позиции от конкурирующих капиталов.

Различные фракции номенклатуры и беспартийные управленцы де-факто действовали как конкурирующие частные собственники. Субъектами этой конкуренции выступали промышленные министерства, отраслевые ведомства, главки (главные управления), тресты и руководители отдельных заводов, совхозов и колхозов.

Ярчайшим примером такой внутривидовой конкуренции была борьба в военно-промышленном комплексе. Конструкторские бюро Королёва, Челомея и Янгеля десятилетиями вели беспощадную борьбу за бюджеты, дублируя ракетные программы друг друга. Их руководители использовали жёсткий лоббизм, политические интриги и связи в Политбюро, чтобы выбить финансирование и ресурсы именно для своих предприятий, топя проекты конкурентов. Подобная борьба за фонды капиталовложений, дефицитное сырьё, высококвалифицированную рабочую силу и долю в распределении прибавочной стоимости шла между всеми министерствами. Это была классическая конкуренция капиталов.

Юридически принадлежа государству, экономически заводы СССР функционировали как обособленные товаропроизводители. Сам процесс так называемого “планирования” скрывал жёсткую конкурентную борьбу этих обособленных корпораций-ведомств. Как признавал Ю. Ярёмченко, «в Госплане и Госснабе действительно шёл торг по поводу распределения ресурсов [...], взаимное силовое давление и установление некоего равновесия в этих переговорах»³⁷. Государственный план не предшествовал производству, а тащился у него в хвосте. Он был формой легализации уже сложившегося соотно-

35 - Маркс К. Капитал. Т. 2 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 24. С. 234.

36 - Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 51.

37 - Ярёмченко Ю. В. Экономические беседы. Запись С. А. Белановского. М.: Центр исследований и статистики науки, 1998, С. 37.

шения сил между конкурирующими главками, «латанием дыр, обречённым на провал», а сама система «совершенно не понимала сама себя»³⁸. Двойственный характер товара – как единства потребительной стоимости и стоимости – неминуемо разрывал якобы плановую экономику изнутри. Фундаментальное противоречие товарного производства – *противоречие между конкретным и абстрактным трудом* – не было преодолено. Конкретный труд рабочих создавал качественно *различные* вещи (станки, обувь, хлеб), но система оценивала их исключительно в деньгах, то есть как сгустки качественно *однородного* абстрактного общественно необходимого труда, как стоимость.

Капиталистическое производство в СССР, как и везде, было нацелено на производство стоимости, а не полезных вещей. Диктатура валового показателя («вала») привела к триумфу меновой стоимости над реальными потребностями общества. Государству, конкурирующему на мировом рынке, требовалось накопление абстрактного богатства. Заводам спускали план в абстрактных единицах (рублях или тоннах). Завод люстр гнал тяжёлые бронзовые конструкции вместо лёгких светильников, потому что так было проще выполнить план в рублях и получить долю прибавочной стоимости (премии).³⁹ Потребительная стоимость безжалостно приносилась в жертву капиталисти-

ческому самовозрастанию «вала» под диктатом абстрактного труда.

Открытым признанием торжества закона стоимости фактически стала экономическая реформа 1965 года (реформа Косыгина – Либермана). Она сократила количество агрегированных плановых показателей за счёт устранения таких показателей, как уровень производительности труда, себестоимость продукции, а также численность занятых и средняя заработная плата. Вместо них вводились прибыль и рентабельность продукции по отношению к стоимости основных оборотных фондов. Также в качестве основного показателя объёма производства был установлен объём реализованной продукции вместо объёма валовой продукции. Это был важнейший шаг, во всей красе продемонстрировавший обособленный, капиталистический характер «советских» предприятий, который был таковым и до этого момента, но в гораздо большей степени маскировался «социалистической» риторикой официальных документов.

Эмпирическое подтверждение логики самовозрастания капитала и существования обособленных групп собственников среди бюрократии даёт академик Ю. Ярёмченко:

«В это время КПСС уже перестала быть абсолютным авторитетом. [...] Крупные министерства, ведомства – все эти административные

38 - Там же. С. 42.

39 - Ради выполнения «вала» заводам было выгодно производить дорогие, но менее трудоёмкие товары (например, тяжёлые шторы вместо детских платьев, кровати для взрослых вместо детских). Ненужная продукция на миллиарды рублей мёртвым грузом оседала на складах.

Товары повседневного спроса (иголки, прищепки, мелкая посуда, детская одежда) становились тотальным дефицитом не из-за нехватки сырья, а потому, что их производство было невыгодно для заводской отчётности.

Министерства официально разрешали предприятиям недопоставлять заказанную продукцию (от 1 до 10 % от плана), сохраняя за ними право на премии, если общий денежный объём был перевыполнен.

На предприятиях тяжёлой промышленности производство товаров народного потребления (ТНП) искусственно тормозилось. Из-за высокой трудоёмкости оно «съедало» непропорционально большую часть фонда заработной платы, что резко ухудшало общие показатели рентабельности всего комбината.

Вот как работал этот механизм:

Подмена ассортимента ради «вала» (на примере ВПО «Союзподшипник»). В 1982 г. Вологодский ГПЗ-23 отчитался о выполнении плана в штуках на 100,2 %. Однако этот показатель был достигнут за счёт перепроизводства 5 млн штук простых подшипников при недопоставке 7 млн штук сложных, трудоёмких серий. В целом по стране объединение недопоставило 30 млн нужных подшипников, при этом перевыполнив план и в рублях, и в общем количестве.

Имитация нехватки сырья (швейная промышленность). Швейная фабрика недопоставила 30,7 тыс. платьев для девочек, сославшись на отсутствие ткани. Проверка выявила, что именно из этой ткани фабрика пошила сверх плана 36,4 тыс. штор и 1,7 тыс. женских платьев. Итог: трудозатраты снижены, выручка в рублях с лихвой перекрыта, а страна недополучила сотни тысяч единиц детской одежды.

Рост «в рублях» при физическом падении производства (посуда и обувь). Всего за три года (1978–1980) выпуск эмалированной посуды *физически* сократился на 17 % (торговля недополучила кастрюль и чайников на 38 млн руб.), но в отчётах *в денежном выражении* выпуск возрос на 12 %. Аналогично выпуск обуви в миллионах пар упал до уровня 1972 года, а в рублях – продолжил неуклонно расти.

Игнорирование спроса ради удобства отчётности (мебель). По плану требовалось произвести 85 тыс. железных кроватей, отчитались о 85,7 тыс. Но перевыполнение произошло исключительно за счёт дорогих кроватей для взрослых (оседавших на складах), тогда как детских и подростковых кроватей (на которые был острый спрос) покупатели не получили вообще.

Ширпотреб как угроза показателям завода (Магнитогорский металлургический комбинат). Расход зарплаты на 100 рублей реализации при производстве белой жести составлял 1 рубль, а при производстве эмалированной посуды – 18 рублей. Мелкий ширпотреб составлял всего 1–2 % объёма производства завода, но сжигал до 10 % фонда зарплаты. В результате предприятиям было выгодно выполнять план по ширпотребу за счёт тяжёлых ведёр и больших тазов, выполняя заказы на мелкие чайники и сковородки лишь на 15–20 %.

(Составлено на основе: Валовой Д. В. *Экономика абсурдов и парадоксов: Очерки-размышления*. М: Политиздат, 1991)

монстры – почувствовали свою независимость от КПСС. Я имею в виду прежде всего армию, военную промышленность, отчасти КГБ, далее Совмин [...]. Особо в этом списке следует назвать торговлю, которая коррумпировала многие этажи власти и вкупе с ними образовала своё суперведомство. [...] Агропром [...] напоминал человека, которого постоянно обделяют за общим столом, и все попытки Агропрома выбить себе какие-то права не имели успеха.

Все эти структуры рвали на части имеющиеся в стране ресурсы, но им всё равно было их мало, так как они имели колоссальные ресурсёмкие программы, очень часто не связанные ни с какими реальными проблемами. Экономика, как и армия, просто была пространством для расширения бюрократических структур того или иного административного монстра. В этом смысле их рост приобрёл как бы иррациональные черты, став средством бюрократического самовоспроизводства [...] они стремились к тому, чтобы было больше заводов, больше капиталовложений⁴⁰.

Это не что иное, как чисто капиталистическая жажда накопления ради накопления.

Сам хваленый метод централизованного планирования в СССР являлся фетишем. Как указывал В. Леонтьев, попытки западных экономистов разгадать научный секрет “советского планирования” провалились, потому что «до сих пор такого метода вообще не существует». Плановая система СССР напоминала Леонтьеву «говорящую лошадь: удивительно не то, о чём она говорит, а то, что она вообще умеет разговаривать».

И дело даже не в том, что пресловутый “балансовый метод” не содержал никаких математических и экономических алгоритмов, способных научно увязать спрос и предложение миллионов товаров. Суть в том, что низкий уровень производительности, и самое главное отсутствие реального обобществления производства делало планирование в принципе невозможным. Любое изменение в плане рушило все производственные цепочки, поэтому на практике «окончательная доводка осуществляется неформальным методом проб и ошибок в ходе непосредственной повседневной работы»⁴¹. Официальная же “советская” политэкономия, призванная маскировать

этот хаос капитализма, по меткому замечанию того же Леонтьева, «оставалась [...], по существу, бесплодной», будучи «громоздким, бесстрастным и непоколебимым памятником Марксу, который поддерживается множеством хранителей и у подножия которого время от времени обновляются свежие цветы и мимо которого проходят нескончаемым потоком вереницы людей, преисполненных чувством долга»⁴².

Миф о “жёстком фондировании” ресурсов в СССР разбивается о факт господства стоимостных показателей. Распределение средств производства осуществлялось в первую очередь через деньги, тогда как натуральные показатели играли лишь вспомогательную роль, то есть именно так, как происходит при капитализме. Марксистская логика железна: подлинное обобществление производства исключает товарно-денежные отношения, поскольку единому нерыночному хозяйству деньги не нужны. Сохранение же стоимостных оценок неопровержимо доказывает, что предприятия оставались обособленными товаропроизводителями. Следовательно, “советский план” не преодолевал рыночную анархию, не отменял товарного характера базиса, а полностью функционировал в условиях рынка.

Товарно-денежные отношения стихийно прорывались даже в святой святых административной системы. Гетти, опираясь на доклады Комиссии партийного контроля, приводит поразительный факт: система коммерческого бартера опутала работу власти до такой степени, что «сделки проворачивают даже в буфетах Винницкого обкома партии»⁴³.

Закон стоимости действует как слепой закон природы:

«стоимостный характер продуктов труда утверждается лишь путём их проявления как стоимостей определённой величины. Величины стоимостей непрерывно изменяются, независимо от желания, предвидения и деятельности лиц, обменивающихся продуктами. В глазах последних их собственное общественное движение принимает форму движения вещей, под контролем которого они находятся, вместо того чтобы его контролировать. Необходимо вполне развитое товарное производство для того, чтобы из самого опыта

40 - Ярёмченко Ю. В. Экономические беседы. Запись С. А Белановского. М.: Центр исследований и статистики науки, 1998. С. 26.

41 - Леонтьев В. Экономические эссе. М., 1990. С. 218-219.

42 - Там же. С. 216.

43 - Гетти Арч. Практика сталинизма: Большевики, бояре и неумирающая традиция. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 198.

могло вырасти научное понимание, что отдельные частные работы, совершаемые независимо друг от друга, но всесторонне связанные между собой как звенья естественно выросшего общественного разделения труда, постоянно приводятся к своей общественно пропорциональной мере. Для появления этого научного понимания необходимо вполне развитое товарное производство потому, что общественно необходимое для производства продуктов рабочее время прокладывает себе путь через случайные и постоянно колеблющиеся меновые отношения продуктов частных работ лишь насильственно в качестве регулирующего естественного закона, действующего подобно закону тяготения, когда на голову обрушивается дом» (К. Маркс, «Капитал», т. I, гл. I).⁴⁴

Иллюзия тотального планирования разбивалась о практику: система «плановых органов» органично дополнялась теневым, но массовым институтом *толкачей* (снабженцев). Директора заводов регулярно отправляли экспедиторов с неучтёнными деньгами («чёрными кассами») или бартером на другие предприятия, чтобы выменивать сырьё и станки вопреки директивам Госснаба. Эта практика – одно из многочисленных, но ценных именно своей очевидностью эмпирических доказательств того, что средства производства в СССР циркулировали как классические товары. Там, где не было возможности свести баланс, обособленные производители восстанавливали обменные пропорции через фактический рынок.

ТЕНЕВОЙ КАПИТАЛ: ПРОРЫВ ЗАКОНА СТОИМОСТИ

Капиталистическая система СССР, подчиняясь слепому закону производства ради производства, перенакопила средства в тяжёлой индустрии (Подразделение I, по Марксу), жёстко подавляя сферу массового потребления (Подразделение II). «Гражданская промышленность, – отмечает Ярёмченко, – начала своё фиктивное развитие на пустом ресурсном пространстве [...]. Фикция проявлялась в фиктивных планах, в фиктивных отчётах».⁴⁵

Закон стоимости стихийно прорывался туда, где норма прибыли была наивысшей – в дефицитный ширпотреб. Теневая экономика (масштабы

которой, по оценкам Госкомстата, к 1990 году достигли 100 млрд рублей) – это не криминальное отклонение, и уж тем более не результат банального недосмотра «милиции» или недоработок ОБХСС. Это был необходимый, хотя и уродливый, структурный элемент отсталого капитализма. Сосредоточив гигантские капиталы в производстве средств производства, неповоротливая государственная машина органически не справлялась с наполнением рынка потребительскими товарами. Теневой сектор объективно компенсировал эту структурную неполноценность, органично пронизывая базис капиталистической системы. О её существовании знали все. Уже знакомый нам Ярёмченко констатирует:

*«Теневая экономика существовала и в торговле, и в производстве, и в снабжении».*⁴⁶

«Общественная» собственность служила удобной юридической оболочкой. Дело Николая Павленко, создавшего в 1940–1950-х годах крупную строительную корпорацию под вывеской военной части, показало, что государственная структура может выступать ширмой для извлечения прибыли индивидуальным частным собственником. Павленко заключал договоры, нанимал рабочих, извлекал прибавочную стоимость и распределял дивиденды, идеально вписавшись в экономику сталинизма.

Природа этого симбиоза была вскрыта ещё в 1927 году Юрием Лариным в работе «Частный капитал в СССР». Ларин эмпирически доказал, что государственный аппарат СССР в первые годы НЭПа сам стал инкубатором буржуазии: через систему «агентских» контрактов государственные средства перетекали в частные карманы. Суть этих контрактов (так называемого комиссионерства) заключалась в том, что неповоротливые государственные тресты и синдикаты, не имея собственной гибкой сети розничного сбыта и заготовок сырья, нанимали частных дельцов (нэпманов) в качестве своих официальных представителей и снабженцев. На практике это принимало две основные формы:

Во-первых, *в сфере сбыта*. Государственные монополии (например, Текстильсиндикат или Кожсиндикат) выдавали частному лицу дефицитные промышленные товары в кредит на реализацию. Выступая под вывеской «агента гостреста», част-

44 - Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 85.

45 - Ярёмченко Ю. В. Экономические беседы. Запись С. А. Белановского. М.: Центр исследований и статистики науки, 1998, С. 29.

46 - Там же. С. 48.

ник получал товар по твёрдым оптовым ценам, но реализовывал его на местах по взвинченным спекулятивным расценкам. Возвращая государству лишь базовую стоимость партии, львиную долю сверхприбыли агент клал себе в карман. По сути, частник торговал государственным товаром, пользуясь государственным же кредитом.

Во-вторых, в сфере заготовок. Государство выдавало частнику-посреднику огромные денежные авансы для скупки у крестьян хлеба, льна, пушнины или сырых кож для нужд промышленности. Пользуясь казёнными деньгами как беспроцентным капиталом, такой агент скупал сырьё по дешёвке, сдавал государственным предприятиям лишь часть товара (часто – худшего качества), чтобы формально закрыть аванс, а лучшую часть пускал в спекулятивный оборот на свободном рынке, либо перепродавал тем же самым государственным заводам через цепочку подставных «лежекооперативов».

Таким образом, как метко продемонстрировал Ларин, типичный нэпман-оптовик зачастую вообще не имел собственного первоначального капитала и не рисковал своими деньгами. Он паразитировал на беспроцентных государственных ссудах и товарных кредитах, превратив сами институты государства в дойную корову для выкачивания прибавочной стоимости и личного капиталистического накопления.

Ларин убедительно документировал, что уже тогда огромный слой фактических капиталистов формировался вне правящей партии. Владея денежным и торговым капиталом, выступая арендаторами, подрядчиками или руководителями смешанных обществ, эти дельцы даже не состояли в ВКП(б), но реально распоряжались прибавочной стоимостью. В то время до 30 % наёмных работников в СССР трудились на частных лиц. В период НЭПа частный капитал контролировал свыше 50 % розничного товарооборота и более 20 % оптового. Это был закономерный результат товарного производства: оно неизбежно порождает капитал в условиях, когда между отраслями нет прямой потребительской связи, а государство не в силах выстроить её искусственно.

Эта тенденция функционирования капитала, обособленного от партийного билета, никуда не исчезла и в более поздние периоды. Функции персонифицированного капитала всё активнее брали на себя директора торговых баз, руководители промышленных цехов и артелей. Яркими

примерами служат подпольные миллионеры 1960-х годов: от куратора трикотажных фабрик в Киргизии Зигфрида Газенфранца и его компаньона Исаака Зингера до знаменитого директора Елисеевского гастронома Юрия Соколова. Они оперировали миллионными капиталами, извлекали прибавочную стоимость, инвестировали средства в расширенное воспроизводство и вели конкурентную борьбу. Ещё более показательны «внутренние офшоры» 1960–1980-х годов. Теневые синдикаты использовали учебно-производственные комбинаты Всесоюзного общества глухонемых, имевшие налоговые льготы. Инвалиды по слуху стали объектом классической сверхэксплуатации. На государственном оборудовании производился неучтённый товар. Теневые пайщики делили прибавочную стоимость, а официальные руководители заводов и представители репрессивного аппарата получали фиксированную ренту за прикрытие.

Историк Марианна Жевакина в исследовании цеховиков СССР наглядно описывает двойственную природу этой системы: официально оставаясь государственным предприятием, «социалистический» завод служил лишь прикрытием и бесплатной инфраструктурой (здания, сырьё, станки) для функционирования «тайной частной фирмы». Эти подпольные капиталисты прямо называли себя «пайщиками» или «дольщиками». Они инвестировали личный капитал и присваивали львиную долю прибавочной стоимости – неоплаченного труда рабочих. При этом официальное руководство предприятия (директор, бухгалтер, техрук) превращалось в банальных рантье. Они получали от цеховиков фиксированную ежемесячную ренту за молчание и предоставление государственных мощностей, которую сами дельцы цинично называли «твёрдой ставкой» или «окладом». Многие из таких теневых капиталистов принципиально оставались беспартийными, предпочитая числиться простыми мастерами или рабочими, в то время как формальные партийные начальники оказывались у них на содержании. Функционируя по жёстким законам капиталистического рынка, эти нелегальные предприятия проходили через классические циклы концентрации и централизации капитала: они переживали слияния (для подавления конкуренции), реструктуризации и разделения цехов. А коммерческие споры о распределении прибавочной

стоимости они решали через институт неформальных третейских судов.⁴⁷

Юридический “хозяин” в лице государства оказался в прямом экономическом подчинении у фактического владельца капитала.

СИСТЕМНЫЙ КРИЗИС И ЛЕГАЛИЗАЦИЯ КАПИТАЛА

СССР рухнул не из-за “предательства” номенклатуры, а под тяжестью неразрешимых базисных противоречий, в основе которых лежала экономическая отсталость и вызванная ею низкая производительность труда.

Для марксизма вопрос производительности не является сугубо техническим – это фундаментальный критерий исторической легитимности любого способа производства. В третьем томе “Капитала” (глава XV) Карл Маркс категорически указывал, что историческая задача и оправдание капитала состоят именно в беспрецедентном развитии производительных сил общественного труда: *«Именно этим он бессознательно создает материальные условия более высокой формы производства»*⁴⁸. Капитализм имеет историческое право на существование лишь до тех пор, пока способен революционизировать базис и повышать производительность. Если конкретная политическая система не способна выполнять эту роль, она объективно обречена.

Экономика СССР, развиваясь по законам товарного производства, столкнулась с классической капиталистической тенденцией, описанной Марксом: ростом органического строения капитала (c/v , где c – постоянный капитал, а v – переменный) и неуклонным падением нормы прибыли. Эмпирические данные экономической истории безжалостны: СССР не смог обеспечить опережающую производительность капитала по сравнению с Западом.

Во-первых, к 1970-м годам экстенсивная модель накопления исчерпала себя: демографический ресурс деревни иссяк, что привело к падению нормы прибыли. Государство исчерпало резервную армию труда. Подтверждение этому мы находим у наблюдательного Ярёмко:

«По мере истощения мощной подпитки рабочей силы в промышленности за счёт сферы сельского

*хозяйства мы всё больше начинали жить за счёт трудовых ресурсов городов – за счёт людей, которые, приехав из села, прошли через “лимит”».*⁴⁹

Во-вторых, лишившись возможности экстенсивно втягивать новый живой труд (v), система попыталась компенсировать это колоссальными вливаниями постоянного капитала (c) – строительством новых заводов, производством гигантского количества станков и добычей сырья. Однако это привело к катастрофическому падению *фондоотдачи*. По данным официального статистического ежегодника Госкомстата “Народное хозяйство СССР за 70 лет” (1987), выпуск продукции на единицу стоимости производственных основных фондов (*основного капитала*) в “сфере общественного производства” стремительно падал: если принять показатель 1970 года за 100 %, то к 1980 году он снизился до 74 %, а к 1986 году обвалился до 64 %. По расчётам же макроэкономиста Г. И. Ханина, изложенным в его труде “Динамика экономического развития СССР” (1991), реальная картина была ещё более удручающей: фондоотдача неуклонно падала начиная с конца 1950-х годов, снижаясь в среднем на 3 % ежегодно в период застоя. Капитал неумолимо “тяжелел”: рост стоимости основных производственных фондов (*мёртвого труда*) многократно обгонял рост национального дохода (вновь созданной стоимости). Государству приходилось авансировать всё больше и больше средств производства просто для того, чтобы удерживать темпы роста от окончательного обрушения. Это классический кризис перенакпления капитала, когда накопленная масса мёртвого труда обесценивается из-за неспособности извлечь достаточную массу прибавочной стоимости для поддержания нормы прибыли.

В-третьих, включённость СССР в мировой капиталистический рынок (зависимость от нефтяного экспорта и импорта технологий) сделала его беззащитным перед глобальным кризисом.

В конечном счёте именно мировой рынок, как высший арбитр закона стоимости, вынес безжалостный экономический приговор “советской” системе, неспособной производить абстрактное богатство так же эффективно, как западный капитал.

47 - Жевакина М. Советские цеховики: этика “левых” отношений // Неприкосновенный запас. № 5, 2020. С. 207-217.

48 - Маркс К. Капитал. Т. 3. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. 1. С. 284.

49 - Ярёмко Ю. В. Экономические беседы. Запись С. А. Белановского. М.: Центр исследований и статистики науки, 1998, С. 44.

Здесь важно развеять миф буржуазной пропаганды и некоторых “марксистов” (видящих в этом сбывшийся прогноз Троцкого) о том, что так называемый “переход к рынку” был вызван осознанным желанием номенклатуры легализовать свои капиталы. Во-первых, это субъективное стремление разделяли далеко не все её представители: об обратном свидетельствуют апелляции к “социализму” на XXVIII съезде КПСС, конфликт центра с регионами и августовский путч 1991 года. Во-вторых – и это главное – чьи-либо субъективные желания в принципе не являлись и не могли являться определяющей объективной причиной перехода системы к открыто буржуазной форме.

Отсутствие бумаг с гербовой печатью ничуть не мешало высшей бюрократии распоряжаться государственными ресурсами как своими личными. Она обладала колоссальными средствами на банковских счетах, имела неограниченный доступ к спецраспределителям, элитной недвижимости и другим материальным благам и без всяких юридических титулов обеспечивала своим детям роскошное будущее. Дети “советской” номенклатуры – так называемая “золотая молодёжь” – занимали тёплые места в структурах Министерства внешней торговли, дипломатическом корпусе и загранпредставительствах, получая прямой доступ к валютным потокам и западному уровню потребления.

Лишь осознав исторический тупик системы (ввиду падения нормы прибыли и краха производительности капитала) и почувствовав угрозу потери этого фактического контроля в условиях кризиса, номенклатура, окончательно сросшаяся с теневым сектором, инициировала Перестройку.

Процессы 1990-х годов были перераспределением и приватизацией уже накопленного, высококонцентрированного капитала. Фракции государственного аппарата и теневого сектора просто воспользовались удобным случаем, чтобы отбросить фикцию “социализма” и юридически закрепить за собой средства производства.

Классовая преемственность этого процесса абсолютна. Арч Гетти прямо констатирует:

«В ходе процесса приватизации личные связи имели значение больше, чем когда-либо прежде [...]. Легче всего было тем, кто в советские времена работал в номенклатурной элите и просто сохранил

*отношения с бывшими коллегами. Советская коммунистическая партия исчезла, а номенклатура уцелела».*⁵⁰

После краха СССР эта система управления капиталом никуда не исчезла, она просто обнажила свой базис:

*«Кланы уже не связаны исключительно с партийной номенклатурой, они существуют внутри финансово-банковской, промышленной администрации и множества других сил, очевидно не имеющих отношения к государству, либо частично их охватывают. Их состав кажется более рыхлым и изменчивым, так как члены клана могут свободнее присоединяться к сетям и покидать их».*⁵¹

Этот переход сопровождался колоссальным уничтожением производительных сил (массовое закрытие заводов). С точки зрения марксистской политэкономии, физическое уничтожение перенасыщенного, ставшего излишним капитала является классическим, объективным механизмом разрешения капиталистического кризиса – сбросом балласта нерентабельного постоянного капитала для восстановления нормы прибыли.

В этом же сугубо политэкономическом контексте следует рассматривать и “парад суверенитетов”. За фасадом “национально-освободительных движений” и “народных фронтов” скрывался прямой экономический сепаратизм региональных фракций буржуазии. Республиканские элиты стремились разорвать институциональную связь с союзным центром исключительно ради обеспечения своей безраздельной монополии на местные ресурсы.

То, что буржуазная публицистика стыдливо называет “разгулом криминала” 1990-х годов, в действительности было кровавой фазой перераспределения капитала. Когда началась физическая делёжка производительных сил (вроде портов и металлургических комбинатов), единый репрессивный аппарат государства фрагментировался на наёмные отряды, обслуживающие разные фракции буржуазии. Феномен “крыши в погонах”, при котором кадровые офицеры спецслужб выступали заказчиками убийств конкурентов, наглядно доказывает марксистский тезис: правоохранительный аппарат является машиной насилия в интересах капитала. Криминальные авторитеты и полковники “милиции” играли одну и ту же историческую

50 - Гетти Арч. Практика сталинизма: Большевики, бояре и неумирающая традиция. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 280.

51 - Там же. С. 282-283.

роль: они сплавляли разрозненные осколки “советского” капитала в новую частно-олигархическую монополию.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА ПРОЛЕТАРИАТА

Сама товарная форма продукта в СССР содержит в себе ответ на вопрос о его природе. Как писал Маркс в “Капитале”, *«законченная форма товарного мира – его денежная форма – скрывается за вещами общественный характер частных работ, а следовательно, и общественные отношения частных работников, вместо того чтобы раскрыть эти отношения во всей чистоте»*⁵².

Преодоление этого классового антагонизма невозможно путём простой национализации или политических переворотов. Оно требует уничтожения самого товарного производства и перехода к непосредственно-общественному труду, что

навсегда исключит превращение продукта в стоимость и капитал.

Действительная задача коммунистического движения – уничтожение частной собственности. Развенчание мифов *фальшивого социализма* – это не борьба с призраками прошлого, а оттачивание теоретического оружия для будущих битв за коммунизм. Только через воссоздание мировой коммунистической партии пролетариата, слом буржуазного государства, установление подлинной диктатуры пролетариата (опирающейся на систему рабочих советов), реальное обобществление средств производства на базе *всеобщего* плана и придание труду ассоциированного характера возможно разорвать механизм самовозрастания капитала и начать подлинную историю человечества.

Июнь 2026 г.

52 – Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 86.

УРОКИ ПОРАЖЕНИЯ

ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЧИНЫ ИЗОЛЯЦИИ И КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

Этот материал открывает цикл статей, представляющий собой краткий и, безусловно, неполный исторический очерк, прослеживающий конкретный ход классовой борьбы в России после Октябрьской революции. В первой части мы анализируем материальные условия, в которых оказалась изолированная революция.

В рамках данного текста мы сознательно воздерживаемся от детального теоретического разбора политических платформ и программных позиций участвовавших в этом столкновении сторон. Такой всесторонний марксистский анализ станет задачей последующих публикаций нашего журнала. Пока же ограничимся описанием исторической действительности, которая с непреложной ясностью отражает один суровый факт: начатая в Октябре 1917 года мировая коммунистическая революция, оказавшись запертой в национальных границах отсталой страны, была объективно обречена на жесточайший кризис и контрреволюцию.

ЧАСТЬ I. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОЛЛАПС

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ОТСТУПЛЕНИЯ

Отказываясь признавать объективные предпосылки Октября, буржуазная историография низводит исторический процесс к серии случайностей или заговоров. Но субъективные действия людей имеют свою объективную логику. Россия после Февральской революции 1917 года оказалась в тупике: ресурсы империи были исчерпаны, армия разлагалась, а либеральное Временное правительство было неспособно развязать узел противоречий – прежде всего земельного вопроса и вопроса о выходе из империалистической войны. Взятие власти большевиками было неизбежно именно потому, что все остальные политические силы – от кадетов до меньшевиков – предлагали пролетарским и крестьянским массам гибель в окопах.

Объективные условия для окончательной победы пролетариата тогда ещё не созрели – и не только в изолированной крестьянской России, но и в мировом масштабе. Если бы это было не так, то мы бы сегодня писали совершенно другую историю и жили бы в мире, свободном от цепей капиталистической эксплуатации и катастроф империалистических войн.

Пытаясь извлечь уроки из этого поражения, революционный марксизм должен чётко осознавать двойственный характер Октября. С одной

стороны, русская революция была пролетарской, поскольку рабочий класс взял на себя руководство восстанием и создал свои органы власти. С другой – её первоначальные задачи оставались сугубо буржуазными: уничтожение пережитков феодализма, распределение земли, развитие крупной промышленности и интеграция национального рынка. В условиях изоляции от передовой западной промышленности экономический базис неминуемо должен был диктовать свои условия политической надстройке, всё более превращая пролетарскую диктатуру в администратора развития капитализма.

Но это отнюдь не значит, что за революцию не надо было бороться. Это вообще не вопрос субъективного выбора.

Как признавал Л. Троцкий:

«Люди не совершают революцию охотно, как и войну. Разница, однако, та, что в войне решающую роль играет принуждение; в революции же принуждения нет, если не считать принуждения обстоятельств. Революция происходит тогда, когда не остаётся другого пути».¹

Именно принудительная сила бедственных обстоятельств, а не поступательный прогресс, побуждает к революции. К восстанию пролетарские массы толкнула полная безвыходность положения. Октябрь стал не плавным движением локомотива истории по заранее проложенным рельсам созревших производительных сил, а грандиозным катаклизмом, в условиях которого пролетариат попытался разорвать цепи

1 - Троцкий Л. Д. История русской революции: В 2 т. Т. 2: Октябрьская революция. Ч. 2. М.: ТЕРРА; Республика, 1997. С. 152.

товарного производства, когда объективных предпосылок для этого в России, оставшейся без социалистической помощи Запада, ещё не было. В этом и заключалась главная трагедия: большевики оказались заложниками экономической неразвитости России.

Ключевые события 1921 года в России – переход к НЭПу и запрет внутривластной борьбы на X съезде РКП(б) – совпали с крахом революционной волны в Европе. НЭП был вынужденным стратегическим отступлением, попыткой поставить капитализм под контроль пролетарского государства, но спад революционного движения в Западной Европе сделал 1921 год рубежом на пути к поражению как русской, так и мировой революции.

Сегодня легко обвинять в этом трагическом исходе самих большевиков, списывая контрреволюцию на их теоретические ошибки, организационные принципы или злую волю. Но такого поверхностного подхода явно недостаточно для подлинного понимания сути проблемы. Наша задача – извлечение жестоких *материалистических* уроков из этой героической и величайшей в мировой истории попытки пролетарского штурма неба.

История внутривластной борьбы в СССР 1920–1930-х годов – это не хроника столкновения личных амбиций или абстрактных идей, как её пытаются представить буржуазные историки. Это летопись трагического, отчаянного сопротивления пролетарского авангарда контрреволюционному процессу, а значит, выражение борьбы классов и их фракций в России и в мире.

Как показано в статье “Иллюзия социализма и реальность капитала в СССР”, опубликованной в этом же номере, юридическая “отмена” частной собственности не означает уничтожения капитала как общественного отношения. Именно понимание этого факта требует от нас внимательного изучения той суровой материальной реальности, которая сделала социалистические преобразования невозможными.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КАТАСТРОФА И МЕЛКОБУРЖУАЗНОЕ ОКРУЖЕНИЕ

Противоречия базиса и надстройки разворачивались не в абстрактном вакууме, а на фоне беспрецедентного коллапса всей страны.

Для понимания того, почему государственный аппарат смог оторваться от пролетариата и узур-

пировать власть, марксизм требует взглянуть на объективные материальные условия России после Октября. Диктатура пролетариата оказалась запертой не только в кольце мировой капиталистической блокады, но и потоплена внутри гигантского океана мелкобуржуазной крестьянской стихии.

РАЗРУХА, ГОЛОД И АРХАИЗАЦИЯ ГОРОДОВ

В мировой истории катастрофический разрыв сложных экономических связей между городом и деревней неизменно приводил к глубочайшей социально-экономической архаизации и дезурбанизации. Подобные процессы разворачивались в эпоху коллапса бронзового века, когда разрушение средиземноморских торговых маршрутов стирало с лица земли целые государства. Это же происходило при падении Западной Римской империи: крах централизованной логистики превратил некогда миллионный Рим в провинциальное захолустье, вынудив городской плебс массово бежать в сельскую местность под покровительство крупных землевладельцев ради физического выживания. Аналогичный регресс, сопровождавшийся запустением городов, оставкой мануфактур и переходом к примитивному земледелию, пережила Германия в горниле Тридцатилетней войны. Во всех этих случаях распад систем снабжения отбрасывал человечество на столетия назад, к более примитивным формам выживания.

Однако процессы, охватившие Россию после Октября 1917 года, носили абсолютно беспрецедентный характер. В прежние исторические эпохи системный коллапс означал стихийный откат в рамках докапиталистических производственных отношений. В России же чудовищная архаизация и индустриальный паралич поразили общество, уже интегрированное в глобальный капиталистический рынок и обладавшее узлами крупной современной промышленности.

Но главное историческое отличие заключалось в политическом факторе: впервые в истории человечества физическое разрушение материального базиса совпало с попыткой сознательного революционного авангарда выстроить более высокое, бесклассовое общество. Возникло трагическое диалектическое противоречие. Диктатура пролетариата оказалась вынуждена осуществлять переход к социализму в условиях, когда сама городская индустриальная цивилизация, являю-

щаяся единственно возможным фундаментом этого перехода, буквально рассыпалась в прах, а сам рабочий класс растворялся в мелкобуржуазной крестьянской стихии.

Масштабы этого распада не имели аналогов в Новейшей истории. Как отмечает британский историк Эдвард Эктон, в период после Октября страна пережила экономический коллапс масштабов средневековой «чёрной смерти». За первые шесть месяцев после вооружённого восстания столица потеряла не менее миллиона жителей: рабочие массово бежали из города в поисках хлеба.

Урожай 1917 года оказался самым скудным за столетие, и зимой 1917–1918 годов большинство регионов России получало лишь 12–13 % от нормального снабжения зерном. К февралю 1918 года дневной паёк рабочего в Москве составлял мизерные 306 калорий – менее 10 % от необходимой нормы. В Петрограде к концу января 1918 года паёк был урезан до 150 граммов хлеба, а к концу февраля – до 50 граммов. Под двойной угрозой немецкого наступления и голода к апрелю город покинуло 40 % рабочего класса, а из тех, кто остался, 60 % оказались безработными.

Даже тем пролетариям, у которых была работа, приходилось тратить всё свободное время на поиски еды. Деморализация усугублялась массовыми прогулами. С началом гражданской войны ситуация стала катастрофической.

В масштабах всей Советской России объём валовой промышленной продукции в 1920 году составил лишь 13,9 % от уровня довоенного 1913 года, а производство предметов потребления рухнуло до 12,3 %. Промышленность страны сжалась более чем в семь раз. Деградация экономики сопровождалась массовым исходом населения из городов: только в Центральной России и Поволжье сотни тысяч человек спасались бегством в деревню, превращая некогда кипящие индустриальные центры в пустеющие призраки.

К 1920 году население Петрограда, составлявшее до войны почти 2 миллиона человек, сократилось до трети от этого числа; Москва также потеряла треть своего населения. Провинциальные города, сильнее связанные с аграрным хозяйством и локальными рынками, пострадали мень-

ше: там было легче найти источники продовольствия. Крупные города задыхались: к 1920 году туда поступало лишь 10–20 % от объёмов продовольствия 1913 года.

36-летний офицер Жак Садуль в сентябре 1917 года был назначен атташе при французской военной миссии в Петрограде. Охваченный пламенем революции город привёл его в ряды РСДРП(б). Именно поэтому его наблюдения имеют ещё большую ценность. 25 апреля 1918 года в письме Альберу Тома он рассказывает о рабочих пригородах столицы:

*«[...] ужасающая нищета. Эпидемии: тиф, оспа, детские заболевания. Массовая детская смертность. Дети на улицах обессиленные, истощённые, жалкие. В рабочих кварталах нередко встретишь несчастных мам, бледных, худых, скорбно несущих в маленьком, как колыбель, сосновом гробике неподвижное тельце, которому самая малость хлеба или молока спасли бы жизнь».*²

Болезни уносили больше жизней, чем боевые действия. Кривая смертности поражает: до 1918 года этот показатель в Петрограде был близок к довоенному уровню (22 на тысячу); в 1918-м он удвоился, а в 1919-м вырос ещё почти в два раза, достигнув 80 на тысячу (главным образом из-за тифа). Ожидаемая продолжительность жизни в стране рухнула до беспрецедентных 19,5 лет для мужчин и 21,5 года для женщин. На фоне этого сокращалась и петроградская организация большевиков – та самая, которая составляла ударный отряд Октябрьской революции: из 43 тысяч членов, числившихся в октябре 1917 года, к июню 1918 года осталось только 13 472 человек.

Большевики оказались перед лицом действительного, жизненного противоречия: чтобы победить капитализм и «отстоять власть эксплуатируемых»³, нужно было как минимум восстановить капиталистическое производство, а вместе с ним и эксплуатацию. Без этого все попытки заложить основы для социалистической экономики рисковали остаться лишь «суммой декретов»⁴. Ставка была сделана на то, чтобы поднять производительность труда, но для этого требовалось повысить технологический уровень, что в условиях войны и изоляции было практически невозможно. Кроме того, передовые рабочие

2 - Садуль Ж. Записки о большевистской революции. 1917–1919. М.: Книга, 1990. С. 249–250.

3 - Ленин В. И. Речь на торжественном заседании пленума московского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, МК РКП(б) и МГСПС, посвящённом 3-ей годовщине Октябрьской революции, 6 ноября 1920 г. // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 42. С. 27.

4 - Там же. С. 30.

оказались на фронте, а не у станков, что ослабляло аппарат управления экономикой и физически истощало кадровый пролетариат.

Трагизм ситуации ярко проявился в 1918 году на примере Бакинской коммуны. Отрезанное от продовольственных баз России, правительство С. Шаумяна не решилось послать продотряды в азербайджанскую деревню из страха спровоцировать крестьянские восстания в тылу. Это обрекло рабочих Баку на жесточайший голод и вынудило большевиков пойти на блок с армянскими националистами (партией “Дашнакцутюн”) против наступающих турецких войск. Этот вынужденный компромисс привёл к тому, что подавление контрреволюции приобрело, по признанию самого Шаумяна, характер национальной резни между армянами и тюрками. Голод, этнические чистки и изоляция подорвали классовую базу Советов, позволив правым социалистам свергнуть большевиков и сдать город британским империалистам. Баку стал кровавым уроком того, как объективная материальная нужда ломает пролетарскую линию.

АГРАРНЫЙ ТУПИК И КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОССТАНИЯ

Разруха гражданской войны и продразвёрстка привели к колоссальной поляризации сельского населения. Ни о каком добровольном переходе к коллективному труду не могло быть и речи. Например, в Вятской губернии к 1925 году на 4,2 млн десятин⁵ общинной земли губернская комиссия смогла найти лишь 11 живых коммун и 39 артелей.

Мелкий собственник органически ненавидел коммунизм. В докладе Яранской ЧК (май 1919 г.) констатировалось: *«На партию коммунистов крестьяне смотрят как на что-то большое и опасное»*⁶. Коммуниста *«надо сторониться... В глазах крестьянства он не авторитетен, это человек, забывший бога»*.⁷ В Кадамской волости отношение к Советам было откровенно враждебным из-за поведения самих представителей власти: *«грубое обращение с населением, “стрельба по гражданам из ружей”, произвольные конфискации»*⁸.

Архивные данные по типично аграрным губерниям обнажают ту чудовищную отсталость, с которой столкнулся пролетарский авангард. В Вятской губернии, например, к началу 1920-х годов деревня оставалась в плену вековых пережитков. Главную роль здесь играла архаичная община. По данным переписи 1916 года, безлошадные и одолошадные крестьяне составляли 76,7 %, а домохозяйств без посевов и с посевами до 10 десятин насчитывалось 80,6 %.

Крестьянство, получив землю, стремилось лишь к одному – стать независимыми товаропроизводителями. Любые попытки социализации наталкивались на глухую стену. Инструктор-организатор Георгий Ильичёв докладывал из вятской деревни, что крестьяне внимательно слушают рассказы о коммунизме, *«на всё соглашались»*, но, когда речь заходит об отмене частной собственности, решительно протестуют. Они частную собственность *«отстаивают, хотя ничего не имеют...»*⁹. Горизонт крестьянской мечты выразил председатель Яранского укома А. Яранцев: *«Главный идеал крестьянина – хозяйство, дающее возможность жить и независимо чувствовать себя...»*¹⁰.

Социальный взрыв в деревне провоцировался не только продразвёрсткой, но и попытками государства искусственно расколоть общину через Комитеты бедноты (комбеды), созданные в июне 1918 года. Подавляющее большинство крестьян воспринимало их просто как враждебное вмешательство государства извне. Часто они состояли из военных, пришлых людей или партийцев. В Тамбовской губернии треть членов комбедов вообще никогда не занималась сельским хозяйством. Крестьянство отчаянно сопротивлялось. Только в течение 1918 года было убито 7 309 членов продотрядов, а ЧК насчитала более 100 крестьянских восстаний до конца года.

Как показывают события на национальных окраинах, социальный инстинкт крестьянства неизменно брал верх над проектами национального строительства крупной буржуазии, но лишь до тех пор, пока речь шла о захвате земли и защите своего мелкого хозяйства. На Украине крах бур-

5 - 1 десятина = 1,09 га.

6 - Тимкин Ю. “Хождение крестьянина в компартию и обратно”: волостные крестьянские организации РКП(б) в 1918–1920 годах (по архивным материалам Вятской губернии) // Крестьяноведение. 2022. Т. 7. № 2. С. 52.

7 - Там же. С. 52–53.

8 - Там же. С. 57–58.

9 - Там же. С. 56.

10 - Там же. С. 53.

жуазно-националистической Центральной рады в начале 1918 года был предопределён её промедлением в земельном вопросе: крестьянство массово переходило на сторону большевиков, предлагавших радикальную аграрную реформу. Однако, как только советская власть попыталась изъять хлеб методами военного коммунизма, это вызвало колоссальную повстанческую волну 1919 года, дезорганизовавшую тылы. Мелкий собственник сопротивлялся пролетарской диктатуре с одинаковой силой, вне зависимости от того, на каком языке к нему обращались продотряды.

Враждебный многомиллионный океан мелких собственников диктовал свои условия изолированной пролетарской власти. Из этой же самой среды, разлагающейся под давлением экономического кризиса, государственная машина черпала свои низовые кадры.

Государственный аппарат, проводя политику продовольственной диктатуры, безжалостно давил мелкобуржуазную стихию. При этом само изъятие аграрной продукции сопровождалось тотальным разложением самих структур власти. В Тамбовской губернии многие местные коммунисты голодали наравне с крестьянами и осуждали продразвёрстку, зачастую бросая партийную работу ради элементарного пропитания семей. В то же время формирующаяся номенклатура отрывалась от масс. Как отмечают историки, «часть партийного руководства встала на путь злоупотреблений, открытого воровства, что в условиях “прозрачности” сельского бытия не могло остаться незамеченным и не вызвать озлобленности у рядовых крестьян»¹¹. Именно этот открытый произвол и грабёж со стороны “пролетарской власти” стал одним из детонаторов Антоновщины – гигантского крестьянского бунта, потопленного в крови с помощью регулярной армии. В конце 1920 – начале 1921 года вооружённые восстания охватили Западную Сибирь, Тамбовскую, Воронежскую губернии, Среднее Поволжье, Дон, Кубань, Украину, Среднюю Азию. К весне 1921 года они полыхали практически по всей стране. Общая численность жертв в этих повстанческих войнах исчислялась сотнями тысяч.

В общероссийском масштабе конфликт города и деревни приобрёл тотальный характер.

К 1921–1922 годам число так называемых “иждивенцев” – армии, чиновников и различных слоёв городского населения, обеспечиваемых государством за счёт изъятия хлеба у деревни, – достигло фантастической цифры в 35 миллионов человек, ложась непомерным грузом на сельское хозяйство.

Всё более взрывоопасной становилась ситуация и в городах. Не хватало продовольствия, многие заводы и фабрики закрывались из-за нехватки топлива и сырья, рабочие оказывались на улице.

Особенно тяжёлое положение в начале 1921 года сложилось в крупных промышленных центрах, прежде всего в Москве и Петрограде. Были сокращены нормы выдачи хлеба, отменены некоторые продовольственные пайки, возникла угроза голода. Обострился топливный кризис. 11 февраля 1921 года было объявлено о закрытии до 1 марта 93 петроградских предприятий. Среди них такие гиганты, как Путиловский, Сестрорецкий, “Треугольник” и другие.

Уже в ноябре 1920 года, подводя итоги трёх лет революции, Ленин вынужден был открыто признать:

*«Мы тогда знали, что наша победа будет прочной победой только тогда, когда наше дело победит весь мир, потому что мы и начали наше дело исключительно в расчёте на мировую революцию».*¹²

Но спад революционной волны в Европе поставил большевиков в патовую ситуацию. Они получили в наследство от капитализма «не только разрушенную культуру, не только разрушенные заводы, не только отчаявшуюся интеллигенцию», но и «разрозненную, тёмную массу, одиночек-хозяев, [...] неумение, непривычку к общей солидарной работе, непонимание того, что нужно поставить крест над прошлым»¹³.

Именно это культурное и экономическое убожество изолированной, разорённой страны заложило фундамент грядущей трагедии. На фоне тотального разрушения материального базиса неизбежно должен был начаться процесс политического отступления.

Июнь 2026 г.

11 - Муравьёва И. Фонды волостных комитетов ВКП(б) как источник по истории Тамбовского крестьянского восстания 1920–1921 годов // Грамота. 2017. № 6 (80). Ч. 2. С. 76.

12 - Ленин В. И. Речь на торжественном заседании пленума московского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, МК РКП(б) и МГСПС, посвящённом 3-ей годовщине Октябрьской революции, 6 ноября 1920 г. // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 42. С. 1.

13 - Там же. С. 5.

ЗЕРКАЛО ДЛЯ ГЕРОЯ

Этот текст, написанный в марте 1999 года, мы достаём из архивов не ради ностальгии, а как важную веху нашего политического взросления. Его главный посыл бьёт в самую точку и сегодня: пора «посмотреть в зеркало» и взять организационную ответственность на себя. Мы по-прежнему убеждены, что бессмысленно ждать, пока массы «созреют» сами по себе, или оправдывать собственное бездействие кознями оппонентов и историческими обстоятельствами. Наш отказ от токсичных союзов с националистами, стремление к объединению усилий с интернационалистами всего мира и призыв перестать использовать работы классиков в качестве удобных на тот или иной случай цитат остаются нашим неизменным фундаментом.

Конечно, за прошедшее время капитализм совершил качественный скачок в цифровую и платформенную эру. Изменился и сам пролетариат: жёсткое разделение на фабричных рабочих и “теоретизирующую интеллигенцию” стёрлось. Курьер, фабричный рабочий, программист или учитель одинаково отчуждены от результатов своего труда. К листовкам у проходных заводов добавилась сложная борьба за внимание в перенасыщенном информационном поле, но суть нашей работы осталась прежней.

Нет в России революционной партии пролетариата. И рабочий класс никак не хочет осознавать своей исторической задачи. И проклятые сионисты, троцкисты, сталинисты (каждый может подчеркнуть то, что ему не нравится) своими гнусными провокациями не дают марксистам объединиться и организовать пролетариев на “преодоление отчуждения”. Хоть в петлю лезь. А буржуинам только этого и надо, не так ли? Так может проблемы не так велики, как их малюют? Не пора ли коммунистам поверить в свои силы и самим заняться настоящим делом.

Прописная истина – *«Мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями»*¹ (“Немецкая идеология”). Кроме того: *«С дальнейшим ростом капиталистического произ-*

*водства развивается рабочий класс, который по своему воспитанию, традициям, привычкам признаёт условия этого способа производства как само собой разумеющиеся естественные законы»*² (“Капитал”). Отсюда следует, что не стоит ждать “у моря погоды” – пока пролетариат “созреет” и “выродит” свой авангард – компартию. На самом деле категории экономический класс как большая группа людей, занимающих определённое место в процессе общественного производства, и класс как субъект политической борьбы совпадают не идеально, а с некоторым “смещением”. Чем больше нарастают противоречия общества, тем больше представители “средних” и даже “высших” классов осознают необходимость революционных преобразований.

1 - Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 3. С. 45.

2 - Маркс К., Капитал. Том первый. Книга I: Процесс производства капитала // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 23. С. 747.

Процесс развивается параллельно: с одной стороны, стихийное рабочее движение за лучшие условия труда и жизни принимает определённые формы (профсоюзы, советы), с другой – в рядах интеллигенции (которой существующим общественным разделением труда досталась монополия на развитие мысли) созревает теория социалистического переворота и методов его достижения. Только при соединении этих двух потоков рождается революционная партия пролетариата – коммунистическая партия.

Процесс описан в принципе. Но не устарел ли он?

Что касается теории, то здесь современным марксистам гораздо легче, чем их предшественникам начала века, но в то же время и сложнее. Легче потому, что за последние сто лет капитализм развивался исключительно вширь, никаких качественных скачков он совершить уже не в состоянии. Сложнее потому, что имеется громадный отрицательный опыт “строительства социализма”, который по полной программе используется буржуазной контрпропагандой. Поэтому объяснение, причём с точки зрения диалектического материализма, истории XX века является одной из главнейших задач учёных рубежа двух тысячелетий. Но это всё-таки история, и она не должна служить камнем преткновения для современных коммунистов – *мы стоим перед необходимостью новой революции*, поэтому главным сейчас должно быть понимание необходимости совместных действий, несмотря на такие теоретические разногласия. Объединение невозможно с приспособленцами, с теми, кто задачи политического самосохранения ставит выше интересов общей борьбы. Объединение невозможно с теми, кто стоит за союз с “национальной” буржуазией против “компрадорской” в интересах якобы национально-освободительного движения России. Антисемитские высказывания не могут быть оправданы никакими, даже самыми благородными, намерениями.

Объединение не желательно с теми, кто прославляет “гуманизм” и “демократию” в отрыве от классового смысла этих понятий, что на деле выливается в примитивный анархизм и связывает рабочий класс по рукам и ногам. Объединяться нужно тем, кто единственную проблему видит в отсутствии авангарда пролетариата, потому что таким людям не хватает только одного шага – посмотреть в зеркало!

Если мы осознали необходимость социалистической революции, если мы видим, что единственной способной на это силой является организованный и активный рабочий класс, если мы уже

ведём работу по просвещению и организации эксплуатируемых масс – значит, мы и есть тот самый авангард пролетариата. Только мы действуем разобщённо, любительски, а надо – масштабно, профессионально, централизованно.

Тогда и рабочие нас “заметят”. Ведь классовое сознание появляется не столько в силу “экономического происхождения”, сколько в ходе классовой борьбы, а мы как раз этим и занимаемся. Рабочий класс может породить и трудовиков, и националистов, и “пофигистов” – здесь нет ничего удивительного. Наивно каждое выступление рабочих считать началом революции. Наоборот, нельзя пускать дело на самотёк, нужно усиливать пропаганду и собственное организаторское присутствие в коллективах вплоть до создания партакчеек (пусть даже и нелегальных). Но серьёзно работать в этом направлении невозможно без координации усилий с марксистами всего мира, начиная с тех, до кого проще и быстрее дотянуться.

Задачу просвещения рабочего класса многократно облегчает наличие легальной марксистской литературы, но осложняет слишком широкий её спектр. Поэтому коммунистам самим необходимо выйти за пределы ложной дилеммы “Сталин – Троцкий” и “углубиться в классиков”. Авторитетом может быть признан только тот теоретик, чьи размышления подтвердились практикой. Таких после Ленина назвать вообще трудно, разве что отдельные положения отдельных товарищей. Поэтому необходимо стоять на принципиальных лозунгах марксизма, не ссылаясь слишком часто на какие-либо фамилии. Классики завещали нам развивать теорию, а не толочь воду в ступе, чем занимаются последние лет семьдесят.

Конечно, можно ещё подождать, пока все рабочие самостоятельно изучат (если захотят) “Капитал” и “Манифест Коммунистической партии”, но не со служим ли мы этим самым хорошую службу нашим врагам – капиталистам? Очень легко оправдывать собственное бессилие “неготовностью” пролетариата, но откуда ей взяться, готовности-то?

Наблюдается явное повышение интереса рабочих к нашей пропаганде, так не пора ли взяться за ум? Кто-то же должен это сделать?!

Тянуть дальше – преступление перед рабочим классом России и всего мира.

Пролетариат никогда не сможет стать “классом для себя”, если мы – его авангард – не сможем осознать своё внутреннее единство.

Март 1999 г.

ПОДХОД К ВОПРОСУ О ПАРТИИ

ОТ РЕДАКЦИИ

Группа “Коммунистический Прометей” не считает себя мировой коммунистической *«партией или даже единственным её зародышем»* и рассматривает свою деятельность *«как часть практического движения к коммунизму, как борьбу за создание этой партии»*. Исходя из этого, мы считаем важным обмениваться опытом и вести дискуссии с другими интернационалистскими коммунистическими организациями. Данный текст написан товарищами из *Battaglia Comunista*, он продолжает серию публикаций документов, статей и материалов других коммунистических организаций, ознакомление с которыми мы считаем частью теоретического наследия марксизма и важным элементом в формировании классового сознания мирового пролетариата.

ОТ АВТОРА

Одной из причин написания данной статьи – возможно, главной – было стремление показать, какую роль должна была бы сыграть революционная партия во время забастовки шахтёров в Англии, если бы такая партия тогда существовала. Напомним, что это событие стало важнейшим эпизодом классовой борьбы в 80-е и 90-е годы, накануне краха фальшивого социализма в СССР. По сути, содержащиеся в статье политические установки были направлены на разоблачение привычного реформизма, на борьбу против национального капитала и отечественной буржуазии. В тексте, как и всегда, подчёркивалась необходимость установления связи шахтёров с остальной частью английского рабочего класса, а также насущность создания рабочих комитетов и так далее...

Вторая причина касалась теоретических разногласий с бордигистами по вопросу о роли партии. Последние в то время колебались между идеей отвоёвования старых профсоюзов и созданием новых “классовых профсоюзов” (в зависимости от того, куда дул ветер), совершенно не принимая во внимание возможность возникновения органов борьбы вне и против профсоюзов.

Третьей причиной была полемическая битва против позиции ИКТ (ИСС; Интернационального коммунистического течения). ИКТ связывало роль партии исключительно с “обобщением борьбы”, полагая, что обо всём остальном пролетариат позаботится самостоятельно...

И сегодня этот вопрос остаётся актуальным – но уже не в той форме, как прежде, когда спор вели марксисты и анархисты, сторонники рабочих советов, синдикалисты и большевики. Он предстаёт в более тонкой, почти неуловимой форме, но от этого не становится менее опасным. Внутри самой “коммунистической левой” вопрос о партии по-прежнему стоит на повестке дня.

В мрачном туннеле контрреволюции – понимаемой не просто как триумф сталинизма в России, но, прежде всего, как извращение основополагающих принципов революционного учения, – пересмотру подверглись также роль и функции классовой партии.

Под вопросом не партия как таковая, а её отношение к классу, уникальность её политической функции в классовой борьбе, вечно актуальный вопрос о сознательности и её сохранении в так называемые контрреволюционные фазы, и, наконец, тактика как конкретное выражение политической сущности партии.

Категория “партия”, наряду со многими другими, испытала на себе тяжесть критики как справа, так и слева – в механистическом или идеалистическом ключе, – не столько как особый объект изучения и осмысления, сколько как придаток контрреволюционного процесса, поразившего самые основы новорожденного пролетарского государства русского Октября.

Немало политических сил – в попытке задним числом осмыслить главные причины, которые способствовали поражению русской революции (если не определили его) – ухватились за деятельность большевистской партии во время и особенно после взятия и осуществления власти.

Одни видели среди главных причин, способствовавших развитию сначала ревизионистской, а затем и контрреволюционной идеологии, недостаточную централизацию партии, слишком зависимую от “чуждых” факторов, таких как советы (особенно, если они не были чисто рабочими). Другие, подходя к вопросу с противоположного полюса, полагали, что неизбежные предпосылки процесса вырождения кроются в самой структуре партии, в её тоталитарном централизме принятия решений и в предполагаемом “субституционизме”¹.

Опасения понятны, но выводы из них ошибочны.

То, что в двадцатые и тридцатые годы – а для опоздавших, как известно, сроков не существует – авангардные силы должны были дать аналитическое объяснение пути, по которому пошла Россия, полностью соответствовало их первоочередным задачам: как с точки зрения внутренних социально-экономических аспектов, так и ради той роли, которую республика советов могла бы ещё сыграть с революционной точки зрения на международной арене.

Первый грандиозный революционный опыт, позволивший русскому пролетариату создать политические условия для перехода к социализму через абсолютно необходимую форму правления в виде его диктатуры – как первый революционный этап желаемого международного процесса, – начал демонстрировать признаки постепенного истощения.

Тогда, как и сегодня, дать правильную интерпретацию этому явлению было и остаётся условием того, чтобы даже тяжёлое поражение могло стать отправной точкой для будущей победы мирового пролетариата.

Вместо этого очень часто совершалась ошибка: формы и темпы процесса вырождения путали с породившими его причинами.

Первым огромным подводным камнем, о который разбился большевистский революционный опыт, стала международная изоляция, усугублённая крайне отсталой внутренней экономикой. Невозможность выстроить костяк нового общества в замкнутых рамках национального опыта, острая необходимость хоть как-то решить самые элементарные проблемы физического выживания и оппортунистическая надежда выстоять в международном капиталистическом окружении даже ценой всё большего отказа от идеалов самой революции – всё это послужило благодатной почвой для контрреволюционной идеологии и практики.

Чем сильнее сжимали свои тиски изоляция и вражеское окружение вокруг большевистского опыта, тем больше червь контрреволюции находил себе пищу в самих структурах революционной власти, в органах управления государством, в отношениях между партией и классом и в самой партии.

1 - Подмена класса партией (прим. пер.).

Было фатально неизбежно, что в условиях противоречия между революционной надстройкой, ориентированной на социалистические преобразования, и экономическим базисом, всё ещё опирающимся на капиталистические категории (на фоне абсолютно негативной международной обстановки), верх возьмёт именно последний. Экономика заблокировала революцию на первой ступени, не позволив ей шагнуть на вторую – к социалистическому созиданию. Кроме того, было неизбежно, что при сохранении изоляции задача укрепления производственной базы (которое по-прежнему происходило в рамках капиталистических экономических категорий, пусть и на уровне государственного управления) в конечном итоге подчинит, размоет и, наконец, сметёт те самые политические надстройки, которые победили в революции.

Партию тоже смело. Более того, политическое поражение началось именно оттуда – как неизбежное отражение неблагоприятной внутренней и внешней ситуации, которой невозможно было управлять бесконечно. Те, кто считает, что всё пошло бы иначе, будь там партия иного типа – ещё более централизованная и менее зависимая от факторов, не являющихся “чисто классовыми”, или, наоборот, более открытая к запросам различных социальных слоёв (в зависимости от предпочтений комментаторов), просто хватают быка за хвост, а не за рога. Те, кто ищет ключи к пониманию поражения русской революции в ленинской концепции партии, встали на путь политической путаницы и ревизии одного из фундаментальных столпов классовой борьбы.

Гарантия успеха революции не состоит ни в идеалистической абсолютизации образа чистой и непорочной партии, ни в вульгарно-прагматической концепции партии, открытой для любых тактических компромиссов. И всё же этими разрушительными путями пошли даже представители “коммунистической левой”.

В очередной раз плохое усвоение событий послереволюционной фазы в России привело многих к путанице между причинами и формами протекания контрреволюционного процесса. Это породило опасную самонадеянность, будто бы в переосмыслении того, чем является партия, её роли и её отношений с классом при осу-

ществлении власти кроется панацея если не от всех недугов, поразивших международное рабочее движение, то по крайней мере от самых главных.

ЧТО ТАКОЕ ПАРТИЯ

«В тезисах о задачах Коммунистической партии в пролетарской революции, одобренных вторым Конгрессом Коммунистического Интернационала – тезисах, глубоко и по-настоящему вдохновлённых марксистским учением, – в качестве отправной точки берётся определение отношений между Партией и классом и устанавливается, что классовая Партия может включать в свои ряды лишь часть самого класса, но никогда не весь класс целиком, и, возможно, никогда даже не его большинство»².

«Партия живёт, когда живут доктрина и метод действия. Партия – это школа политической мысли, а следовательно, организация борьбы. Первое – это факт сознания, второе – факт воли, точнее, устремлённости к определённой цели»³.

Мы приводим эти два коротких, синтезных, но предельно ясных, отрывка Бордиги по вопросу о партии не потому, что разделяем все следствия из них (особенно те, что были высказаны им позднее), а потому, что это непреложные отправные точки.

Прежде чем стать политико-программной проблемой, вопрос о том, что такое партия, по своему содержанию отсылает к её отношению с классом. Иными словами, должна ли партия – именно потому, что она является политическим органом классовой борьбы, высшим стражем не только непосредственных, но прежде всего исторических интересов рабочего класса – включать в себя его подавляющее большинство или лишь часть? Может ли часть представлять интересы целого, или же верна обратная формулировка?

Если оставить в стороне лабиринты политического византизма, исторически этот вопрос сводился к различению между кадровой и массовой партией.

Под влиянием большевистского опыта и политики Третьего Интернационала в конце 1910-х – начале 1920-х годов возникло большинство коммунистических партий – в виде революционных авангардов рабочего класса,

2 - А. Бордига, “Партия и класс” (Partito e classe), в журнале Rassegna Comunista, год 1, № 2, 15 апреля 1921 г.

3 - Там же.

то есть в виде сравнительно узких организаций, представлявших пролетариат, в виде кадровых партий. Если отбросить чисто генетический аспект (в силу которого подавляющее большинство новых партий вышло из недр старых социал-демократических организаций Второго Интернационала, претендовавших на статус массовых, и позиционировало себя в качестве политического противовеса – как революционное “меньшинство” по отношению к реформистскому “большинству”), тезис о кадровой организации лучше соответствовал диалектике фактов, чем идеалистическим амбициям. А главное, он соответствовал единственному подлинно революционному эпизоду – большевистской революции.

Доктрина и метод действия как предпосылки сознания и воли могут быть достоянием лишь меньшинства, лишь части класса. Представление о возможности достижения полного сознания как постепенного завоевания “духа”, а значит, и всего класса целиком, относится к идеалистической практике.

История достаточно ясно показала, что сознание, доктрина и метод рождаются из опыта классовой борьбы, но при этом лишь в определённые моменты и при определённых условиях класс может сплотиться вокруг политической программы.

Экономическое и политическое господство буржуазии всегда таково, что препятствует развитию сознания в масштабе всего класса. Слишком много факторов разлагают и дробят классовое сознание. Фраза Маркса о том, что господствующая идеология – это идеология господствующего класса, – не словесная абстракция и не дежурная цитата, а точнейший синтез реального положения вещей – как вчера, так и сегодня. Поэтому сознание и программа, будучи историческим достоянием всего класса (как сумма и синтез эпизодических и частичных аспектов), на деле являются действенным политическим достоянием лишь его части. Именно по этой причине партия – это наиболее передовая и сознательная часть класса, которая объединяет его опыт, направляет в единое русло его усилия и одновременно преодолевает его ограниченность.

Идеалистическая концепция, стремящаяся представить политическое становление класса как автономный процесс обретения сознания,

неизбежно сводит роль партии к маргинальным и второстепенным задачам: то к ускорению классовой борьбы, то к организации экономической борьбы, то к своего рода “генеральному штабу” пролетарской армии. Тем самым отрицается её главная роль – роль незаменимого политического инструмента классовой борьбы как синтеза доктрины, метода, сознания и боевой решимости.

Верно, что эти факторы можно обнаружить в классе, но лишь в частичном и прерывистом виде: они проявляются в фазы подъёма борьбы и практически исчезают или искажаются в периоды полного подчинения или поражения. Только в партии все эти элементы могут найти единое и непрерывное выражение. Только внутри политического авангарда объединяются, тактически и стратегически упорядочиваются все те импульсы, что бурно рождаются в классовой борьбе, зачастую вопреки экономистской стихийности, цеховой замкнутости и корпоративизму и в борьбе с ними.

Уловка, за которую цепляется старый и новый идеализм, лишь бы не отказываться от своих установок в вопросе сознания и самоосвобождения пролетариата, кроется в простом силлогизме: как можно построить новый экономический и социальный порядок, как реализовать политический проект по уничтожению классов, если субъект этих революционных преобразований – пролетариат – не осознаёт своих целей? Либо пролетарская революция и построение коммунизма являются плодом исторической случайности (столь же маловероятной, сколь и стихийной), либо осознание политического акта должно быть достоянием класса, всего класса, а не чего-то, находящегося извне.

Прежде всего, следует отметить, что идеалистический подход упорно рассматривает класс и партию как две различные, едва ли не чуждые друг другу категории. Класс для него – это объект, а партия – дополняющий, но чужеродный фактор, который приносит “извне” нечто такое, что не принадлежит классу полностью – сознание, – и потому отличается от него. Отсюда следует, что если революция, а затем и социализм, являются выражением сознания и воли, то они либо принадлежат классу, либо не существуют вовсе. Если же они становятся атрибутами партии, то, с точки зрения этого подхода, возникает своего рода процесс, в котором фак-

тор сознания либо вовсе отсутствует, либо оказывается вне революционного субъекта.

Но партия в диалектическом понимании – это часть класса, а не его более или менее важный придаток или, тем более, инородное тело. Именно элементы самого класса – наиболее сознательные, политически подкованные и решительные – формируют кадры партии (наравне с перебежчиками из другого класса, при условии, что они полностью принимают революционную программу пролетариата). Из самих недр класса выкристаллизовывается его авангард. Вот почему бесконечные варианты отношений партии и класса, равно как и вопрос о сознании, должны рассматриваться либо как глубинная диалектическая связь между двумя способами бытия и выражения одного и того же класса, либо же мы скатываемся в схоластику о том, что “сверху”, а что “снизу”, что “внутри”, а что “снаружи”, выдумывая гегельянские сказки о процессе взросления “Я” класса. Только через свой авангард, то есть партию, класс может и способен выразить себя сознательно и монолитно.

Класс в своём изменчивом проявлении, обусловленном экономическим и политическим подчинением буржуазии, то идёт в атаку, то отступает, одерживает победы и терпит поражения, выдвигает бесчисленные требования, которые всегда носят частичный, ограниченный, а порой и противоречивый характер. В определённые исторические фазы своего существования он врывается на социальную сцену с силой и яростью, пробуждёнными самими объективными условиями, а отнюдь не какой-то чёткой программой.

Диалектическая концепция никогда не питала иллюзий относительно того, что сознание в классе якобы созреет само собой, а вслед за этим возникнет и революционное движение. Если бы большевистская партия и Ленин ждали завершения такого процесса, они не только столкнулись бы с множеством трудностей, но и сама Октябрьская революция не увидела бы свет ни в 1917 году, ни в последующие десятилетия.

Проблема всегда заключалась в другом: связать стихийность отдельных слоёв или подавляющего большинства класса с программным аспектом его политического меньшинства. Другими словами, лишь при наличии партии требования отдельных секторов могут стать общеклассовыми, экономические претензии

могут выйти за свои примитивные рамки и обрести политический характер, а ситуативное содержание борьбы отдельного сегмента класса может быть встроено в стратегическое видение.

Кадровая партия и её количественная ограниченность являются не результатом элитарного выбора, а следствием самого реального хода классовой борьбы. В своём развитии вплоть до революционного события она вынуждена испытывать гнёт экономического и политического господства буржуазии. Буржуазия дробит и изолирует стачки, стравливает интересы разных категорий трудящихся и, что самое главное, затуманивает сознание до такой степени, что историческая цель становится всё более размытой и далёкой.

Утопично и политически глупо полагать, что в особо благоприятной (революционной) ситуации классовая партия сможет объединить в своих структурах весь класс или его численное большинство. Этого никогда не произойдёт нигде, кроме как в умозрительных конструкциях идеализма. Но что должно произойти – так это то, чтобы в фазы лобового столкновения за партией стояли (позади, а не внутри неё) широчайшие массы, иначе надеяться на революционный исход бессмысленно.

Концепция массовой партии как альтернатива или противоположность кадровой партии начинает прокладывать себе путь в политических перспективах Третьего Интернационала (и, соответственно, в тактике коммунистических партий) одновременно с началом процесса политической ревизии, разворачивавшегося во всё более изолированной России начиная с 1921 года. На этом этапе теоретическая разработка концепции массовой партии стала логической попыткой найти “квадратуру круга” на базе единых фронтов. Это был первый шаг к реабилитации социал-демократии и идеи рабоче-крестьянского правительства с целью постепенного отхода (и далеко не только терминологического) от диктатуры пролетариата.

Если “тактической” целью больше не являлась пролетарская революция для свержения буржуазных правительств, а стала своего рода “тактическая коалиция” с социал-демократией ради гибридного правительства (подлинная, но ещё не заявленная цель которого состояла в окружении России лояльными режимами), то от политически закалённых партий, сто-

ящих на твёрдых революционных позициях, но неспособных оказывать влияние на буржуазные институты, было мало проку. Для этой новой цели гораздо лучше и быстрее подошли бы массовые партии, более гибкие в тактическом отношении, более открытые к межклассовым запросам – партии, способные заставить услышать свой голос не только на площадях, но и в традиционных институтах буржуазной власти. Отсюда следовало: чем шире социальные слои, находящие место внутри партийной организации, тем больше её политический вес. Если международная революция задерживается, нужно было по крайней мере укрепить то революционное, что существовало в России. Будущих “могильщиков” революции мало волновало, что сами завоевания Октября могли быть сохранены и приумножены только при условии содействия другим революционным вспышкам. Либо Россия вырвется из изоляции, либо она схлопнется внутри себя без единого шанса на спасение.

Но новый путь был уже проложен, и оставалось только пройти его до конца. И на этом пути абсолютно не было места тем самым кадровым партиям, которые всего несколько лет назад родились в революционной перспективе.

Трансформация кадровых партий в массовые была вызвана не сменой тактического курса под диктовку текущих трудностей (что само по себе крайне опасно, но обратимо), а изменением стратегической цели.

Как только возможность построения социализма в одной стране была провозглашена в пику пролетарскому интернационализму, стратегический ориентир Третьего Интернационала свёлся к роли спасательного пояса для России. Иными словами, по мере того, как перспектива международной революции всё больше низводилась до уровня обслуживания нужд “домашнего социализма”, потребность в революционных авангардах неуклонно падала, а необходимость в массовых партиях звучала всё громче.

Раз цели кардинально изменились, пришлось адаптировать и оперативные средства. Невозможно было добиваться создания левых правительств, которые послужили бы политическим буфером для слабых российских структур, не

вооружив Третий Интернационал соответствующими инструментами.

ИДЕАЛИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ВОПРОСУ О ПАРТИИ

Именно отталкиваясь от проблемы сознания и формируются различные позиции о роли и функциях партии.

Согласно самой чистой идеалистической трактовке, если сознание – это внутренний феномен класса в целом, если это некая чистая духовная категория, необратимый фактор самосознания, стоящий выше социальной обусловленности, то необходимость в партии автоматически отпадает или колоссально сужается. Если бы класс в целом был способен органично расти в унисон с событиями, раз за разом преодолевая в ходе борьбы внутренние расколы и чисто экономистские требования, если бы он мог придавать своим устремлениям монолитность и всё более прогрессивные политические перспективы, а главное – глобально вырабатывать революционную программу и последовательную тактику, тогда партия не только была бы не нужна, но её громоздкое присутствие в ходе классовой борьбы оказывало бы негативное влияние, а то и вовсе тормозило бы постепенную эволюцию сознания и его потенциальные политические завоевания.

Поэтому единственными структурами, способными выполнять организационные и политические задачи, объявляются те, что стихийно возникают в ходе борьбы как сознательный акт осуществления как немедленных тактических, так и стратегических потребностей. Присутствие же партийной организации внутри этих институтов якобы искажило бы их классовую природу, подчинило бы их определённой политической линии и, более того, внесло бы в них зародыши контрреволюции.

Консилиаристы⁴ и анархисты всех мастей, сделавшие из этой установки своеобразную догму, не только приходят в ужас при одном лишь упоминании партии, но и, крепкие задним умом, доходят до того, что возлагают на неё ответственность за провал русской революции.

Но даже не доходя до подобных крайностей и не перенимая всецело те методы и условия, которые фактически поставили анархистские и консилиаристские движения вне марксистских

4 - Сторонники рабочих советов (прим. пер.).

революционных позиций (и против них), идеализм, выгнанный в дверь, часто возвращается в окно в самом лагере сторонников партии. Примером могут служить те группировки, которые клянутся и божатся в незаменимости классовой партии, но на деле выхолащивают её задачу, сводя её вклад к скорее теоретической и абстрактной, нежели оперативно-эффективной функции поддержки. Или же представляют партию чистой оболочкой для идеологий, творцом “кабинетной” тактики, ревнивым хранителем “священных принципов”, но уже в силу этого неспособной встроиться в механизмы классовой борьбы. А эта борьба, вопреки метафизическим ожиданиям идеализма, всегда предстаёт сложной, противоречивой, порой коварной, никогда не прямолинейной и уж тем более не химически чистой.

Сколько раз история показывала, что класс в своей стихийности может перерасти мессианскую выжидательность, характерную для максималистских политических позиций, которые более пригодны для наблюдения за социальными процессами, чем для их политического направления к передовым целям.

В первом случае партия предстаёт генератором лозунгов, столь же общих, сколь и бесплодных: призывы к всеобщей забастовке, трансформации экономических стачек в политические, или требования радикализации – без вмешательства в “складки” самой борьбы. И самое главное – без создания тех инструментов связи с классом, вне которых любой лозунг, любое политическое указание остаются мёртвой буквой.

Подобная эфемерная позиция, сознательно отстраняющая себя на обочину бурного потока классовой борьбы, неизбежно вытекает из идеалистической посылки о том, что класс в любом случае сам разовьёт своё революционное сознание, выберет тактику и сформирует стратегические программы – и тогда партии остаётся лишь способствовать этому развитию, сохраняя безопасную дистанцию; либо же альтернатив нет во все – то есть делать попросту нечего.

В подобной картине роль политического авангарда низводится до уровня “ускорителя борьбы” – скорее в качестве декларативного определения, чем реального ориентира, – до функции “генерального штаба” класса, а не его политического синтеза. Результатом становится неспособность расти вместе с развитием требований борьбы, неспособность создать оперативные ин-

струменты для установления диалектической связи между стихийностью борьбы и её политическими целями. Иными словами, такие партийные концепции вынуждают авангарды работать на задворках классовой борьбы, на периферии, где они скорее будут сметены, чем политически повлияют на ход событий.

Во втором случае партия предстаёт как мумифицированная структура, питающаяся кодификацией собственных внутренних механизмов. Она – когда ей это удаётся – переживает смену “внешних” фаз, черпая силы скорее в собственных внутренних ресурсах, нежели в живительных политических соках, исходящих от классовой борьбы.

Если верно, что революционная партия может называться таковой лишь при условии, что она усвоила огромный багаж политических завоеваний, выработала и сделала действенным метод анализа, сумела определить тактические линии в соответствии со стратегической перспективой, то столь же верно и то, что всё это превращается в чистую организационную фикцию, если остаётся лишь в потенциальном состоянии, не воплощаясь в практических действиях или откладывая их до объективно более благоприятных условий.

Первое следствие, поразившее все организации, приспособившиеся к концепции партии как “ожидającego хранителя” (как инстинктивная реакция на длительный период контрреволюции на международной арене), заключается в следующем: чем больше они теоретизировали и практиковали невмешательство (считая вмешательство бесполезным или даже контрпродуктивным в сложившейся ситуации), тем больше они культивировали концепцию партии на основе завышенных оценок метафизического толка.

Чем больше партия отчуждалась и изолировалась от классовой борьбы, тем больше её специфические черты искажались в результате их доведения до бесконечности. Парадоксально, но если в первой идеалистической концепции партия оказывалась лишь придатком, внешним дополнением к развитию классовой борьбы, то во второй она в итоге приобретала черты “неподвижного перводвигателя”, чьи характеристики сводились к абсолютной непогрешимости, к самому механистическому и тупому централизму, к трансцендентной гипотезе отрицания внутренних противоречий как предвосхищения социализма.

Оба идеалистических подхода (как недооценки, так и переоценки структуры и роли партии до, во время и после революции) вытекают – в ограничительном или расширительном смысле – из ошибочного метода, из не до конца переваренных уроков русской революции и политически тягчайших десятилетий контрреволюции. Из-за этого усилия горстки передовых отрядов, которые так или иначе сопротивлялись, плывя против течения в попытке переосмыслить или уберечь несущие опоры революционной доктрины, могли полностью или частично поддаться бремени ревизии.

Остальное довершили изоляция и трудности установления прочных и долговременных связей с классом.

Очень часто добровольная или навязанная объективными условиями изоляция усиливала эти настроения, доводя до крайности как пассивность, так и её противоположность – активизм.

Хотя это может показаться абсурдным и противоречивым, лики идеализма могут быть разными, формы его выражения могут различаться, но суть метода всегда остаётся прежней. Чрезмерное выжидание, возлагающее решение всех проблем исключительно на внешнюю ситуацию, равнозначно слепому и прожектёрскому voluntarismу, который рассчитывает получить всё быстро и сразу. Последняя позиция всецело сохраняет идеалистическую матрицу, только располагается на другом полюсе.

Если партия – это синтез доктрины и действия, то в активистской версии акцент делается на содержании второго сущительного. В этой версии идеализм выходит за рамки деятельности, адекватной требованиям, которые предъявляет сама ситуация. Он выливается в voluntarистский активизм (“всегда и везде”), который, абстрагируясь от объективных условий, делает ставку на фактор партии как на триггер экономико-политических требований, как на “изобретателя” борьбы, как на сознательную субъективность, способную взломать рамки социального уклада независимо от самых элементарных законов детерминизма или даже вопреки им.

Подобная позиция не только не укладывается в каноны здравого смысла, но и искажает правильное диалектическое понимание связи между экономической ситуацией и классовой борьбой, между массами и авангардами. Она распахивает двери оппортунистической практике

в тот самый момент, когда ожидания неизменно разбиваются о реальность, которая, нравится нам это или нет, гораздо сильнее любого идеалистического подхода. Чем сильнее внешнее сопротивление – или по крайней мере, чем менее оно поддаётся преодолению, так что активизм по-ослиному лишь разбивает себе голову о стену, – чем больше организационные порывы растрачиваются на инициативы по оживлению борьбы, заведомо обречённые на неудачу, тем больше эти авангарды оказываются склонны идти на политические уступки ради достижения цели, которая в обоих случаях обречена на провал в силу суровой реальности.

Как часто, особенно в периоды застоя классовой борьбы, мы наблюдали, как мнимые авангарды совершали поспешные политические отступления – как в применении тактики, так и в переопределении “новых” стратегических целей – лишь бы потешить свой активизм “конкретными” связями с миром труда.

Так же, как прежде, революционное решение искали за каждым углом, в период последующего переосмысления были открыты “революционные реформы”, новые сферы вмешательства – почему бы и нет, даже буржуазные, – а предполагаемый и в любом случае неверно понятый рабочий “абсентеизм” был превращён в оправдание всевозможных оппортунистических идеологических кульбитов.

В этом смысле крючок всегда готов для того, чтобы на него клюнули. Если накал борьбы и уровень сознательности класса низки, почти сведены к нулю, то voluntarистский активизм – лишь бы не отказываться от своих антидиалектических схем – политически скатывается на тот самый уровень сознания, который он, напротив, должен был бы помочь поднять. Либо же в качестве крайнего средства он поворачивает вспять, окончательно теряет ориентиры и пытается любой ценой насиловать внешнюю реальность.

Оппортунизм в его экономистской и хвостистской версиях и тупое прожектёрство в террористической версии – это противоположные, но вновь имеющие один и тот же корень следствия, которые в последнее время проявились как в итальянском, так и в европейском варианте (за вычетом незначительных различий в формах и сроках).

В заключение: идеалистический подход в любой из трёх рассмотренных версий (индиффе-

рентной, внешней и волюнтаристской) ограничивает или извращает роль политических авангардов. Он сводит их либо к придатку классовой борьбы, либо к культурному, мифическому фактору, оторванному от нужд пролетариата, либо к истеричному активизму со всеми рисками возвратного реформистского оппортунизма в его волюнтаристском варианте.

МЕХАНИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ВОПРОСУ О ПАРТИИ

При анализе фактов и в вытекающей из него практической деятельности механизмы всегда проявлялся в редукционистской трактовке законов диалектики, их сведении к банальным отношениям причины и следствия. Если убрать фильтр между детерминирующей экономической ситуацией и миром воли, то даже в момент, когда первый фактор начинает проявлять своё действие, второй испытывает его влияние лишь через сроки и формы, опосредованные бесконечным множеством других факторов. В противном случае классическая связь между базисом и надстройкой кажется механистической связью причины и следствия, гораздо более близкой законам лабораторных химических экспериментов, чем диалектическому детерминизму.

В механистическом подходе, если исторически складывается ситуация А, то возможна лишь ситуация Б. Или, если перевернуть эту механистическую схему общественного развития, результат Б может наступить только при условии, что А уже проявилась.

Здесь методологически прослеживается скорее аристотелевская, чем марксистская школа. Тем не менее в истории рабочего движения механистическая интерпретация неоднократно накладывалась на диалектическую или даже подменяла её, открыто претендуя на то, чтобы наиболее полно и точно выражать её дух.

С точки зрения марксизма очевидно, что революционные события, классовые битвы, гражданские войны и в целом социальные потрясения, приводящие в движение миллионы людей, не падают с неба. Они являются плодом экономических ситуаций, детерминирующее влияние которых тем сильнее, чем выше их интенсивность и масштаб.

Один из столпов, вокруг которого всегда строилась революционная марксистская доктрина (и который одним махом смёл амбиции утопи-

ческого социализма вместе с прожектёрскими порывами тупого активизма), состоит в том, что всякое великое общественное движение – это одновременно и детерминирующий, и детерминированный акт экономического первоначала (*prius*). Его противоречивые механизмы рано или поздно приводят в движение непримиримые интересы, лежащие в основе любой перестройки или переворота в надстройке.

Возможно, не все экономические кризисы спровоцировали гражданские войны или классовые битвы, но уж точно не было такого социального потрясения, которое не было бы порождено обострением противоречий в базисе. Кроме того, диалектический анализ всегда придавал огромное значение – в рамках законов экономического детерминизма – исходным условиям, первоначальному политическому уровню классовой борьбы, приобретённой способности буржуазии управлять последствиями собственных кризисов и тем самым растягивать их действие во времени, а также субъективной способности рабочего класса ответить на него – независимо от того, выражается она его политическим авангардом или без него.

Совершенно противоположным образом обстоит дело в волюнтаристско-идеалистическом и механистическом подходах. В первом случае классовая борьба и роль её авангарда не связываются с объективными условиями, а прожектёрски раздуваются активистскими ожиданиями. Такие феномены, как готовность к борьбе, возникновение антикапиталистических требований, осознание средств и целей, представляются скорее результатом автономного волевого акта, стоящего над “грубыми экономическими факторами” или вовсе вне их, чем отражением этих факторов.

Якобы достаточно захотеть, чтобы получить или по крайней мере создать условия, благоприятные для классового столкновения. Экономические требования и политические устремления всегда и при любых обстоятельствах существуют в рамках капиталистических производственных отношений. А потому, независимо от уровня зрелости экономических противоречий, роль партии всегда можно мыслить прежде всего как роль инициатора борьбы, как носителя деятельного сознания, как субъективного фактора, способного оказывать влияние, даже когда система не переживает разрушительных кризисов и уровень классовой борьбы остаётся крайне низким. На-

против, чем менее благоприятны объективные условия, тем сильнее волюнтаризм вынужден радикализировать свои установки, вплоть до насилия над реальностью. В результате он неизбежно предстаёт как оторванная от жизни революционность, не способная перевести политическую программу в конкретные результаты социальной борьбы.

Во втором случае всё делегируется эволюции объективных условий. Кризисы создают благоприятную почву для рождения или интенсификации классовой борьбы; совпадение двух феноменов (и только оно) служит сигналом для вмешательства партии или даже для её создания. Иначе она была бы оторванной от реальности, опасной или даже контрпродуктивной.

Механизм (пусть и на разных уровнях) в контрреволюционные фазы отрицает наличие политического пространства для движения авангарда, если только этот авангард не ведёт себя как таковой сугубо теоретически, то есть ограничивается ролью кружка наблюдателей и комментаторов социальных процессов, не ставя перед собой задачу вмешательства в узкие (пусть даже тесные) пространства классового столкновения. Пока из мира экономической детерминации не поступят импульсы, делать нечего, лозунг один: “Все по домам в ожидании лучших времён”.

Очевидно, что подходы “всё и сразу” и “ничего не поделаешь” как теоретические предпосылки гиперактивизма и пассивного выжидания являются, соответственно, следствием “широкого или узкого” взгляда на правильное диалектическое толкование роли категории “партия” в сложном ходе классовой борьбы. Столь же очевидно, что обе тенденции, именно потому, что они вытекают из одной и той же исходной позиции, содержат элементы обоснованности, но, несмотря на это, когда они односторонне делают акцент либо на субъективных, либо на объективных условиях, они по-прежнему остаются в рамках исходной позиции.

Что касается проблемы партии, механистический подход ограничивает сроки её рождения и вмешательства лишь тем моментом, когда под напором экономических кризисов уровень решимости и сознательности классовой борьбы поднимается так высоко, что конкретно ставит вопрос о финальном штурме или завоевании власти. Тем самым он неявно отрицает роль партии как авангарда, как политического собирателя

бесконечных частичных и отраслевых импульсов рабочего класса. Либо объективные условия сами развязывают классовую борьбу и рано или поздно определяют её тактико-стратегические цели, выталкивая её на порог власти (в лучшем случае за партией признаётся роль вторичного и побочного ускорителя процесса, обусловленного стихийным, если угодно – механистическим образом), либо кризис и последующий подъём классовой борьбы являются необходимыми, но недостаточными условиями для революционного исхода.

Именно партия, её политическое присутствие позволяет стихийности класса направиться к политическим целям, превратить бунт в революцию. В противном случае, как случалось бесчисленное число раз, рабочие стачки, рождённые в отдельных секторах и действующие вразнобой, неизбежно сжимаются и затухают, не сдвинув ни на сантиметр расстановку сил с классовым противником. Но условием этого является то, что партия должна сосуществовать и расти вместе с объективными условиями и последующим развитием классовой борьбы. Иначе “партия последнего часа”, пришедшая в движение (или, что ещё хуже, отложившая своё рождение до момента, когда экономическая объективность и политическая субъективность уже широко проявили себя), рискует как минимум оказаться за бортом событий. При условии, конечно, если у этого выжидания вообще будет физическое время в ситуации, чтобы предложить себя в качестве авангарда.

В истории классовой борьбы безусловно не было недостатка в глубоких и разрушительных экономических кризисах, и пролетариат никогда не переставал быть потенциально революционным субъектом. Зачастую не хватало именно партии: либо потому, что она была заранее разгромлена силами контрреволюции, либо из-за её недостаточной политической зрелости, либо потому, что она была продуктом выжидания некоего более благоприятного “потом”. Когда это “потом” наступало, оно заставляло её врасплох, неподготовленной к роли лидера и, что самое главное, неспособной за “двадцать четыре часа” установить с классом те связи, которые единственно и позволяют играть политическую роль.

Как классу нужна партия, чтобы политически выразить себя в революционном смысле, так и партии нужно её классовое содержание, чтобы быть и действовать. Пролетариат, который пошёл

бы на лобовое столкновение с классовым противником без политического руководства, был бы обречён на поражение. Точно так же партия, оторванная от класса, то есть оторванная от своего социального содержания, могла бы быть самым верным хранителем революционной доктрины, могла бы быть совершенной политической машиной, но фатальным образом оказалась бы бесполезной для окончательной развязки. Именно для того, чтобы не попасть в последнюю ситуацию, авангарды должны стремиться устанавливать контакты с классом даже в наименее благоприятные фазы. Упрощая, можно сказать: судьба пролетариата и партии в благоприятных ситуациях будет такой, какую они сумели выковать для себя в контрреволюционные фазы.

Напротив, механицизм, относясь к связи партии и класса как к физическому феномену, подчинённому законам каузальности, не только запрещает партии выстраивать свою медленную и трудную организационную жизнь в фазы, предшествующие революционному восстанию, но и одновременно кастрирует пролетариат, лишая его незаменимого политического инструмента.

Схема “кризис – возрождение классовой борьбы – рождение партии” одновременно и ограничивает диалектический подход, и предстаёт опасно бессильной в деле связывания тех бесконечных нитей, которые тянутся от классовой борьбы: ей остаётся только постулировать теоретически – в виде абстрактной аксиомы, – будто достаточно выйти из тени лишь в момент, когда ситуация это позволяет, и решить за этот временной промежуток (часто короткий и трудноуловимый) весь комплекс отношений между классом и партией, являющийся предпосылкой для революционного исхода.

РОЛЬ ПАРТИИ В КЛАССОВОЙ БОРЬБЕ

Прежде всего, революционеры, авангарды и, точнее сказать, классовая партия не выбирают ни момент, ни условия своего вмешательства. И то, и другое определяется развитием экономических противоречий и социальными последствиями. Очевидно, что именно буржуазное общество своим существованием определяет и навязывает классу и его авангардам не только поле, но и формы столкновения. Достаточно вспомнить о сегодняшнем систематическом, научно

организованном наступлении международной буржуазии на пролетариат на базе технологической реструктуризации во всех важнейших секторах производства. Борьба против увольнений, сокращений штатов, сдерживания стоимости рабочей силы в различных формулировках, сверхэксплуатации тех, кто остался на фабрике, и сама борьба за сокращение рабочего времени – всё это зародилось на почве, навязанной буржуазией. Экономический кризис, “сужение” рынка, торговая и финансовая война задают её темпы.

Точно так же, как вчера фаза экономической экспансии и “широких” рыночных пространств позволяла осуществлять совместимые с системой требования, подбирая крохи от растущего процесса капиталистического накопления.

Только возрождение классового сознания, подкреплённое активным присутствием классовой партии, позволяет сначала сдержать, а затем и преодолеть давление буржуазии.

Но отказаться от поля борьбы из-за того, что оно ненадёжно, трудно для политического проникновения и лучше контролируется капиталом, означает создать все предпосылки для того, чтобы в теоретически более благоприятных ситуациях были впустую растрачены все способы зацепиться за развитие реальной обстановки.

Во-вторых, партия – это не только фактор доктрины и воли, но и политический инструмент классовой борьбы. И хотя третья характеристика неявно содержится в первых двух, идеалистические и механистические деформации далеко не всегда должным образом принимают её в расчёт.

Когда партию определяют как политический инструмент классовой борьбы, это понимается как историческая необходимость и устойчивая тенденция на всём протяжении периода существования капиталистических производственных отношений, а не как нечто, относящееся к какому-либо отдельному аспекту или моменту классовой борьбы. Термин “классовая борьба” выражает концепцию, которая с необходимостью вытекает из антагонистических и непримиримых отношений между буржуазией и пролетариатом, основанных на столь же непримиримом и антагонистическом отношении между капиталом и трудом, а не из какого-то частного момента. Поэтому уровень классовой борьбы, разумеется, может варьироваться в зависимости от степени развития экономических противоречий, наличия кризисов, способности буржуазии к управлению,

уровня сознания рабочего класса, его боевитости. Но она никогда не может прекратиться, точно так же, как не должен исчезать её политический ориентир.

То, что буржуазии удаётся одержать верх над пролетариатом – либо через мистифицирующую роль социал-демократии, либо через политику открытых репрессий (вводя исключительные законы, ограничивая или отменяя так называемые гражданские и демократические права, обезглавливая пролетариат, лишая его наиболее репрезентативных выразителей) – не означает, что классовая борьба больше не существует или выражается на столь низком уровне, что всякое сопротивление (пусть и в подполье) становится ненужным. Это означает лишь, что в данный момент столкновение характеризуется победоносным наступлением буржуазии и временным отступлением пролетариата.

Но это не даёт малочисленным меньшинствам, которым, возможно, удалось ускользнуть из сети репрессий, права теоретизировать и практиковать самоустранение на том простом основании, что классовой борьбы якобы “нет” и что поэтому “ничего нельзя поделать”. Напротив, можно сказать, что будущее возрождение классовой борьбы будет также зависеть от того, что эти малочисленные меньшинства смогли политически сделать в открыто контрреволюционные фазы.

Задача буржуазии – экономически и политически подавить рабочий класс, отсечь ему мыслящую голову, оторвать его от партии, противодействовать любым экономическим и политическим устремлениям. Безусловно, не революционеры (много их или мало, велико или мало их влияние на ход классовой борьбы) должны помогать буржуазии в её зачистках, самоликвидируясь политически и доводя до конца работу, с которой репрессивные органы государства справились лишь отчасти. Отказ даже от работы по медленному восстановлению связей, от проникновения в те крошечные щели, которые всё равно оставляет даже самое репрессивное государство, означает отказ от необходимого условия (хотя, разумеется, недостаточного – это мы говорим для легковеров всех мастей) более быстрого подъёма классовой борьбы в более зрелый период.

Там, где существуют хотя бы минимальные возможности для организации и политической работы, авангарды должны работать против те-

чения. Не только для того, чтобы заново связать красную нить, и не только для того, чтобы убедить “священные принципы” от процессов вырождения, но и для того, чтобы пытаться быть политическим ориентиром (каким бы слабым он ни был) для классовой борьбы, которая не перестаёт существовать, даже если выражается на крайне низких уровнях.

Партия именно потому, что она не является чем-то отличным от класса, а представляет собой его часть – самую передовую и сознательную – и выражает его политическую перспективу на любом этапе столкновения с классовым противником, не должна прекращать играть свою роль под страхом самоликвидации.

Партии и авангарды могут и исчезнуть; явным свидетельством тому служит период, когда ревизионизм и контрреволюция выкосили революционный лагерь, начиная со второй половины двадцатых годов. Но одно дело – пасть в классовом бою с силами контрреволюции со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями и совсем другое – прогнуться под ситуацию, теоретически обосновывая необходимость отсутствия политического ориентира для побеждённого класса как чего-то излишнего или даже вредного.

Из такого подхода вытекал бы пересмотренный и исправленный лозунг: пролетарии всех стран, соединяйтесь, но только в моменты, когда на повестке дня стоит революционный штурм; в остальное же время, которое является повседневной нормой, – каждый за себя, а бог за всех.

На вопрос: *“На кого или на что должен будет опереться класс в тот момент, когда взрыв капиталистических противоречий вытолкнет его на площади в поисках хоть какого-то решения насущных проблем и в поисках политического руководства (которое к тому времени так и не сформировалось или самоликвидировалось)?”*, – ответ звучит так: *“На сам кризис!”*. И вот вновь перед нами механицизм уравнивания “кризис – возрождение классовой борьбы – рождение партии” как явления стихийного, естественного в отношениях базиса и надстройки.

В качестве первого вывода: антидиалектический подход, как в идеалистической, так и в механистической версиях, не делает ничего иного, как нарушает верхние и нижние пределы правильного отношения между партией и классом

в условиях сохранения капиталистических производственных отношений.

Насилие над объективными условиями посредством любого рода прожектёрского активизма, либо подчинение им с мессиански выжидательной позицией на практике приводят к невозможности создания или сохранения органических связей с классом.

Диалектический подход, видящий в партии элементы доктрины, метода, воли, но прежде всего и главным образом – политического творца развития классовой борьбы независимо от её исторических или случайных уровней – это не очередная пресловутая “золотая середина” между двумя крайними позициями, а их диалектическое преодоление. Такой подход не пытается насиловать внешнюю ситуацию, но тактически терпит её обусловленность. Он не растворяется в позиции “ничего нельзя поделать”, а вырабатывает линию вмешательства, соразмерную потребностям конкретной ситуации.

КОНКРЕТНЫЙ ПРИМЕР

Как ни парадоксально, идеализм и механицизм не рождаются и не развиваются внутри изолированных и независимых сфер. Они очень часто резонируют, находя общие области анализа и практики, что делает их политическую сущность ещё более размытой.

Выжидательство и абстрактизм, практицизм (*concretismo*) и волюнтаризм как политические подкатегории идеализма и механицизма очень часто переплетаются и смешиваются друг с другом.

Пятьдесят лет контрреволюции и изоляции немногочисленных авангардов привели к тому, что на нынешнем этапе (характеризующемся медленным и трудным возрождением классовой борьбы на фоне неразрешимого международного экономического кризиса) отношения между партией и классом подверглись всевозможным искажениям даже в политически наиболее “здоровых” традициях.

Дополнительным фактором, “новшеством” по сравнению с послевоенными годами, стала отнюдь не механистическая ситуация: перед лицом кризиса мировой капиталистической производственной системы ожидаемое возрождение классовой борьбы запоздало как по срокам, так и по интенсивности.

Как для тех, кто думал опередить время, так и для тех, кто с опозданием осознал то, что наз-

ревало в мире экономического базиса, десятилетие (и даже больше) международного экономического кризиса и “обманутых” ожиданий привело к тому, что абстрактизм и практицизм, каждый в рамках своих аналитических категорий, довели свои позиции до крайности.

В первом случае в каждом социальном эпизоде, каковы бы ни были его причины и надстроечные формы проявления, по определению хотели видеть знак возобновления классовой борьбы. Из этого вытекала практика выдвигания целого ряда столь же общих, сколь и бесплодных деклараций – бесплодных как потому, что они были лишены всякого конкретного содержания, так и потому, что обращались либо к ещё не возникшей борьбе, существовавшей лишь в воображении тех, кто её призывал, либо рассчитанных на движения, совершенно не способные воспринять столь “передовые” политические установки. Во втором случае медлительность классовой борьбы подталкивала к поиску “коротких путей” – идти как Магомет к горе, но не по проторенной дороге. Якобы, если проблема в том, чтобы связать себя с массами в момент, когда они – несмотря на экономический кризис – с трудом откликаются на политический призыв авангарда, то необходимо выработать более гибкий, а значит, более эффективный, пусть и компромиссный, менее политически акцентированный подход, всё более плетущийся в хвосте у стихийности рабочих стачек.

Независимо от различий в методах и подходах, абстрактизм и практицизм забывают (или в лучшем случае недооценивают), что фундаментальная задача авангардов – это повышение политического уровня борьбы. Даже отправляясь от наименее благоприятных условий, каким бы ни был стартовый уровень стачек, роль авангарда состоит в том, чтобы вносить ясность, продвигать вперёд – пусть даже ненамного – классовое сознание. Даже поражение, понесённое на экономической почве, может превратиться в “победу”, если из него будет извлечён политический урок. Сколько раз стачки, рождавшиеся и умиравшие на экономической почве, из-за отсутствия политического руководства или из-за слепоты авангарда порождали лишь уныние и разочарование; сколько раз подобные поражения ещё больше снижали уровень и боевой дух рабочего класса.

Классовая партия является таковой не только потому, что делает своими экономические и по-

литические требования класса, не только потому, что становится во главе борьбы, не только потому, что она в классе и для класса, но прежде всего потому, что она должна представлять его ведущую политическую силу, движущий элемент, который от стачки к стачке, от ситуации к ситуации сдвигает политическую ось ко всё более передовым целям. Она получает стимулы и запросы из конкретной ситуации классовой борьбы, тактически перерабатывает их и возвращается в ту же ситуацию в качестве более передового политического ориентира.

Именно потому, что классовая борьба – это процесс, а не акт, партия либо диалектически растёт вместе с развитием ситуаций (забирая и формируя, получая импульсы и возвращаясь к ним, чтобы политически их обусловить), либо подвергается неминуемому риску абстрагироваться от борьбы или быть ею раздавленной.

Быть внутри борьбы, быть с рабочим классом в момент его выступления – это лишь необходимое условие для осуществления позитивной роли политического руководства, но этого совершенно недостаточно. Подстраиваться под экономические требования, не пытаться преодолеть их политические рамки из страха оказаться вне движения или не быть понятым; отказываться выдвигать более передовые политические альтернативы потому, что “политический уровень класса таков, каков он есть” – всё это означает делать всего понемногу, бросаться в активизм, гоняться за всеми ситуациями, физически находиться в гуще борьбы, иметь иллюзию того, что ты в классе и для класса, но это абсолютно не означает играть революционную роль.

Как бы это ни задевало самолюбие теоретиков самосознания в пёстрой гамме анархистских, консилиаристских, автономистских и прочих версий, равно как и теоретиков “практицизма любой ценой” (здесь противоположности вновь сходятся), стихийность класса имеет свой предел именно в тех экономических условиях, которые её породили. Когда сектора рабочего класса выходят на поле прямого столкновения, они не только делают это узкоотраслевым образом, но и с намерением удовлетворить свои экономические требования в рамках более широкой экономической и особенно политической картины, которая не ставится под сомнение.

Необходимость обобщения борьбы, выход – хотя бы и чисто экономический – за рамки того,

что допускает сама система, медленная трансформация экономических стачек в политические – всё то, что с точки зрения тактической разработки необходимо для практического воплощения задач различных фаз классовой борьбы, не является достоянием, изначально присущим самой стихийности класса. Если верно, что в понятие “класс” заложено наличие объединяющего элемента (представленного общей основой, посредством которой рабочая сила вступает в отношение с капиталом и в равной мере подчиняется его потребности в самовозрастании стоимости), то верно и то, что действуют и разъединяющие факторы: корпоративные, статусные или даже индивидуальные интересы, на которых буржуазия всегда умела играть, чтобы расколоть рабочий класс.

Это не значит, что уровень классовой борьбы (понимаемой как социальный феномен, стихийный и автономный от политической обусловленности) не может расти и преодолевать первые большие препятствия. Но это значит, что он не может перешагнуть определённый политический порог, не может механически перерасти в политическую революцию путём самотрансформации.

Без экономических кризисов не бывает социальных потрясений, равно как последние не могут привести к революционным решениям без деятельного присутствия классовой партии.

Задача партии состоит именно в преодолении партикуляристской стихийности, экономизма, который неизбежно является её изначальной пружиной, в объединении и обобщении борьбы, с целью попытаться придать ей политическую направленность, революционный характер, всё более чуждый экономической и политической совместимости с буржуазным обществом. Всё это, очевидно, является процессом, чья интенсивность и длительность зависят от бесконечного числа внутренних и международных факторов, но который в любом случае состоит из стратегически последовательных политических актов.

Другими словами, либо тактика (то есть решение текущих проблем, которые классовая борьба то и дело выдвигает, зачастую в смутной и противоречивой форме) стремится ориентироваться на революционную цель, либо, когда путеводная нить рвётся, запускается порочный механизм распыления и фрагментации, приво-

дящий к блокированию дальнейшего роста революционного сознания.

Сколько раз, даже при наличии так называемых благоприятных объективных условий, класс выходил на столкновение без политического руководства, вразброд, разделённый тысячами интересов и идеологий перед лицом буржуазии (пусть ослабленной и обеспокоенной, но, несомненно, более сплочённой и оперативно единой). В этих случаях стачки рождались и умирали на экономической почве, так и не поставив под сомнение общую политическую картину, не породив заметного прогресса в процессе политического и революционного роста. Трагическим и неизбежным следствием этого было то, что сокровища решимости и готовности к борьбе впустую растрчивались на ложные цели и несуществующие перспективы.

Конкретный и недавний пример тому даёт как раз забастовка английских шахтёров. Об этой борьбе сказано немало: её уникальная продолжительность и решимость участников справедливо вызывали восхищение. Забастовка шахтёров стала впечатляющим примером борьбы, не имеющим аналогов в истории английского и международного рабочего движения.

Столь же справедливо было указано на её ограниченность, прежде всего политическую. Но революционной “средой” (которая всё равно была вынуждена следить за развитием этого грандиозного опыта в роли бессильного наблюдателя) в недостаточной степени были приняты во внимание два аспекта.

Первый касается именно необходимости присутствия партии и, следовательно, усилий (абсолютно приоритетных сегодня в революционном лагере) по концентрации энергии на укреплении и создании партийных организмов, дабы будущие эпизоды борьбы в Англии и в других местах не развивались вне или без собственного политического руководства.

Второй относится к той роли, которую должен был бы сыграть политический авангард – при условии, что он присутствовал бы и был способен действовать – в специфических условиях борьбы английских шахтёров.

Контуры первой проблемы мы уже очертили. Нужно лишь отметить, как в условиях затянувшегося мирового кризиса и связанных с ним эпизодов возрождения классовой борьбы многие политические силы так и не отказались от своих

“фракционистских наклонностей”, постоянно откладывая на завтра действия по созданию классовой партии, со всеми вытекающими отсюда ограничениями.

Что касается второй проблемы, полезно выделить фундаментальные аспекты, чтобы вывести из них наилучшие тактические решения.

Прежде всего необходимо рассмотреть экономическую ситуацию, из которой выросла борьба английских шахтёров. Такая предосторожность сама по себе может показаться излишней или само собой разумеющейся, однако в действительности она имеет фундаментальное значение для понимания дальнейшего развития этой борьбы.

Во-вторых, необходимо учитывать все экономические и субъективные факторы, а также соответствующее соотношение сил, чтобы борьба за экономические требования получила возможность расшириться и, прежде всего, выйти из изоляции.

Наконец, необходимо определить, какие фазы могут позволить начать этот долгий, всегда трудный процесс – усеянный победами и поражениями, внезапными взлётами и не менее стремительными отступлениями – трансформации экономического содержания в сплачивающие политические завоевания.

Экономическая данность, из которой родилась и развилась забастовка, является следствием колоссального процесса реструктуризации, навязанного кризисом. В Великобритании, как и везде, это вызвало классовый ответ, но более сильный, чем где-либо ещё.

Как и в других секторах английской экономики, процесс реструктуризации в шахтах предусматривал резкое сокращение рабочих мест, полное закрытие устаревших шахт и реорганизацию производства на основе передовых технологий, что неизбежно вело к разрушению целых рабочих посёлков, появлению десятков тысяч безработных и голоду в их семьях. Потребности возрастания стоимости капитала и в “хорошие” времена никогда не считались с уровнем жизни и выживания рабочего класса, что уж говорить о кризисных фазах. Напротив, в такие фазы безработица и доведение рабочего класса до голода являются условиями выживания капитала.

Когда администрация Тэтчер совместно с Макгрегором, председателем NCB (Национального управления угольной промышленности), присту-

пила к реализации плана реструктуризации, предполагавшего закрытие сотен шахт, английские шахтёры оказались вынуждены ответить на атаку буржуазии, исходившую от её органа политического господства – правительства, причём на самом элементарном уровне: уровне выживания.

И вновь борьба нашла свой непосредственный источник в экономических условиях, и именно на этой основе почти целый год разворачивался грандиозный эпизод классового столкновения. Ограниченность (помимо международной и внутренней изоляции) проявилась – в отсутствие классовой партии, способной активно действовать в развернувшемся столкновении, – когда классовый ответ, родившийся на экономической почве, на ней же и умер, даже не начав расти политически.

Первым шагом должна была стать попытка генерализации борьбы шахтёров – цель, с которой согласны все. Даже абстрактизм проповедовал, что распространение борьбы шахтёров на другие производственные сектора, солидарность британского рабочего мира, а затем и международного, должны были стать условиями взлёта самого движения. И здесь снова одно дело – давать общие указания, синтезированные в более или менее эффективных лозунгах, и совсем другое – определить конкретные шаги и конкретную почву, на которой можно организовать перерастание самой борьбы.

Для абстрактизма такая проблема даже не стоит. Революционная партия, мол, имеет задачей лишь помочь борьбе извне, содействовать необходимости её расширения и политического роста, не выходя за рамки общих указаний по той простой причине, что привычный идеалистический механизм классового самосознания способен сам решить все проблемы. Но всё никогда не бывает так просто.

Для шахтёров было бесполезно и наивно взывать к некой обобщённой солидарности, основанной на столь же абстрактной необходимости генерализации борьбы. Так изоляцию не прорвать, и главное – не сровнять барьеры корпоративизма, узкоотраслевых интересов или, что ещё хуже, безразличия подавляющей массы других рабочих. Нужно было увязать абстрактное понятие солидарности с конкретными проблемами, касающимися всего мира труда, такими как сохранение рабочих мест и гарантия заработной платы – потребностями, которые волновали не

только бастующих шахтёров, но и весь мир труда, в той или иной степени затронутый процессом реструктуризации.

Взывать к солидарности во имя защиты до последнего сотен технологически устаревших шахт было не только редуccionизмом с точки зрения самой борьбы шахтёров, но и уж точно не было той почвой, на которую можно было бы мобилизовать другие категории рабочих.

Подход должен был состоять в том, чтобы связать экономические требования как следствие общей причины: капиталистического кризиса с его порочным придатком – реструктуризацией. Только так, на тактическом уровне, можно было бы выстроить вмешательство, направленное на создание общей почвы между занятыми и безработными, между рабочими, уже затронутыми реструктуризацией, и теми, кого она должна была затронуть в ближайшем будущем, между теми, кто уже боролся, и теми, кому ещё предстояло вступить в борьбу для защиты общих интересов.

Только так можно было бы начать революционную реорганизацию рабочего класса, отталкиваясь от реальной экономической данности, делая ставку на генерализацию борьбы, переходя от солидарности рабочей массы к тактическому использованию промежуточных, но объединяющих целей, таких как гарантия рабочего места, непрерывность выплаты зарплаты жертвам реструктуризации, корректировка пособий по безработице соразмерно семейному бремени, сокращение рабочего времени при сохранении зарплаты и уровня производительности.

Очевидно, что революционеры не выбирают момент и формы вмешательства: и то, и другое диктуется объективной ситуацией, в которой приходится работать. Но всего этого совершенно недостаточно. Недостаточно быть с массами в борьбе, недостаточно найти объединяющую тактику требований; задача революционных авангардов – пойти дальше экономической данности, увязать её с политическим вопросом, иными словами – превратить борьбу за экономические требования в первый момент политического столкновения как предпосылку старта революционного процесса.

И в этом случае предполагаемые автоматизмы стихийности и классового самосознания не срабатывали. Ярчайшим тому доказательством является именно опыт английских шахтёров, где борьба не только не сдвинулась с первоначальной точки,

но даже не попыталась выйти за рамки, навязанные профсоюзными организациями.

Даже оставаясь преимущественно на экономической почве, переход ко второму уровню противостояния должен был бы найти связующее звено в борьбе с так называемой системной совместимостью⁵. То есть сами требования в области заработной платы, занятости и производительности не должны были подчиняться ограничениям, диктуемым потребностями процесса возрастания стоимости капитала и планом реорганизации производства, предусмотренным реструктуризацией. Только так экономическая борьба сама собой породила бы политическое столкновение со всеми силами консервации системы: от правительства до профсоюзов, от судейского корпуса до полиции. Политическая борьба в целом означает борьбу против тех сил, которые удерживают власть и управляют ею во имя нужд капитала – независимо от того, какие на них ярлыки: реакционеров, демократов или прогрессистов. В конкретной ситуации борьба против рамок капиталистической системы и против политических сил означала прямое столкновение с теми, кто осуществлял, управлял или поддерживал это управление на местах, на фабриках, в шахтёрских посёлках и на самих шахтах. Те, кто думал решить проблему, выдвигая лозунг “долой правительство Тэтчер” (по старой памяти из 68-го года), сели в лужу.

Рабочим, которые месяцами бастовали и ежедневно сталкивались с полицией, выдвигание лозунгов вроде отстранения правительства Тэтчер не добавляло ничего с точки зрения ясности и политических завоеваний. Помимо сопротивления правительству (что само по себе было очевидно и уже происходило), борьба должна была быть направлена против профсоюзов, против самых передовых структур консервации, которые вышли на сцену, чтобы на первом этапе пойти на поводу у рабочей ярости, на среднем – сдерживать её в рамках экономической и политической совместимости, а в трагическом финале – управлять неизбежным поражением.

NUM (Национальный союз горняков) превосходно выполнил эту функцию последнего бастиона: он стоял на страже святости институтов, чтобы не ставилось под сомнение само их существование, и более того – делал всё, чтобы эта

идея не пустила корни среди шахтёров. Кроме того, NUM оседлал тигра в интересах лейбористов, готовя почву для смены правительства или по меньшей мере осложняя жизнь Консервативной партии.

Только те, кто привык принимать желаемое за действительное, могли увидеть в поведении NUM и его секретаря Скаргилла искреннюю приверженность рабочему классу, пусть и реализующуюся на реформистской почве. Забастовка шахтёров, если бы она создала условия для своей генерализации и большей политической радикализации за пределами и против рамок капиталистической системы, столкнулась бы не только с консервативным правительством (поддерживаемым Лейбористской партией), армией и судебной системой (столь щедрой в те месяцы на антирабочие приговоры), но и с самим профсоюзным лагерем во главе с NUM.

Впрочем, достаточно бросить беглый взгляд на поведение различных профсоюзных организаций, чтобы получить точную картину того, как бы развивались события в случае перерастания борьбы на политический уровень.

В начале конфликта профсоюзный мир мог лишь заявить о своей безоговорочной солидарности с шахтёрами. Но когда эта солидарность превратилась в реальные забастовки – как у госслужащих Шеффилда и Сент-Хеленса, как у 9 тысяч рабочих Ливерпуля, протестовавших против тюремного заключения 37 рабочих верфи Cammell Laird, в оккупацию верфей, в 24-недельную забастовку работников социальной службы (DMSS) против сокращений в рамках реструктуризации, а также в волнения на мелких предприятиях и ещё один крупный эпизод борьбы докеров – мы стали свидетелями стремительного отступления профсоюзов.

Профсоюз NACODS пошёл на попятную, чтобы избежать забастовки в поддержку борьбы шахтёров, хотя его члены ранее подавляющим большинством проголосовали за неё. Другой профсоюз, ISTC (сталелитейщики), открыто поддерживал поезда с углём, управляемые штрейкбрехерами, и помогал прорывать пикеты, в то время как ЕЕРТУ (электрики) призывал своих членов выходить на работу и срывать эту “неоправданную” забастовку! TUC (Британский конгресс тред-юнионов) отказался от какой-либо конкретной поддержки

5 - Совместимость требований с нормальным функционированием капиталистической системы (прим. пер.).

и осудил шахтёров за нарушение закона и столкновения с полицией. Разумеется, Лейбористская партия также призывала шахтёров подчиниться законам хозяев и позволяла полиции расправляться с ними. Таким образом, было фатально неизбежно, что политическое перерастание борьбы должно было бы свести счёты с профсоюзными организациями как с пятью колоннами буржуазной консервации.

Но как прорвать окружение? Готовых и красивых рецептов на все случаи жизни не существует. Безусловно, в специфической британской ситуации путь, который мог бы вывести борьбу шахтёров за пределы экономической совместимости и из-под контроля профсоюза (к первой и реальной автономии управления собственными классовыми интересами), должен был пролегать через создание и укрепление стачечных комитетов. Эти комитеты должны были взять за отправную точку описанные выше экономические требования, а в качестве первой политической цели – эмансипацию от профсоюзной опеки.

Во-вторых, необходимо было наращивать и опощать все те эпизоды (пусть даже грубые и находящиеся в зачаточном состоянии) распространения борьбы по территории, как первый важный момент выхода за рамки простого пикетирования шахт.

В последние месяцы борьбы стихийно возникли некоторые выступления, которые профсоюз немедленно бойкотировал, а Лейбористская партия осудила как безответственные. В городках Фитцвильям и Мэлтби, как и во многих шахтёрских поселках Йоркшира, горняки захватывали местные радиостанции, организовывали нападения на полицейские участки и устраивали акции, принимавшие повстанческий характер.

Само по себе очевидно, что внутри процесса классовой борьбы проблемы не решаются по готовому рецепту или по разработанной в кабинете тактике. Но столь же очевидно и то, что задача революционного авангарда состоит в том, чтобы всегда толкать уровень столкновения вперёд, нацеливаясь на те ориентиры, которых массы стихийно достичь не в состоянии.

Практицизм повёл себя с точностью до наоборот. Будучи озабочен скорее тем, чтобы примкнуть к движению, чем стать его авангардом, обжёгшись на десятилетиях изоляции и будучи не в состоянии играть руководящую роль (и из-за отсутствия самой борьбы, и из-за колос-

сальной трудности заниматься “революционной политикой” в периоды стагнации), практицизм счёл за лучшее атаковать препятствие совершенно с другой стороны.

Провозглашая – в качестве своего рода превентивного оправдания, – что революция есть длительный и мучительный процесс, что вмешательство авангарда имеет смысл лишь в том случае, если оно учитывает стартовый уровень классовой борьбы, практицизм в итоге скатывается к самому раболопному оппортунизму. Он подчиняется политическому уровню стихийности масс и фактически отказывается играть роль авангарда в так называемом процессе борьбы.

Неслучайно некоторые течения практицизма перед лицом забастовки английских шахтёров, взяв за основу саму суть забастовки и её политический уровень, не смогли дать никаких иных указаний, кроме туманных лозунгов в духе 1968 года: “Долой правительство Тэтчер”.

Куда серьёзнее оказался подход к проблеме “класс – профсоюз”. Хотя практицизм и исходит из верного соображения, что профсоюзы ныне являются всецело буржуазными организациями, структурно связанными с потребностями и требованиями совместимости механизмов накопления капитала, он дошёл до того, что стал защищать от “атак” правительства сами профсоюзные структуры (NUM) и их политического покровителя – Лейбористскую партию!

И всё это по той простой причине, что внутри этих организаций находится и действует рабочий класс. В данном случае налицо явное смешение необходимости вести политическую работу там, где выражает себя класс – ради преодоления чуждых ему “институциональных рамок” и политических сфер, – с застреванием на уровне тактических требований. В итоге они оказываются обусловленными именно там, где собирались сами оказывать влияние.

Если только для этих новообращённых реформистов подход к профсоюзному вопросу и их практицизм не являются практическими предпосылками для полной политической ревизии роли партии, функции неосоциал-демократии, отношений между партией и буржуазными слоями и, почему бы нет, для более гибкого прочтения Единого фронта и “революционного реформизма – со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Prometeo, № 9, IV сепия, 1985 г.

“Коммунистический Прометей” – это группа революционных марксистов, рассматривающих свою деятельность как часть всемирного движения рабочего класса за преодоление капитализма. Мы опираемся на программное ядро “Манифеста Коммунистической партии” и исходим из того, что коммунизм – не утопия и не абстрактный идеал, а историческая необходимость, вырастающая из самого развития современного общества.

Мы убеждены, что капитализм выполнил свою историческую роль. Создав мировой рынок и гигантские производительные силы, он одновременно обострил противоречия до глобального масштаба – от экономических кризисов до империалистических войн. Современная эпоха ставит человечество перед альтернативой: либо сохранение системы, порождающей эксплуатацию, неравенство и разрушение, либо её революционное преодоление – **коммунизм или варварство**.

Мы разделяем фундаментальное положение марксизма: **освобождение рабочего класса может быть делом только самого рабочего класса**. Ни реформы, ни смена правящих групп, ни расширение “социального государства” не устраняют основы эксплуатации. Уничтожение частной собственности и товарного производства невозможно заменить национализациями, государственным регулированием или поиском “третьего пути” между капитализмом и коммунизмом. Либо общество остаётся в рамках капиталистической системы, либо переходит к непосредственно общественной организации труда.

Мы отвергаем все формы так называемого “реального социализма”, поскольку они сохраняли товарное производство, наёмный труд, деньги и государственный аппарат – то есть основы капиталистического способа производства. Сталинизм, маоизм и подобные идеологии представляли собой варианты государственного управления капиталом и сопровождали модернизацию отсталых стран, а не переход к коммунизму. Подмена уничтожения частной собственности её огосударствлением дезориентировала рабочий класс и скомпрометировала идею социализма.

Современный рабочий класс составляет большинство общества, но лишён политической самостоятельности, поскольку господствующими идеями остаются идеи буржуазии. Через медиа, образование, культуру и повседневные практики капитализм воспроизводит себя как “естественный” порядок, формируя у наёмных работников иллюзии национального единства, социального партнёрства и индивидуального успеха. Поэтому необходимо способствовать превращению стихийного недовольства в осознанную классовую позицию, направленную против самого капиталистического способа производства. Мы должны участвовать во всех проявлениях борьбы наёмных работников, обобщать их опыт, связывать частные конфликты с революционной перспективой.

Мы не считаем себя уже существующей мировой коммунистической партией и не претендуем на роль её единственного зародыша. Наша задача – способствовать её формированию как политической организации мирового пролетариата. При этом партия не должна заменить собой класс – она должна расти вместе с ним, обобщать его опыт, связывать разрозненные формы борьбы и придавать им сознательное направление. Освобождение возможно только как коллективное действие самого рабочего класса; партия лишь придаёт этому действию более организованный и целостный характер, не отделяя себя от исторического движения, частью которого она является.

Капитализм неизбежно порождает войны. Конкуренция капиталов и государств, борьба за рынки и ресурсы – это не отклонения, а логика системы. В нынешнюю эпоху большинство межгосударственных конфликтов носит империалистический характер, независимо от того, какие лозунги используются для их оправдания.

Перед лицом войн современного империализма коммунисты не выбирают “меньшее зло” и не становятся на сторону ни одной из воюющих буржуазий. Независимо от того, кто первым начал боевые действия, каждая из сторон защищает интересы капитала, делит рынки и сферы влияния. Поэтому нашей позицией остаётся **революционное пораженчество**: превращение империалистической войны в борьбу против собственно правящего класса. Поэтому мы сохраняем верность лозунгу немецких спартакистов: **“Враг в собственном доме”**. Главный противник рабочего находится не по другую сторону фронта, а в собственной столице, в собственном государстве, в собственном правительстве.

Мы живём в период вызревания условий будущих социальных потрясений. При всей слабости революционного движения в мировых центрах капитала объективные противоречия системы нарастают. Это требует не сектантского замыкания, а последовательной, терпеливой работы: распространения марксистской теории, участия в реальной борьбе, формирования кадров, способных соединить революционную теорию и практику.

Настоящее освобождение возможно лишь как коллективный акт мирового класса наёмных работников. После капитализма не будет ни эксплуататоров, ни эксплуатируемых – только свободное объединение людей, организующих производство и общественную жизнь на основе общих потребностей.